

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2026
ЧАСТЬ XI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Грегори Хаус* (1959), главный герой американского телесериала «Доктор Хаус», роль которого исполняет британский актер Хью Лори.

Доктор Грегори Хаус — циничный и язвительный тип, который терпеть не может общаться с пациентами, старательно «косит» от работы и говорит гадости. При этом он лучший диагност в больнице, к нему обращаются в сложных и непонятных случаях. Работает Хаус с командой врачей, которых подбирает, руководствуясь своеобразными критериями. Доктора Формана, афроамериканца, Хаус нанял за юношескую судимость, которую посчитал признаком готовности к действию, Кэмерон — за внешнюю красоту, а Чейза — потому что Хаусу позволили и попросили об этом.

Образ Хауса создатели сериала выстроили на ассоциациях с Шерлоком Холмсом. Даже фамилия героя — Хаус (от house — дом) вызывает прямые ассоциации с фамилией Холмс (Holmes звучит как «хоумс», «дома» по-английски). Как и у великого сыщика, у Хауса есть верный друг и спутник доктор Уилсон, чья фамилия также наводит на ассоциации с Ватсоном. Даже адреса, где живут герои, совпадают почти полностью. Знаменитый дом Шерлока Холмса находится в Лондоне, на Бейкер-стрит, 221Б. Доктор Хаус тоже живет на Бейкер-стрит, 221, квартира Б, но в Принстоне, штат Нью-Джерси. Больше того, Хаус и доктор Уилсон занимают одну квартиру и живут в соседних комнатах, как Холмс и доктор Ватсон.

Сходство с Холмсом этим не ограничивается. Герой Конан Дойля употребляет наркотики внутривенно, когда мучается скукой из-за длительного отсутствия работы. Хаус «сидит» на обезболивающем, в состав которого входит опиат. Доктор Хаус принимает этот препарат вынужденно, а не из прихоти. Как и Холмс, доктор использует дедуктивный метод и элементы расследования, чтобы поставить диагноз. Коллеги доктора обыскивают дома пациентов в поисках улик, как если бы это было местом преступления, а сам Хаус интересуется только экстраординарными, сложными медицинскими случаями и часто впадает в скуку из-за простой и рутинной работы.

Холмс играл на скрипке, Хаус же играет на фортепиано, гитаре и губной гармошке. Он так же, как и знаменитый детектив, бесцеремонно относится к людям. Часто доктор не только ставит диагнозы, используя дедуктивный метод, но и выдает нечто о личной жизни и обстоятельствах больного. К примеру, сообщает человеку, что тому изменяет жена.

В жизни Хауса промелькнул и Мориарти. Человек с такой фамилией стрелял в доктора в заключительном эпизоде второго сезона. А в одиннадцатом эпизоде пятого сезона друг Хауса, доктор Уилсон, рассказывает байку (выдуманную) о некой Ирен Адлер, в которую Хаус якобы был влюблен, а та бросила доктора.

Хаус страдает из-за своей хромоты и ходит с тростью. Это не мешает герою отпускать злые шуточки в адрес других «калек». Герой постоянно пытается избежать

встречи с пациентами, старается провести день в кабинете и улизнуть из больницы, как только рабочий день заканчивается. При этом Хаус — отличный специалист, который готов рисковать и принимать ответственность, когда берется лечить сложные случаи. Герой начинает лечение часто на ходу, не дожидаясь дополнительного подтверждения предварительно поставленного диагноза (на это обычно нет времени).

Хаус избегает надевать медицинский халат, чтобы пациенты не идентифицировали его как врача и не набросились с просьбами о консультации. При этом ему вовсе не безразлична судьба пациентов.

Внешне доктор Хаус выглядит как стареющий мужчина: худой, длинный, «помятый» и небрежный в одежде. Герой любит листать журналы, смотреть медицинские сериалы по телевизору, но когда доходит до дела, Хаус незаменим. Несмотря на хромоту и нелюбовь к работе, герой легко приезжает в клинику ночью, когда в этом действительно есть необходимость. Коллеги Хауса относятся к нему с большим уважением. Директор клиники в беседе с недовольным пациентом открыто называет Хауса мерзавцем, но не может его уволить, потому что этот «мерзавец» — лучший врач в клинике.

Грегори Хаус — блестящий диагност, чьи знания охватывают нефрологию, инфекционные болезни, онкологию, ревматологию и генетику. Его база знаний не ограничивается учебниками: он использует свои познания в физике, химии, истории и токсикологии, мастерски выстраивая логические цепочки.

Хаус совмещает глубокие академические знания с выдающимися практическими навыками.

Он имеет две официальные специализации: инфекционные болезни и нефрология, виртуозно применяет знания из смежных областей, выявляя редкие аутоиммунные патологии, генетические аномалии (например, синдром Элерса — Данлоса) и последствия токсических воздействий.

Самая известная цитата из сериала: «Все врут». Доктор Хаус игнорирует слова пациентов, обращая внимание на каждую деталь их быта, истории болезни и генетики. В сериале Хаус мастерски проводит мозговые штурмы с командой, отсекая неверные гипотезы и проверяя нестандартные патогенетические механизмы.

Несмотря на кинодопущения, когда редкие диагнозы следуют один за другим, образ Хауса стал культовым благодаря его глубокому погружению в суть биологических процессов. Он превращает поиск диагноза в настоящее научное расследование. В реальной медицине его подход часто служит образцом нестандартного мышления, а иногда реальные врачи используют его метод для спасения тяжелых пациентов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Спирина А. А.

Типология иррациональных убеждений у взрослых клиентов в фазе карьерного перехода как основа разработки КПТ-протокола консультирования..... 783

Суслова З. А.

Субъективная добровольность отъезда как модератор психологической адаптации русскоязычных мигрантов новой волны 787

Татаринова М. А.

Феномен жизнестойкости: сравнительный анализ зарубежных и отечественных концепций 791

Тен А. Г.

Родительская позиция по отношению к взрослым детям, имеющим химическую зависимость 795

Ткачева Д. В., Забродина Т. И.

Социокультурные стереотипы и ожидания как предикторы формирования самооценки девушек..... 796

Фаткулина Е. Н.

Метафора и образ в психологическом консультировании: механизмы инсайта и трансформации 799

Федющенко С. Г.

Эмоциональные состояния и личностные особенности (тревога и тревожность, депрессия и депрессивность) у женщин в менопаузе и перименопаузе. Проявления и коррекция 802

Чевтайкина О. А.

Критическое мышление как фактор психологической безопасности подростков в цифровой среде 806

Шакиров Э. Р., Андреева Ю. Р.

Роль воображения и мышления в реконструкции событий преступления..... 810

Шарифуллина Р. Г.

Социально-психологический портрет участника СВО: мотивация, ценности и личностные черты 812

СОЦИОЛОГИЯ

Богдан В. В.

Влияние цифровых технологий и социальных сетей на распространение волонтерских инициатив в молодёжной среде 817

Волохов А. О.

Современные технологии управления знаниями в организациях: сущность направления и развития 820

Сердюк А. А., Головин М. Д.

Социальные сети и цифровые платформы как фактор социализации и формирования общественного мнения в России 823

Лутай М. А.

Роль молодежных объединений и движений в формировании общественных стратегий молодежи 826

Селезнев П. С.

Интеграция глухих людей в политическую жизнь: проблемы и перспективы 830

Тянь Цзяхао

Понятие и классификация социальных и экологических рисков в условиях глобализации: современные подходы 834

ЭКОЛОГИЯ

Smirnova A. P.

Ecosystem limits of inland water systems: a comparative analysis of the Aral Sea and Lake Baikal through the ecosystem approach ... 836

ПРОЧЕЕ

Кузнецов Д. А.

Анализ придорожной инфраструктуры Краснодарского края для автотуристов 843

Милютина Д. А.

Роль тематического кинотуризма в развитии
креативных пространств (на примере
проекта «Хоббитон») 847

Щурова Я. В.

Безопасность подъемных сооружений:
проблемы и пути их решения 849

Юсяева А. Ф.

Вопросы определения понятия
«общественная безопасность» и роль
Росгвардии в обеспечении государственной
и общественной безопасности в Российской
Федерации 851

ПСИХОЛОГИЯ

Типология иррациональных убеждений у взрослых клиентов в фазе карьерного перехода как основа разработки КПТ-протокола консультирования

Спирина Анна Аркадьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается проблема повторяющихся иррациональных убеждений у взрослых клиентов, находящихся в фазе карьерного перехода, когда прежняя работа уже утратила субъективную значимость или перестала удовлетворять, а новая профессиональная деятельность ещё не определена. На основе качественного анализа 55 клиентских запросов выделены типичные группы убеждений: убеждения профессиональной несостоятельности, катастрофизации ошибки, утраты времени, потери стабильности, неопределённости выбора, обесценивания опыта и финансовой угрозы. Обосновывается, что повторяемость данных когнитивных паттернов позволяет рассматривать их как потенциальные мишени для заранее структурированной консультативной программы в логике когнитивно-поведенческого подхода. Предложена предварительная модель КПТ-протокола психологического консультирования клиентов в карьерном переходе, включающая диагностику убеждений, когнитивную реструктуризацию, поведенческие эксперименты и работу с толерантностью к неопределённости.

Ключевые слова: иррациональные убеждения, карьерный переход, когнитивно-поведенческое консультирование, профессиональное самоопределение, карьерная тревожность, поведенческий эксперимент.

Введение

Современная профессиональная траектория взрослого человека всё чаще носит нелинейный характер. Карьера перестаёт пониматься как однократный выбор профессии и последующее последовательное продвижение в рамках одной сферы. В условиях технологических, экономических и организационных изменений взрослые специалисты всё чаще сталкиваются с необходимостью пересмотра профессиональной идентичности, смены роли, формата занятости или направления развития [1; 5; 8].

В психологическом консультировании карьерный переход проявляется не только как задача выбора новой профессии или сферы деятельности. Для клиента это часто ситуация неопределённости, снижения самооценки и внутреннего конфликта между желанием изменений и страхом потерять устойчивость. Особенно уязвимой является фаза, когда прежняя работа уже перестала удовлетворять или субъективно утратила смысл, но новая деятельность ещё не определена. В этот период усиливаются тревога, прокрастинация, сомнения в компетентности и страх ошибки.

Предыдущие теоретические и практико-ориентированные исследования показывают, что одним из факторов, затрудняющих карьерный переход, являются иррациональные убеждения — устойчивые, категоричные и недостаточно гибкие когнитивные установки, влияющие на эмоциональное состояние и поведение клиента [3; 4; 10]. В логике рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса иррациональные убеждения проявляются через долженствования, катастрофизацию, низкую толерантность к фрустрации и глобальную негативную оценку себя [10; 12]. В когнитивной терапии А. Бека близкие феномены рассматриваются как дисфункциональные схемы и автоматические мысли [3; 4].

Если в предыдущей статье автора акцент был сделан на обосновании значимости психологического консультирования взрослых клиентов с иррациональными убеждениями в ситуации карьерного перехода [18], то настоящая статья является логическим продолжением этой темы. Её фокус смещён с общего теоретического обоснования на выделение конкретных повторяющихся когнитивных паттернов, которые встречаются у клиентов в фазе карьерного перехода и могут стать основой для разработки структурированного КПТ-протокола консультирования.

Цель статьи — выделить и описать типичные группы иррациональных убеждений у взрослых клиентов в фазе карьерного перехода и обосновать возможность разработки предварительного когнитивно-поведенческого протокола работы с данными убеждениями.

Материалы и метод

Материалом для анализа послужили формулировки запросов и субъективных переживаний взрослых клиентов, находящихся в фазе карьерного перехода. Объём выборки составил 55 клиентских случаев. Под карьерным переходом в настоящей статье понимается период, в котором прежняя работа уже не удовлетворяет клиента или есть выраженное желание её оставить, но новая профессиональная деятельность ещё не определена. Данные представлены в обезличенном виде и рассматриваются как материал качественного анализа, а не как полноформатное экспериментальное исследование.

В анализ включались высказывания, отражающие мысли, ощущения и запросы клиентов на момент обращения. Среди них встречались формулировки: «я хуже других», «я упустила много возможностей», «боюсь, что не справлюсь», «не знаю, чего хочу», «страх потерять стабильность», «не уверена в себе», «боюсь ошибиться», «не вдохновляет моя работа, но я боюсь уйти».

Обработка материала проводилась методом содержательного качественного анализа. Высказывания группировались по смысловому сходству и соотносились с типичными когнитивными механизмами, описанными в КПТ и REBT: катастрофизация, долженствование, глобальная негативная самооценка, обесценивание позитивного опыта, низкая толерантность к неопределённости, дихотомическое мышление и избегание [3; 4; 10; 15].

Результаты: типология иррациональных убеждений в фазе карьерного перехода

Анализ клиентских формулировок позволил выделить несколько повторяющихся групп иррациональных убеждений. Эти группы не являются клиническими категориями и не претендуют на завершённую психодиагностическую классификацию. Их значение заключается в том, что они отражают типичные когнитивные мишени, которые могут быть использованы при разработке консультативного протокола.

Группа убеждений	Типичные формулировки клиентов	Когнитивный механизм	Возможная мишень КПТ-работы
Убеждения профессиональной несостоятельности	«Я хуже других», «я не являюсь экспертом», «не смогу быть такой классной», «не справилась»	Глобальная негативная самооценка, обесценивание опыта	Формирование реалистичной оценки компетенций, работа с доказательствами, карта ресурсов
Убеждения катастрофизации ошибки	«Боюсь сделать плохо», «кого-то разочарую», «ошибка всё испортит», «если не смогла — обманула о навыках»	Катастрофизация, персонализация, завышенная ответственность	Декатастрофизация, шкалирование последствий, поведенческие эксперименты
Убеждения утраченного времени и возможностей	«Я упустила много возможностей», «время проходит впустую», «нет перспектив и большого будущего»	Сверхобобщение, фиксация на потерях, ментальный фильтр	Переоценка профессиональной биографии, поиск переносимых навыков, реконструкция опыта
Убеждения финансовой угрозы	«Боюсь остаться без финансов», «чтобы заработать, нужно тяжело трудиться», «страх больших денег»	Катастрофизация будущего, жёсткие правила о деньгах	Планирование рисков, финансовая реалистичность, постепенные действия
Убеждения неопределённости выбора	«Не знаю, чего хочу», «туда ли я двигаюсь?», «как будто мрак и туман»	Низкая толерантность к неопределённости, требование гарантии	Принятие вероятностной логики выбора, тестирование гипотез, малые пробы
Убеждения избегания действия	«Знаю, но не могу начать», «боюсь рисковать», «прокрастинирую»	Избегание, страх неудачи, снижение самоэффективности	Пошаговое поведенческое планирование, работа с избеганием, дневник действий

Наиболее выраженной группой оказались убеждения профессиональной несостоятельности. Они проявлялись в сравнении себя с другими, переживании недостаточной экспертности, страхе оказаться «хуже» или «недостаточно

хорошей». Подобные убеждения близки к глобальной негативной самооценке, описанной в REBT, и к дисфункциональным схемам некомпетентности в когнитивной терапии [3; 10; 12].

Вторая значимая группа связана с катастрофизацией ошибки. Для клиентов характерно восприятие профессиональной пробы не как естественного этапа освоения новой деятельности, а как потенциального доказательства собственной несостоятельности. В таких формулировках ошибка перестаёт быть частным событием и приобретает значение угрозы идентичности: «если я сделаю плохо, значит, я обманула о своих навыках», «я разочарую людей».

Третья группа убеждений связана с переживанием утраченного времени. Клиенты описывают карьерный переход через чувство упущенных возможностей, «пустого» времени, отсутствия перспектив. Подобные формулировки часто усиливают бессилие и мешают увидеть накопленный опыт как ресурс. В карьерном консультировании это особенно важно, поскольку взрослый клиент редко начинает профессиональный путь «с нуля»: за его прошлым опытом могут стоять переносимые навыки, коммуникативные компетенции, управленческие качества, устойчивость и способность к обучению [5; 7; 8].

Отдельную группу составляют убеждения финансовой угрозы и потери стабильности. Они особенно характерны для клиентов, у которых карьерный переход связан не только с профессиональным интересом, но и с реальными экономическими рисками. Важно подчеркнуть, что не все страхи в этой группе являются иррациональными. Задача консультанта состоит не в обесценивании финансовой тревоги, а в отделении реалистичных рисков от катастрофических прогнозов и жёстких правил, например: «если я уйду, денег точно не будет», «чтобы зарабатывать, нужно только тяжело трудиться».

Пятая группа связана с неопределённостью выбора. Клиенты часто описывают состояние карьерного перехода образами тумана, леса, трясины, замкнутого круга. Эти метафоры отражают не только отсутствие информации, но и низкую толерантность к неопределённости. В такой ситуации человек стремится получить гарантию правильного выбора до совершения действия, что делает само действие практически невозможным.

Наконец, отдельную группу составляют убеждения, поддерживающие избегание действия. Формулировки «знаю, но не могу начать», «не могу действовать», «боюсь рисковать» показывают, что когнитивный барьер уже перешёл в поведенческий уровень. Здесь работа только с рассуждениями может быть недостаточной; необходимы малые поведенческие шаги, позволяющие клиенту получить новый опыт и постепенно восстановить карьерную самоэффективность [2; 14].

Обсуждение

Полученные данные позволяют предположить, что у взрослых клиентов в фазе карьерного перехода иррациональные убеждения имеют не хаотичный, а повторяющийся характер. Несмотря на индивидуальные различия профессиональной биографии, в запросах регулярно проявляются одни и те же когнитивные темы: страх несостоятельности, страх ошибки, требование гарантии, обесценивание прошлого опыта, катастрофизация финансовых последствий и избегание действия.

Это имеет важное практическое значение. Если определённые группы убеждений повторяются у значительного числа клиентов, консультативная работа может быть не только индивидуально спонтанной, но и заранее структурированной. При этом речь не идёт о шаблонной работе с клиентом. Напротив, типология убеждений может использоваться как карта первичной диагностики и выбора консультативных мишеней.

С точки зрения социально-когнитивной теории карьеры, особое значение имеет связь убеждений с карьерной самоэффективностью: чем ниже вера клиента в способность справиться с новым профессиональным этапом, тем выше вероятность избегания и отказа от пробных действий [11; 14]. Концепция карьерной адаптивности также подчёркивает роль готовности к изменениям, любознательности, контроля и уверенности как ресурсов профессионального развития [16; 17]. Иррациональные убеждения могут снижать каждый из этих компонентов: ограничивать контроль, подавлять исследовательское поведение и усиливать тревожное прогнозирование.

Таким образом, работа с иррациональными убеждениями в карьерном переходе должна быть направлена не только на снижение тревоги, но и на восстановление способности клиента действовать в условиях неполной определённости. Именно поэтому перспективным представляется протокол, объединяющий когнитивную реструктуризацию, поведенческие эксперименты и элементы работы с неопределённостью.

Предварительная модель КПТ-протокола для клиентов в карьерном переходе

На основе выделенной типологии можно предложить предварительную структуру когнитивно-поведенческого протокола консультирования взрослых клиентов в фазе карьерного перехода. Данный протокол не является завершённой стандартизированной программой и требует дальнейшей эмпирической проверки, однако может выступать основой для разработки практического инструмента.

Первый этап — диагностика карьерной ситуации и ведущих иррациональных убеждений. На этом этапе консультант уточняет, в какой фазе перехода находится клиент, какие варианты профессионального будущего рассматриваются, какие мысли вызывают наибольшую тревогу и какие действия блокируются. Удобным инструментом может быть таблица ABC: ситуация — убеждение — эмоциональная и поведенческая реакция [10; 12].

Второй этап — формулирование когнитивной концептуализации карьерного перехода. Консультант совместно с клиентом выделяет повторяющиеся темы: «я недостаточно компетентен», «ошибка недопустима», «мне нужна гарантия», «я потерял время», «без стабильности я не справлюсь». Такая концептуализация помогает клиенту увидеть, что проблема заключается не только в отсутствии решения, но и в способе интерпретации профессиональной неопределённости.

Третий этап — когнитивная реструктуризация. На этом этапе проводится проверка доказательств, поиск альтернативных объяснений, декатастрофизация, шкалирование последствий, отделение фактов от прогнозов и формулирование более гибких убеждений. Например, убеждение «я не справлюсь» может быть преобразовано в более реалистичное: «я не могу гарантировать быстрый успех, но могу проверить свои навыки через малые профессиональные пробы».

Четвёртый этап — поведенческие эксперименты. Они особенно важны, поскольку карьерный переход невозможно пройти только на уровне размышлений. Примерами экспериментов могут быть информационное интервью, пробный проект, анализ вакансий, тестовое обучение, отклик на ограниченное число предложений, разговор с представителем интересующей сферы. Цель эксперимента — не немедленный успех, а получение данных, которые позволяют проверить убеждения клиента в реальности [4; 15].

Пятый этап — работа с неопределённостью и ценностями. Здесь могут использоваться элементы подходов «третьей волны» КПТ, включая практики осознанности и когнитивного дистанцирования [13]. Клиент учится воспринимать тревожные мысли не как объективные факты, а как внутренние события, которые можно замечать, но не обязательно подчинять им поведение. Одновременно уточняются ценности, которые делают карьерный переход психологически осмысленным.

Шестой этап — закрепление новой стратегии карьерного поведения. На этом этапе формируется индивидуальный план дальнейших действий, включающий малые шаги, критерии проверки гипотез, способы самоподдержки и профилактику возврата к избеганию. Особое внимание уделяется тому, чтобы клиент воспринимал карьерный переход не как экзамен на состоятельность, а как процесс последовательного исследования и выбора.

Методологические ограничения

Представленные данные имеют ряд ограничений. Во-первых, материал основан на анализе клиентских запросов и субъективных формулировок, поэтому не может рассматриваться как результат репрезентативного количественного исследования. Во-вторых, выборка включала клиентов, уже заинтересованных в карьерном самоопределении или психологической помощи, что может усиливать выраженность рефлексивных и тревожных формулировок.

В-третьих, в рамках данного этапа не применялись стандартизированные шкалы иррациональных убеждений, карьерной адаптивности и карьерной самоэффективности. Поэтому выделенная типология должна рассматриваться как предварительная и требующая дальнейшей проверки. Перспективным направлением является создание диагностической анкеты карьерных иррациональных убеждений и оценка эффективности протокола в формате пилотного исследования.

Заключение

Качественный анализ запросов 55 клиентов, находящихся в фазе карьерного перехода, позволил выделить повторяющиеся группы иррациональных убеждений, связанных с профессиональной несостоятельностью, катастрофизацией ошибки, утратой времени, финансовой угрозой, неопределённостью выбора и избеганием действия. Эти убеждения не только усиливают тревогу, но и непосредственно влияют на профессиональное поведение клиента: снижают готовность к пробным шагам, поддерживают прокрастинацию и затрудняют формирование новой карьерной траектории.

Повторяемость выявленных когнитивных паттернов позволяет рассматривать их как основу для разработки специализированного КПТ-протокола психологического консультирования взрослых клиентов в карьерном переходе. Такой протокол может включать диагностику убеждений, когнитивную реструктуризацию, поведенческие эксперименты, работу с неопределённостью и закрепление новых стратегий профессионального поведения.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическую проверку выделенной типологии, разработку стандартизированного инструмента диагностики карьерных иррациональных убеждений и оценку эффективности предложенной консультативной модели.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.

3. Бек А. Т. Когнитивная терапия депрессии. — СПб.: Питер, 2003. — 304 с.
4. Бек Дж. С. Когнитивная терапия: полное руководство. — М.: Эксмо, 2019. — 416 с.
5. Зеер Э. Ф. Психология профессий. — М.: Академия, 2005. — 336 с.
6. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2010. — 304 с.
7. Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: Знание, 1996. — 308 с.
8. Митина Л. М. Психология профессионального развития личности. — М.: Флинта, 2003. — 376 с.
9. Пряжников Н. С. Психология труда и человеческого достоинства. — М.: Академия, 2016. — 480 с.
10. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход. — СПб.: Сова, 2002. — 272 с.
11. Brown S. D., Lent R. W. Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work. — Hoboken: Wiley, 2013. — 816 p.
12. Ellis A., Dryden W. The Practice of Rational Emotive Behavior Therapy. — New York: Springer Publishing Company, 1997. — 418 p.
13. Hayes S. C., Strosahl K. D., Wilson K. G. Acceptance and Commitment Therapy. — New York: Guilford Press, 2012. — 402 p.
14. Lent R. W., Brown S. D., Hackett G. Social Cognitive Career Theory // Career Choice and Development. — San Francisco: Jossey-Bass, 2002. — P. 255–311.
15. Leahy R. L. Cognitive Therapy Techniques. — New York: Guilford Press, 2017. — 434 p.
16. Savickas M. L. Career Construction Theory and Practice // Career Development and Counseling. — Hoboken: Wiley, 2013. — P. 147–183.
17. Savickas M. L., Porfeli E. J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, Reliability and Measurement Equivalence Across 13 Countries // Journal of Vocational Behavior. — 2012. — Vol. 80. — № 3. — P. 661–673.
18. Спирина А. А. Психологическое консультирование взрослых клиентов с иррациональными убеждениями в ситуации карьерного перехода // Молодой ученый. — 2025. — № 51(602). — С. 415.

Субъективная добровольность отъезда как модератор психологической адаптации русскоязычных мигрантов новой волны

Сулова Зоя Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается психологическая адаптация русскоязычных мигрантов новой волны, выехавших после 2022 г. Обосновывается ограниченность линейных моделей аккультурации применительно к условиям гибридной и цифровизированной релокации, при которой внешняя социальная устроенность не гарантирует субъективного благополучия. Цель статьи — теоретически обосновать роль субъективно воспринимаемой добровольности миграционного решения как модератора связи между личностными ресурсами и психологической адаптацией. Обосновывается теоретическое положение, согласно которому резильентность и совладающее поведение выступают факторами регуляции состояния в условиях аккультурационного стресса, однако их эффективность, предположительно, модулируется тем, переживается ли отъезд как субъективный выбор или как вынужденный разрыв жизненного сценария. Сделан вывод о необходимости эмпирической проверки предложенной модерационной модели на выборке русскоязычных мигрантов новой волны.

Ключевые слова: психологическая адаптация, русскоязычные мигранты, резильентность, копинг-стратегии, добровольность отъезда, аккультурационный стресс.

Subjective voluntariness of departure as a moderator of psychological adaptation of new wave Russian-speaking migrants

The article examines psychological adaptation among Russian-speaking migrants of the new migration wave who left after 2022. The limitations of linear acculturation models are substantiated in relation to hybrid and digitally mediated relocation, in which external social adjustment does not necessarily ensure subjective well-being. The aim of the article is to theoretically justify the role of subjectively perceived voluntariness of migration decision as a moderator of the relationship between personal resources and psychological adaptation. It is argued that resilience and coping strategies support self-regulation under acculturative stress; however, their effectiveness presumably depends on whether departure is experienced as a personal choice or as a forced disruption of one's

life scenario. The article concludes that the proposed moderation model requires empirical testing on a sample of Russian-speaking migrants of the new wave.

Keywords: *psychological adaptation, Russian-speaking migrants, resilience, coping strategies, voluntariness of departure, acculturative stress.*

1. Введение

Миграционные процессы после 2022 г. изменили исследовательский контекст изучения адаптации русскоязычных мигрантов. В классических моделях миграция часто описывалась как относительно последовательное включение индивида в принимающее общество, предполагающее освоение языка, норм, институциональных правил и социальных ролей. Такая рамка сохраняет значение для анализа внешней устроенности, однако оказывается недостаточной при обращении к новой волне русскоязычной релокации, для которой характерны ускоренное принятие решения об отъезде, неопределенность правового статуса, сохранение профессиональных и семейных связей со страной исхода, а также высокая зависимость от цифровых форм коммуникации [1; 2].

Современная русскоязычная релокация не сводится к перемещению из одной социальной системы в другую. Для значительной части мигрантов новая среда становится пространством физического пребывания, тогда как профессиональная занятость, информационные контакты, семейные обязательства и символическая принадлежность могут сохранять связь со страной исхода. В исследованиях новой эмиграции фиксируются высокий образовательный и профессиональный ресурс мигрантов, неоднородность правовых траекторий, сохранение транснациональных контактов и отсутствие единого сценария долгосрочного закрепления в принимающем обществе [1; 2]. В этих условиях адаптация приобретает не линейный, а гибридный характер.

Гибридная релокация порождает несинхронность внешней и внутренней адаптации. Мигрант может иметь легальный статус, жилье, работу, дистанционную занятость и устойчивые цифровые коммуникации, но при этом не переживать собственную жизнь как достаточно управляемую, безопасную и психологически устойчивую. Внешняя функциональность не устраняет переживания временности, аккультурационного стресса, дефицита локальной принадлежности и неопределенности будущего. Поэтому исследовательский акцент смещается с вопроса о формальном включении в принимающую среду на анализ субъективного благополучия, эмоциональной устойчивости и внутренних механизмов регуляции состояния.

Особую значимость в данном контексте приобретает субъективно воспринимаемая добровольность миграционного решения. Объективные причины отъезда могут быть кризисными, политическими, профессиональными, семейными или смешанными, однако для психологической адаптации принципиально то, как сам мигрант ин-

терпретирует факт перемещения: как собственный выбор, вынужденную меру, временную стратегию, утрату прежнего жизненного сценария или возможность сохранить значимые ценности. Именно эта внутренняя интерпретация определяет, в какой мере личностные ресурсы (резильентность и копинг-стратегии) преобразуются в субъективное благополучие.

Цель статьи — теоретически обосновать субъективно воспринимаемую добровольность миграционного решения как модератор психологической адаптации русскоязычных мигрантов новой волны. Для достижения цели уточняется различие психологической и социокультурной адаптации, раскрывается роль резильентности и копинга как личностных ресурсов, описывается механизм модерации через переживание агентности, контроля и смыслового обоснования переезда.

2. Психологическая и социокультурная адаптация русскоязычных мигрантов новой волны

В кросс-культурной психологии адаптация мигрантов традиционно рассматривается через призму аккультурации. В двухмерной модели Дж. Берри аккультурация описывается как процесс изменений, возникающих при контакте индивида или группа с иной культурной средой. Модель строится на соотношении двух измерений: сохранении связи с культурой происхождения и стремлении к взаимодействию с принимающим обществом. Их сочетание образует стратегии интеграции, ассимиляции, сепарации и маргинализации [3]. Данная схема позволяет отказаться от линейного понимания адаптации как простого движения от культуры исхода к культуре принимающей страны.

Для русскоязычных мигрантов после 2022 г. модель Берри сохраняет эвристическое значение, однако нуждается в уточнении. Новая волна релокации часто предполагает одновременное присутствие в нескольких социальных контурах. Физическое пребывание связано с принимающей страной, профессиональная деятельность может оставаться дистанционной, социальная поддержка русскоязычной, информационная средатранснациональной, а образ будущего неопределенным. В таких условиях интеграция не всегда означает глубокое включение в локальное общество, она может принимать форму удержания нескольких контуров принадлежности, различающихся по языку, нормам и эмоциональной значимости.

Разграничение психологической и социокультурной адаптации получило развитие в работах К. Уорд. Социокультурная адаптация относится к сфере поведенческой

компетентности, способности ориентироваться в нормах новой среды, решать повседневные задачи, вступать в коммуникацию, использовать институциональные ресурсы и понимать социальные ожидания принимающего общества. Психологическая адаптация описывает иной уровень, субъективное благополучие, эмоциональное равновесие, удовлетворенность жизнью, ощущение безопасности и внутренней устойчивости [4]. Эти измерения связаны, но не совпадают. Социальная включенность может снижать напряжение, но сама по себе не гарантирует внутреннего благополучия.

Для мигрантов новой волны указанное различие имеет прикладное значение. Наличие работы, легализации, жилья или знания языка фиксирует уровень внешней устроенности, но не позволяет автоматически судить о психологической адаптации. Человек может эффективно решать бытовые и профессиональные задачи, но сохранять тревогу, ощущение временности, амбивалентность в отношении возвращения и недостаток локальной укорененности. В этой ситуации ложный вывод об „успешной адаптации” на основании только институциональных показателей искажает психологическую картину миграционного опыта.

Б. Куо дополняет кросс-культурный анализ адаптации проблематикой совладания. В его подходе психологическая адаптация определяется не только культурной дистанцией и степенью включенности в принимающую среду, но и тем, как мигрант оценивает ситуацию, какие ресурсы считает доступными, какие формы поддержки использует и какие стратегии совладания выбирает [5]. Такой подход позволяет рассматривать адаптацию как динамический процесс регуляции аккультурационного стресса, а не как механический результат пребывания в новой стране.

Измерительный аспект проблемы представлен в работах К. Демес и Н. Гиарерт. Исследователи предложили инструменты, позволяющие различать психологическое и социокультурное измерения адаптации, то есть субъективное благополучие и практическую компетентность в новой среде [6]. Для изучения русскоязычных мигрантов это различие принципиально, оно позволяет фиксировать ситуации, когда внешняя функциональность поддерживается, но психологическое состояние остается нестабильным. Следовательно, психологическая адаптация должна рассматриваться как самостоятельный результат миграционного процесса, выражающий степень внутренней устойчивости, а не только уровень внешней включенности.

3. Резильентность и копинг как личностных ресурсы адаптации

В условиях пролонгированной неопределенности психологическая адаптация зависит от способности личности регулировать повторяющееся напряжение. Релокация после 2022 г. редко ограничивается одним стрессовым

эпизодом. Напряжение воспроизводится через правовые процедуры, изменение статуса, необходимость подтверждения квалификации, профессиональную перестройку, языковые затруднения, ограниченность локальных связей и неясность долгосрочной перспективы.

В рамках данного исследования резильентность (жизнеспособность) и совладающее поведение (копинг) рассматриваются как взаимосвязанные элементы единого регуляторного контура личности. Мы опираемся на методологический подход, в котором резильентность выступает в качестве личностного мета-ресурса (диспозиционного базиса), определяющего восстановительный потенциал психики и ее жизнеспособность в условиях риска [7]. В свою очередь, копинг-стратегии представляют собой процессуальный уровень регуляции, конкретные когнитивные, эмоциональные и поведенческие усилия по совладению с требованиями ситуации, которые воспринимаются как превышающие имеющиеся ресурсы [8].

Взаимосвязь этих конструктов носит иерархический характер — высокий уровень резильентности обеспечивает личность когнитивной гибкостью и ресурсным базисом, необходимыми для развертывания осознанных, гибких стратегий совладания. Применительно к миграции это означает, что копинг не может быть оценен вне конкретного контекста. Активное планирование продуктивно при решении конкретных задач (оформление документов, выбор профессионального маршрута), однако при тотальной правовой неопределенности чрезмерная фиксация на контроле способна усиливать истощение. Временное дистанцирование может выполнять защитную функцию при эмоциональной перегрузке, но при закреплении препятствовать включению в среду. Функциональность копинга определяется его соответствием ситуации [8].

Многомерность совладания (профиль, включающий планирование, поиск поддержки, принятие и эмоциональную регуляцию) задает конкретные способы обращения со стрессом [9]. При сохранном восстановительном ресурсе (резильентности) человек способен своевременно возвращаться к активному совладению. При его снижении репертуар копинга может сужаться до ригидных форм психологической защиты. Таким образом, резильентность и копинг предположительно образуют общий регуляторный контур психологической адаптации, но этот контур не действует автономно. Его эффективность зависит от того, как мигрант интерпретирует сам факт отъезда и насколько перемещение включено в структуру личного выбора. Именно здесь субъективная добровольность миграционного решения приобретает статус модератора.

4. Субъективная добровольность отъезда как модератор психологической адаптации

Субъективно воспринимаемая добровольность миграционного решения не сводится к юридическому ста-

тусу переезда. Она описывает степень внутреннего согласия личности с фактом перемещения, переживание собственного участия в принятии решения и сохранность агентности. В условиях гибридной и цифровизированной релокации этот конструкт приобретает особое значение. Поскольку современные мигранты новой волны могут сохранять профессиональную занятость и социальные связи в транснациональной (цифровой) среде [2], традиционные внешние маркеры (освоение локального языка, глубинная интеграция в принимающее сообщество) перестают быть главными предикторами их состояния. На первый план выходит внутренняя, смысловая регуляция.

Механизм модерации, по нашему предположению, устроен следующим образом. Субъективная добровольность отъезда не тождественна смысловому обоснованию миграции, но выступает критическим условием для его формирования, опосредуя чувство личностной агентности и контроля в ситуации неопределенности [10].

Высокая воспринимаемая добровольность обеспечивает сохранность субъектной позиции (я — автор своего решения). Это создает когнитивную рамку, облегчающую интеграцию миграционного опыта в общую ценностно-мотивационную сферу личности и готовность к действию в меняющихся условиях [11; 12]. Трудности новой среды воспринимаются как осознанный вызов или «цена решения». В данном контексте мета-ресурс резильентности получает смысловую опору, что повышает эффективность преобразующего копинга, превращая личностный потенциал в субъективное благополучие.

Низкая воспринимаемая добровольность изначально переживается как навязанное извне лишение контроля и вынужденный разрыв жизненного сценария [13]. Сама по себе ситуация вынужденности не означает автоматического снижения личностных ресурсов, напротив, в острых кризисах резильентность и проблемный копинг могут мобилизоваться ради физического или экономического выживания. Однако в условиях пролонгированной гибридной миграции низкая добровольность затрудняет выработку устойчивого долгосрочного смыслового обоснования пребывания в новой стране [14]. Возникает смысловая амбивалентность.

В рамках нашей гипотезы предполагается разнонаправленный эффект ресурсов при низкой добровольности, личностный потенциал может успешно обеспечивать краткосрочные, защитные копинг-стратегии (дистанцирование, сохранение базового функционирования), но при этом блокируется эффективность ресурсов, направ-

ленных на долгосрочную социокультурную и психологическую интеграцию.

Данные проекта OutRush подтверждают выраженную неоднородность новой русскоязычной миграции по мотивам отъезда и планам на будущее [2]. Это позволяет рассматривать добровольность как самостоятельную психологическую переменную-модератор, изменяющую силу и направленность связи между личностными ресурсами и адаптационным исходом.

5. Заключение

Психологическая адаптация русскоязычных мигрантов новой волны не тождественна внешней социокультурной устроенности. Легализация, занятость и бытовая автономия создают условия функционирования, но не гарантируют субъективного благополучия. В условиях гибридной релокации внешняя функциональность может сочетаться с тревогой и дефицитом устойчивого жизненного горизонта.

Резильентность и копинг-стратегии образуют базовый регуляторный контур психологической адаптации, где резильентность выступает мета-ресурсом, а копинг процессуальным уровнем совладания. Согласно выдвинутой теоретической модели, субъективно воспринимаемая добровольность миграционного решения выступает модератором этой связи. При высокой добровольности ресурсы с большей вероятностью преобразуются в психологическое благополучие через сохранность агентности и ценностно-смысловое обоснование опыта. При низкой добровольности эффект ресурсов может перераспределяться в сторону краткосрочного защитного функционирования, ослабляя потенциал долгосрочной интеграции.

Перспективой дальнейших исследований является эмпирическая проверка предложенных гипотез на выборке русскоязычных мигрантов новой волны. В качестве возможного методического инструментария для проверки данной модерационной модели может рассматриваться комплекс, включающий шкалу BRS (краткая оценка резильентности), опросник COPE-30 (анализ многомерного профиля совладания), краткие шкалы психологической адаптации К. Демес и Н. Гираерт, а также специализированную анкету для качественной оценки уровня воспринимаемой добровольности и характера смыслового обоснования переезда. Статистический модерационный анализ позволит верифицировать предложенные связи и выделить группы риска, нуждающиеся в адресной поддержке.

Литература:

1. Гречко, В. А. Релокация как новая категория в психологической науке / В. А. Гречко. — Текст: электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, № 6. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN624.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Sergeeva, I. A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants: report / I. Sergeeva, E. Kamalov; OutRush Project. — Florence: European University Institute, 2023. — 45 p.

3. Berry, J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation / J. W. Berry. — Text: unmediated // Applied Psychology: An International Review. — 1997. — Vol. 46, iss. 1. — P. 5–34.
4. Ward, C. Thinking Outside the Berry Boxes: New Perspectives on Identity, Acculturation and Intercultural Relations / C. Ward. — Text: unmediated // International Journal of Intercultural Relations. — 2008. — Vol. 32, iss. 2. — P. 105–114.
5. Kuo, B. C. H. Coping, Acculturation, and Psychological Adaptation among Migrants: A Theoretical and Empirical Review and Synthesis of the Literature / B. C. H. Kuo. — Text: unmediated // Health Psychology and Behavioral Medicine. — 2014. — Vol. 2, iss. 1. — P. 16–33.
6. Demes, K. A. Measures Matter: Scales for Adaptation, Cultural Distance, and Acculturation Orientation Revisited / K. A. Demes, N. Geeraert. — Text: unmediated // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2014. — Vol. 45, iss. 1. — P. 91–109.
7. Махнач, А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке / А. В. Махнач. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. — 2017. — Т. 38, № 4. — С. 5–16.
8. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т. Л. Крюкова. — Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2013. — Т. 19, № 3. — С. 184–188.
9. Одинцова, М. А. COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова, Л. А. Александрова. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2022. — № 4. — С. 247–275.
10. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора: монография / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Е. И. Рассказова, А. Х. Фам; под ред. Д. А. Леонтьева. — Москва: Смысл, 2011. — 679 с.
11. Ромашева, Ж. Ж. Социально-психологические факторы эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи: автореф. дис.... канд. психол. наук / Ромашева Жанагуль Жумабековна. — Москва: МГППУ, 2025. — 26 с.
12. Ахмадуллина, Э. А. Особенности и динамика ценностно-мотивационной сферы личности в процессе социокультурной адаптации эмигрантов: дис.... канд. психол. наук / Ахмадуллина Эндже Анваровна. — Казань, 2006. — 210 с.
13. Гришаева, С. А. Социально-психологическая модель адаптации русскоязычных мигрантов из стран ближнего зарубежья: дис.... канд. психол. наук / Гришаева Светлана Алексеевна. — Москва, 2004. — 184 с.
14. Лупуляк, П. В. Связь смыслового обоснования продолжения миграции с психологическим благополучием мигрантов: дис.... канд. психол. наук / Лупуляк Полина Валерьевна. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025. — 264 с.

Феномен жизнестойкости: сравнительный анализ зарубежных и отечественных концепций

Татаринова Маргарита Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ситникова Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент

Воронежский государственный университет

В статье представлен теоретический анализ и сравнительное исследование зарубежных и отечественных подходов к феномену жизнестойкости. Рассматриваются концептуальные основания жизнестойкости в рамках экзистенциальной психологии (С. Мадди, С. Кобаса), салютогенетического подхода (А. Антоновский), позитивной организационной психологии (Ф. Лютанс), а также ключевые теоретические позиции российских учёных — Б. Г. Ананьева, Д. А. Леонтьева, Л. А. Александровой, М. А. Одинцовой, С. А. Богомаза. Выделяются основные структурные компоненты жизнестойкости (вовлечённость, контроль, принятие риска), сопоставляются различные операционализации конструкта («чувство связности», «личностный потенциал», «позитивный психологический капитал», «жизнеспособность»). Особое внимание уделяется различиям в трактовке причинно-следственных связей между жизнестойкостью и смысловой регуляцией, месту этического измерения, роли активности субъекта, а также возможности целенаправленного формирования жизнестойкости в онтогенезе. На основе сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что жизнестойкость представляет собой системный метаресурс личности, обеспечивающий не только совладание со стрессом, но и личностный рост, инновационную активность и устойчивость к экзистенциальной тревоге. В статье также намечены перспективы дальнейших эмпирических исследований, включая изучение культурно-специфичных проявлений жизнестойкости и разработку диагностического инструментария, учитывающего экзистенциальные компоненты феномена.

Ключевые слова: жизнестойкость, жизнеспособность, личностный потенциал, копинг, *hardiness*.

Интерес к феномену жизнестойкости возник как ответ на вопрос, почему люди в схожих, объективно тяжёлых условиях демонстрируют принципиально разные состояния — одни разрушаются, другие не только сохраняют себя, но и вырастают. Сам термин «*hardiness*» появился в начале 1980-х годов в работах американских психологов Сьюзен Кобасы и Сальватора Мадди и находится на стыке экзистенциальной психологии и прикладной области психологии стресса. В отечественной психологии термин был переведён на русский язык как жизнестойкость Д. А. Леонтьевым в 2000 году.

Теоретическим основанием концепции послужила философская идея П. Тиллиха о «мужестве быть» — способности утверждать собственное существование вопреки тревоге небытия [14]. Жизнестойкость у С. Мадди — это система убеждений, которая позволяет человеку воспринимать даже негативные события как опыт и эффективно с ними справляться [13].

Согласно С. Мадди, феномен «жизнестойкость» включает три взаимосвязанных компонента. Вовлечённость (*commitment*) — убеждённость в том, что активное участие в происходящем даёт максимальный шанс найти нечто значимое; её отсутствие порождает чувство отвергнутости и ощущение себя «вне» жизни. Контроль (*control*) — убеждённость в том, что борьба позволяет влиять на результат, пусть и не абсолютно; противоположность — ощущение беспомощности. Принятие риска (*challenge*) — готовность воспринимать любой опыт, позитивный или негативный, как источник развития; стремление же к комфорту и предсказуемости С. Мадди расценивает как обеднение жизни [9].

Принципиально важно, что жизнестойкость в этой модели не отрицает стресс. Напротив, она мотивирует к тому, что С. Мадди называет «трансформационным совладанием»: человек расширяет перспективу понимания ситуации и предпринимает решительные действия, превращая разрушительное изменение в задачу. «Если изменить саму ситуацию нельзя..., жизнестойкое совладание принимает форму компенсаторного саморазвития, по сути гиперкомпенсации» [9, с. 23]. В системную модель жизнестойкости С. Мадди включил восемь компонентов: наследственную уязвимость, напряжение, стрессогенные обстоятельства, нарушение благополучия, сами жизнестойкие убеждения, жизнестойкое совладание, социальную поддержку и жизнестойкий образ жизни — физическую активность, здоровое питание, релаксацию [10]. Жизнестойкость находится в центре этой системы и смягчает эффекты стрессоров, снижая риск нарушений здоровья.

Параллельно с разработкой концепции *hardiness* в социологии здоровья формировалась иная традиция. Израильский социолог Аарон Антоновский, изучая женщин, выживших в концентрационных лагерях Второй мировой

войны, обнаружил, что среди них, вопреки ожиданиям, значительное число хорошо адаптированных людей. Это заставило поставить вопрос не о патологии, а о факторах здоровья — так возникла салютогенетическая парадигма как альтернатива господствовавшему патогенетическому подходу [12].

Центральным конструктом этой парадигмы стало чувство связности (*sense of coherence*) — «общая ориентация личности, связанная с тем, в какой степени человек испытывает проникающее во все сферы жизни, устойчивое, но динамическое чувство» того, что стимулы поддаются осмыслению, что ресурсы для совладания имеются и что требования жизни стоят вложенных усилий [16, с. 19]. Чувство связности включает три компонента: постижимость (когнитивное убеждение в том, что мир в принципе упорядочен и предсказуем), управляемость (убеждённость в достаточности ресурсов — как собственных, так и внешних — для совладания) и осмысленность (эмоциональное переживание того, что жизнь имеет смысл и её требования стоят вложения себя) [12].

Чувство связности и *hardiness* концептуально близки, однако не тождественны. Осмысленность по А. Антоновскому выполняет ту же функцию, что вовлечённость и принятие риска у С. Мадди, но подчёркивает роль эмоций, тогда как С. Мадди говорит прежде всего о когнитивных процессах. Управляемость сходна с контролем, однако различается вектором: у А. Антоновского — «что бы ни случилось, я справлюсь», у С. Мадди — «всегда лучше бороться, чем опускать руки». Принципиальное отличие вносит компонент постижимости: он предполагает, что новый опыт встраивается в уже имеющуюся когнитивную схему, тогда как С. Мадди, напротив, акцентирует открытость именно непредсказуемому новому [12].

В организационной психологии жизнестойкость получила иное концептуальное место. Ф. Лютанс, развивая идеи позитивной психологии М. Селигмана и М. Чиксентмихайи, объединил четыре конструкта — надежду, оптимизм, самоэффективность и жизнестойкость — в единый позитивный психологический капитал (*PsyCap*). Жизнестойкость в этой системе заимствуется из клинической психологии (А. Мاستен) и определяется как способность восстанавливаться после невзгод, неудач и позитивных, но кажущихся подавляющими изменений [5].

Важно, что в модели *PsyCap* жизнестойкость — в отличие от трёх остальных компонентов — проявляется значительно позже: не до, а после того как произошло позитивное или негативное событие. Это принципиально отличает её от надежды и самоэффективности, имеющих внутренний, перспективный фокус, тогда как жизнестойкость и оптимизм характеризуются внешним фокусом и социальными истоками. Исследования показали, что четыре компонента *PsyCap*, объединяясь в конструкт второго порядка, демонстрируют более сильную связь с удо-

влетворённостью и производительностью труда, чем каждый из них по отдельности [17].

Прежде чем жизнестойкость оформилась как самостоятельный конструкт в российской психологии, Б. Г. Ананьев ввёл в советскую психологию схожую по смыслу категорию — жизнеспособность. Б. Г. Ананьев указывал, что «всё большее внимание наряду с познанием природы болезней уделяется здоровью и комплексу факторов, повышающих жизнеспособность и жизнестойкость человека» [3, с. 10]. Главным фактором жизнеспособности Ананьев считал индивидуальность как «синтез свойств замкнутой саморегулирующейся системы» [3, с. 77], объединяющей индивидуальный, личностный и субъектный уровни человека. Также он ставит жизнеспособность в ряд «потенциальных свойств личности» вместе с работоспособностью и одарённостью [2]. Это принципиально: у Б. Г. Ананьева жизнеспособность — не реакция на стресс, а фундаментальный потенциал, обусловленный целостной структурой личности.

Наиболее разработанной отечественной концепцией жизнестойкости является теория Д. А. Леонтьева. Опираясь на адаптацию теста С. Мадди для русскоязычной выборки, он вписал жизнестойкость в более широкий контекст личностного потенциала — «интегральной системной характеристики индивидуально-психологических черт личности, которая определяет способность личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности, сохранять стабильность смысловых ориентаций» [8, с. 92].

Эмпирически Д. А. Леонтьев и Е. И. Рассказова показали, что жизнестойкость положительно связана с копинг-стратегиями планирования и позитивной переоценки и отрицательно — с избеганием и пассивным поиском социальной поддержки. Ключевой вывод: «жизнестойкость в целом способствует позитивной переоценке значения всего случившегося для личности, для её дальнейшего роста. По всей видимости, этот вид копинг-стратегий — наиболее тесно связанный с поиском смысла — является результатом взаимодействия всех трёх компонентов» [9, с. 46]. В ситуации личностного выбора жизнестойкость выступает фактором готовности выбрать неопределённую, непривычную ситуацию, а не знакомую и безопасную, что подводит к переосмыслению роли данного феномена: жизнестойкость — не просто буфер в стрессе, а «один из ключевых параметров индивидуальной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции» [9, с. 53].

Понятием, родственным личностному потенциалу, Д. А. Леонтьев называет житнетворчество — «расширение мира», в результате которого человек воспринимает происходящее под углом зрения нравственных ценностей, трансцендирует собственное сознание и направляет его в мир [7]. Житнетворчество предполагает не адаптацию к требованиям ситуации, а использование её возможностей для самореализации [11].

Развивая идеи С. Мадди и Д. А. Леонтьева, Л. А. Александрова предложила трактовать жизнестойкость как

«способность личности к трансформации неблагоприятных обстоятельств своего развития» [1, с. 162]. Трёхкомпонентная структура сохраняется, однако наполняется иначе: личностные ресурсы (стратегии совладания как инструмент), смысл (задающий вектор жизнестойкости и жизни в целом) и гуманистическая этика (определяющая критерий выбора смысла и путей его достижения). Добавление этического компонента принципиально: оно вводит ценностное измерение, отсутствующее в исходной модели С. Мадди. Там же, где у С. Мадди жизнестойкие установки порождают поиск смысла, у Л. А. Александровой смысл сам по себе конституирует жизнестойкость.

М. А. Одинцова изучает жизнестойкость через контрастное сопоставление с виктимным стилем поведения. Она описывает два принципиально различных стиля преодоления трудных жизненных ситуаций. Личность с жизнестойким стилем «характеризуется высоким уровнем активности, направленностью на поиск ресурсов в себе для совладания с трудной жизненной ситуацией... отличается реальным взглядом на ту или иную трудную жизненную ситуацию... позитивным восприятием мира, адекватным мировоззрением» [11, с. 188]. Такой человек ориентирован на получение опыта и проявляет изобретательность в совладании с трудностями. Личность с виктимным стилем, напротив, отличается низкой активностью, направленной на преодоление, и высокой — на удержание защит и поиск ресурсов вовне; она склонна к искажению смысла ситуации, манипуляциям и уходу от ответственности. Жизнестойкость в этой концепции — не просто копинг-ресурс, а личностный потенциал, противостоящий стагнации и регрессу. Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна, М. А. Одинцова подчёркивает, что жизнестойкость предполагает трансценденцию — выход человека за пределы себя и своей ситуации, в позицию «над» происходящим. Три уровня психической реальности — индивидуальный (нервная система, темперамент), личностный (мотивы, ценности, смыслы) и экзистенциальный (трансценденция, выход за пределы ситуации) — образуют иерархическую основу жизнестойкого преодоления [11].

С. А. Богомаз делает акцент на деятельностном измерении жизнестойкости. Опираясь на теорию психологических систем В. Е. Ключко, он рассматривает жизнестойкость как проявление способности выходить за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов. Жизнестойкий человек «научается видеть в постоянных изменениях всё новые и новые возможности и пути решения жизненных задач, что одновременно способствует раскрытию его творческого потенциала» [4, с. 24]. По мнению С. А. Богомаза, именно жизнестойкость позволяет человеку чувствовать себя успешным и способным к генерированию инноваций, что делает её ключевым параметром инновационного потенциала — в этом состоит оригинальность его позиции по сравнению с другими авторами.

С. В. Книжникова определяет жизнестойкость как интегральную личностную характеристику, основанную на

оптимальной смысловой регуляции, адекватной самооценке, развитых волевых качествах и высоком уровне социальной компетентности, и утверждает, что «развитие компонентов жизнестойкости может успешно осуществляться в системе образования через широко известные методы обучения и воспитания» [6, с. 70]. Д. А. Циринг показала, что личностная беспомощность и самостоятельность как полярные образования тесно связаны с уровнем жизнестойкости: личностная беспомощность характеризуется достоверно более низким уровнем жизнестойкости [15].

Проведённый теоретический анализ зарубежных и отечественных подходов к феномену жизнестойкости позволяет заключить, что данный конструкт занимает межпарадигмальное положение, интегрируя категории экзистенциальной психологии, психологии стресса, салютогенеза и позитивной психологии. Жизнестойкость не сводится ни к отдельной черте личности, ни к ситуативным копинг-стратегиям; она представляет собой системную характеристику, включающую убеждения (вовлечённость, контроль, принятие риска), смысловую регуляцию, ценностно-этические основания и способность к трансформации неблагоприятных обстоятельств в ресурс развития. Что касается причинного вектора «смысл-жизнестойкость», есть некоторые расхождения в концепциях. У С. Мадди жизнестойкие установки (прежде всего вовлечённость) ведут к поиску смысла: человек, убеждённый в том, что участие в жизни значимо, обретает осмысленность как следствие. У Д. А. Леонтьева и Л. А. Александровой — обратная логика: осмысленность жизни и устойчивые ценности конституируют жизнестойкость как систему. Это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие позиции, описывающие разные уровни одного процесса.

Потенциальной точкой напряжения между подходами можно выделить место этики. С. Мадди и Ф. Лютанс описывают жизнестойкость преимущественно через функциональную эффективность (здоровье, про-

изводительность, инновационность). Л. А. Александрова и М. А. Одинцова вводят гуманистическую этику как компонент жизнестойкости или её ценностную рамку

Также установлено, что при всем многообразии операционализаций ключевым интегративным признаком жизнестойкости выступает активная, преобразующая позиция субъекта по отношению к стрессовым событиям, противостоящая беспомощности, виктимному поведению и регрессу. Однако С. Мадди акцентирует её когнитивно-поведенческое измерение, Д. А. Леонтьев и М. А. Одинцова — смысловое и экзистенциальное, С. А. Богомаз — деятельностно-инновационное. А. Антоновский, в свою очередь, подчёркивает роль социального контекста и внешних ресурсов совладания — аспект, который в концепции С. Мадди присутствует, но менее разработан.

Принципиальное значение имеет вывод о формируемости жизнестойкости: она не является жёстко детерминированной наследственностью или ранним опытом, а развивается в процессах саморегуляции, личностного выбора, осмысления трудных ситуаций и целенаправленных психологических интервенций.

Таким образом, жизнестойкость можно рассматривать как метаресурс личности, обеспечивающий не только снижение негативных последствий стресса, но и личностный рост, инновационную активность и устойчивость к экзистенциальной тревоге. Это делает её объектом не только теоретического анализа, но и практического вмешательства — от тренингов (*hardiAttitudes* С. Мадди) до программ развития жизнестойкости в системе образования (С. В. Книжниковой и Д. А. Циринг). Дальнейшие исследования требуют уточнения культурно-специфичных аспектов жизнестойкости, её динамики в разных возрастных и социальных группах, а также разработки валидных методов диагностики, которые будут включать исследование экзистенциальных компонентов феномена, и психологического сопровождения её формирования в образовательной, организационной и клинической практике.

Литература:

1. Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Ясницкого. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. — С. 82–90.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 272 с.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — Санкт-Петербург: Питер, 2016. — 288 с.
4. Богомаз С. А. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека / С. А. Богомаз, Д. Ю. Баланев // Сибирский психологический журнал. — 2009. — № 32. — С. 23–26.
5. Дайнеко В. В. Позитивный психологический капитал: теоретические концепции и методы измерения / В. В. Дайнеко, В. А. Штроо // Мир психологии. — 2022. — № 1 (108). — С. 4–18.
6. Книжникова С. В. Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суицидальной превенции / С. В. Книжникова // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2010. — С. 67–70.
7. Леонтьев Д. А. Жизнестворчество как практика расширения жизненного мира / Д. А. Леонтьев // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. — Москва: Смысл, 2001. — С. 100–109.

8. Леонтьев Д. А. Становление саморегуляции как основа психологического развития / Д. А. Леонтьев // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В. И. Моросановой. — Москва; Ставрополь, 2007. — С. 68–85.
9. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — Москва: Смысл, 2006. — 63 с.
10. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Р. Мадди // Психол. журн. — 2005. — № 6. — С. 87–101.
11. Одинцова М. А. Психология жизнестойкости / М. А. Одинцова. — Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 296 с.
12. Осин Е. Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика / Е. Н. Осин // Психологическая диагностика. — 2007. — № 3. — С. 22–40.
13. Рассказова Е. И. Жизнестойкость и выбор будущего в процессе реабилитации / Е. И. Рассказова // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. — 2005. — № 7. — С. 124–126.
14. Тиллих П. Избранное: теология культуры / П. Тиллих. — Москва: Юрист, 1995. — 479 с.
15. Циринг Д. А. Исследование жизнестойкости у беспомощных и самостоятельных подростков / Д. А. Циринг // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2009. — № 323. — С. 336–342.
16. Antonovsky A. Health, stress and coping / A. Antonovsky. — San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
17. Luthans F. Psychological capital development: toward a micro-intervention / F. Luthans, B. J. Avolio, J. B. Avey, S. M. Norman // Journal of Organizational Behavior. — 2006. — Vol. 27, № 3. — P. 387–393.

Родительская позиция по отношению к взрослым детям, имеющим химическую зависимость

Тен Анастасия Геннадьевна, студент магистратуры
Московский государственный психолого-педагогический университет

В статье автор изучает связь родительской позиции по отношению к взрослым химически зависимым детям с уровнем созависимости.

Ключевые слова: родительская позиция, химическая зависимость, взрослые дети.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение родительской позиции, понимание механизмов в системе «родитель-взрослый ребёнок» позволит разрабатывать профилактические, реабилитационные меры не только для самих зависимых, но и для их семей. Проведение данного исследования поможет понять, как можно минимизировать социальные и экономические последствия через коррекцию семейных отношений и поддержку семьи. Родительская позиция по отношению к взрослым детям с химической зависимостью имеет значительную практическую важность, так как влияет на эффективность реабилитации, социальную адаптацию зависимого и общее благополучие семьи [2].

В задачи исследования входило:

эмпирически определить тип родительской позиции родителей взрослых детей, имеющих химическую зависимость; определить уровень созависимости родителей;

сопоставить тип родительской позиции по отношению к взрослым детям, имеющим химическую зависимость, с уровнем созависимости с ними.

сравнить результаты типа родительской позиции и уровня созависимости в зависимости от пола химически зависимого взрослого ребёнка.

Выборка исследования: 50 родителей (22 отца и 28 матерей в возрасте от 38 до 50 лет), чьи взрослые дети имеют

химическую зависимость (25 молодых мужчин и 25 молодых женщин в возрасте 21–25 лет).

База исследования: один из центров лечения зависимостей, расположенный в Ленинградской области.

Методики исследования:

– Опросник «Родительская позиция по отношению к взрослым детям» (Р. Н. Егоров, И. В. Шаповаленко).

– «Шкала созависимости Спенн — Фишер».

Диагностика типов родительской позиции взрослых химически зависимых детей показала, что в представленной выборке чаще встречаются отстранённый (34 % испытуемых) и контролирующий (32 % испытуемых) типы родительской позиции, реже — сбалансированный (18 %) и автономный (16 %).

Результаты диагностики уровня созависимости родителей указала на преобладание низкого уровня созависимости (46 % испытуемых). Высокий уровень показали 34 % испытуемых, а средний — меньше всего родителей (20 % испытуемых).

Сопоставление результатов, касающиеся выявленных типов родительской позиции с уровнями созависимости родителей, были обнаружены следующие закономерности:

– среди родителей с автономным типом родительской позиции встречается только низкий уровень созависимости.

мости, что подтверждает влияние контроля на формирование созависимых отношений;

- родителям с отстранённым типом родительской позиции преимущественно свойственен также низкий уровень созависимости (70 % испытуемых), что
- указывает на их эмоциональную дистанцированность и отсутствие чрезмерной вовлечённости в проблемы своего взрослого химически зависимого ребёнка;
- родителям с контролирующим типом родительской позиции более свойственен высокий уровень созависимости (56 % испытуемых), что указывает на их чрезмерную эмоциональную поведенческую увлечённость в жизнь своего взрослого ребёнка, затрудняющую формирование здоровых границ и самостоятельности у обеих сторон;
- родителям со сбалансированным типом родительской позиции относительно в равной степени свойственны средний (44 % испытуемых) и высокий (56 % испытуемых) уровни созависимости, что является достаточно парадоксальным результатом, поэтому данный момент требует дополнительного изучения на более крупной выборке.

Анализ различий в родительской позиции по отношению к взрослым детям с химической зависимостью разного пола также выявил существенные различия:

- Родителям молодых мужчин более свойственен отстранённый тип родительской позиции (64 % испытуемых), также встречается автономный (28 % испытуемых), контролирующий и сбалансированный — представлены минимально (по 4 % каждый). Возможными

причинами преобладания отстранённого типа могут быть связаны с наличием в обществе социальных стереотипов о том, что от мужчин в большей степени ожидается проявление самостоятельности и демонстрация умения решать проблемы и справляться с возникающими трудностями. Также мужчины по своей природе являются менее эмоционально открытыми, что может способствовать выбору отстранённости как более привычному стилю взаимодействия родителей со своими взрослыми детьми мужского пола. Кроме того, мужчинам более свойственно проявлять агрессию, нежели женщинам, что естественным образом может повлиять на минимизацию контактов со взрослым сыном с химической зависимостью для достижения собственной родительской безопасности [2].

– Родителям молодых женщин более свойственен контролирующий тип родительской позиции (60 % испытуемых), также встречается сбалансированный (32 % испытуемых), автономный и отстранённый также практически не представлены в данной выборке — по 4 % каждый. Преобладание контролирующего типа родительской позиции можно попытаться объяснить наличием гендерных ожиданий со стороны общества к женщинам — они более уязвимы, более нуждаются в защите, потому нуждаются в контроле [3].

Таким образом, можно говорить о подтверждении обеих гипотез исследования. Действительно, существует связь родительской позиции по отношению к взрослым химически зависимым детям и уровнем созависимости родителей с ними. А также, существуют значимые различия в родительской позиции по отношению к взрослым химически зависимым детям разного пола.

Литература:

1. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Социальное пространство наркотизма. 2-е изд. — СПб.: «Медицинская пресса», 2001. — 272 с.
2. Коровина О. Е. Особенности родительского отношения к взрослым детям с химической зависимостью. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2008. — Том 14. — С. 184–190.
3. Кулагина И. Ю., Коллюцкий В. Н. Психология развития и возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: Учебное пособие для вузов. — 2е изд. — М.: Академический проект, 2015. — 420 с.

Социокультурные стереотипы и ожидания как предикторы формирования самооценки девушек

Ткачева Дарья Валерьевна, студент;

Забродина Татьяна Игорьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья исследует вопрос о наличии связи между самооценкой девушек и социокультурными стереотипами и ожиданиями традиционного феминного поведения. Приводятся результаты корреляционного анализа между самооценкой, отдельными аспектами самооценки и социальным влиянием на представление о внешности, а также между самооценкой, отдельными аспектами самооценки и приверженностью к традиционалистской модели феминного поведения. Делается вывод о соотношении социокультурных предикторов с уровнем самооценки у девушек.

Ключевые слова: социокультурные стереотипы, гендерные стереотипы, самооценка, образ тела, внешность, феминность, женственность, ролевое поведение, традиционалистская модель феминности, девушки, ранняя зрелость.

В современной и классической психологии феномен самооценки признается одним из ключевых аспектов структуры личности. Сам термин «самооценка» является частью огромной системы поведенческих, социальных, психологических и физических выражений человека, которые связаны с тем, как личность оценивает саму себя и свое место в социуме.

По ряду теоретических концепций считается, что самооценка формируется и развивается в процессе социализации [2, 3]. Характеристики самооценки во многом зависят от особенностей взаимодействия с личностью, отношения к ней окружающих ее людей. Однако в контексте современного общества это отношение и взаимодействие все чаще опосредованно не только непосредственным окружением, но и глубинными социокультурными нормами, транслируемыми через институты семьи, образования, источники средств массовой информации и цифровую среду [1, 5, 6]. Особую уязвимость в этом процессе демонстрируют девушки, на которых сконцентрирован целый комплекс часто противоречивых ожиданий и стереотипов, касающихся внешности, поведения, профессиональных достижений и жизненных сценариев [4].

Таким образом, несмотря на обширную изученность феномена самооценки, в психологической науке присутствует существенный недостаток работ, которые бы системно рассматривали ее формирование у девушек через призму социокультурных предикторов — гендерных стереотипов и ожиданий. Данная работа позволит уточнить роль макросоциальных конструкторов как предикторов в формировании самооценки девушек, интегрируя подходы социальной, гендерной и других направлений психологии.

Целью нашего исследования стало выявление соотношения социокультурных предикторов (стереотипов и ожиданий) с уровнем самооценки у девушек.

Гипотеза нашего исследования предполагает, что социокультурные стереотипы и ожидания феминного поведения и внешности определяют уровень самооценки девушек.

В исследовании приняли участие студенты Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы в количестве 74 человек в возрасте от 20 до 25 лет.

Для проверки гипотезы испытуемым были представлены следующие методики:

- 1) Тест определения уровня самооценки С. В. Ковалев.
- 2) Франкфуртские шкалы самооценки (FSKN) И. Дойсингер в адаптации О. Е. Байтингера.
- 3) Оценка социального влияния на эстетическую модель тела (СИМЕС) Дж. Торо, М. Саламеро и Е. Мартинез в адаптации О. А. Заражицкой.
- 4) Нормы женского поведения И. С. Клецина, Е. В. Иоффе.

В результате корреляционного анализа были получены следующие важные корреляционные связи:

1) между уровнем самооценки и влиянием вербальных сообщений $r = -0,270$, при уровне значимости $p = 0,02 < 0,05$. Это свидетельствует об отрицательной слабой, но статистически важной связи. Следовательно, имеется тенденция к увеличению уровня влияния вербальных сообщений при уменьшении уровня самооценки.

2) между уровнем самооценки и влиянием модели худого тела $r = -0,339$, при уровне значимости $p = 0,003 < 0,05$. Это свидетельствует об отрицательной умеренной и статистически важной связи. Следовательно, имеется тенденция к увеличению уровня влияния модели худого тела при уменьшении уровня самооценки.

3) между уровнем самооценки и влиянием социальных ситуаций $r = -0,407$ при уровне значимости $p = 0 < 0,05$. Это свидетельствует об отрицательной умеренной и статистически важной связи. Следовательно, имеется тенденция к увеличению влияния социальных ситуаций при уменьшении уровня самооценки.

4) между уровнем самооценки и готовностью заботиться о семье и близких $r = 0,294$ при уровне значимости $p = 0,011 < 0,05$. Это свидетельствует о положительной слабой, но статистически значимой связи. Следовательно, при увеличении уровня самооценки предполагается тенденция к увеличению уровня приверженности к убеждению о том, что ответственность за потребности и благополучие каждого члена семьи является сферой компетенции женщины.

5) между способностью к достижениям и влиянием модели худого тела $r = -0,524$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень способности к достижениям, тем ниже уровень влияния модели худого тела на представления о собственном теле среди молодых девушек.

6) между способностью к достижениям и влиянием социальных ситуаций $r = -0,568$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень способности к достижениям, тем ниже уровень влияния социальных ситуаций на представление о собственном теле среди молодых девушек.

7) между общей самооценностью и влиянием модели худого тела $r = -0,522$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень общей самооценности, тем ниже уровень влияния модели худого тела на представления о собственном теле среди молодых девушек.

8) между общей самооценностью и влиянием социальных ситуаций $r = -0,531$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной

связи. Следовательно, чем выше уровень общей самооценки, тем ниже уровень влияния социальных ситуаций на представления о собственном теле среди молодых девушек.

9) между настроением и впечатлительностью и влиянием социальных ситуаций $r = -0,527$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень настроения и впечатлительности, тем ниже уровень влияния социальных ситуаций на представления о собственном теле среди молодых девушек.

10) между знанием себя через других и влиянием модели худого тела $r = -0,502$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень знания себя через других, тем ниже уровень влияния модели худого тела на представления о собственном теле среди молодых девушек.

11) между знанием себя через других и влиянием социальных ситуаций $r = -0,604$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует об отрицательной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень знания себя, тем ниже уровень влияния социальных ситуаций на представления о собственном теле среди молодых девушек.

12) между эмоциональным принятием другими и влиянием модели худого тела $r = 0,529$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует о положительной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень эмоционального принятия другими, тем выше уровень влияния модели худого тела на представления о собственном теле среди молодых девушек.

13) между эмоциональным принятием другими и влиянием социальных ситуаций $r = 0,510$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует о положительной заметной связи. Следовательно, чем выше уровень эмоционального принятия другими, тем выше уровень влияния социальных ситуаций на представления о собственном теле среди молодых девушек.

14) между знанием себя через других и готовностью заботиться о семье и близких $r = 0,315$, при уровне значимости $p = 0 < 0,01$. Это свидетельствует о положительной умеренной связи. Следовательно, чем выше уровень знания себя через других, тем вероятнее выше уровень признания стереотипа о том, что забота о семье — естественная потребность и важная функция женщины.

15) между способностью к достижениям и стремлением быть хорошей хозяйкой $r = 0,230$, при уровне значимости $p = 0 < 0,05$. Это свидетельствует о положительной слабой связи. Следовательно, чем выше уровень спо-

собности к достижениям, чем вероятнее выше уровень признания стереотипа о том, что успешность женщины прежде всего связана с ее хозяйственностью.

16) между чувствами и отношением к другим и мягкостью и чувствительностью $r = 0,237$, при уровне значимости $p = 0 < 0,05$. Это свидетельствует о положительной слабой связи. Следовательно, чем выше уровень удовлетворенности отношениями с другими людьми, тем выше уровень признания стереотипа о том, что женщины должны быть мягкими, покладистыми и в целом «удобными» в общении.

Таким образом, в результате корреляционного анализа основная гипотеза о том, что социокультурные стереотипы и ожидания феминного поведения и внешности определяют уровень самооценки девушек, подтвердилась лишь частично.

Следовательно, можно предположить, что девушки с более низкой самооценкой действительно более чувствительны к социальным оценкам внешности, в особенности: к прямым вербальным сообщениям, к демонстрации худого тела как эталона, а также к ситуациям социального сравнения. При этом другие источники влияния (сверстники, реклама) могут являться дифференцирующим фактором: они могут воздействовать на всех девушек примерно одинаково, независимо от самооценки, либо их влияние опосредовано другими переменными, не входящими в наше исследование (например, частотой использования соцсетей).

Однако связь традиционалистской модели феминности с уровнем самооценки не нашла подтверждения по большинству шкал, за исключением готовности заботиться о семье и близких. Такой результат может говорить о том, что современные девушки в большей степени ориентированы на внутренние критерии самооценки (достижения, решение проблем, самооценочность), чем на соответствие внешним стереотипам. Также можно выдвинуть предположение о наличии других факторов, влияющих на самооценку девушек. Например, академические успехи, что может быть связано с особенностями выборки в рамках высшего учебного заведения. Не исключено, что использованные в нашем исследовании методики не улавливают более тонкие опосредованные влияния, тем самым упуская другие предикторы формирования самооценки девушек.

Данная тема имеет широкий потенциал для дальнейшего исследования с углублением в вопрос влияния различных каналов социального давления на уровень самооценки девушек и женщин разных возрастных, социальных и культурных групп.

Литература:

1. Арина, Г. А. Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной внешностью в юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. 2009. Том 5. № 4.
2. Галкина, Т. В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Институт психологии РАН, 2011.
3. Галкина, Т. П. Социология управления: от группы к команде: Учебное пособие по специальности «Менеджмент». М.: Финансы и статистика, 2003.

4. Железнёва, Р. Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gendernyh-steretipov-na-protsess-samoidentifikatsii-sovremennoy-zhenschiny>.
5. Соколова, Е. Т. Исследования «образа тела» в зарубежной психологии // Вестник Московского Университета. 1985. Том 14. № 4.
6. Thompson, J. K. Body image disturbance: Assessment and Treatment. New York, 1990.

Метафора и образ в психологическом консультировании: механизмы инсайта и трансформации

Фаткулина Елена Николаевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Цель статьи — теоретически обосновать взаимодействие метафоры и ментального образа в психологическом консультировании как механизма, запускающего инсайт (озарение) и глубинную трансформацию опыта клиента. На основе междисциплинарного анализа (когнитивная психология, нейронауки, психотерапия) выявлены ключевые закономерности этого взаимодействия и предложена концептуальная модель инсайта. Результаты показывают, что метафора формирует смысловую рамку для восприятия проблемы, а образ, являясь сенсорно-перцептивной репрезентацией, активирует телесно-эмоциональное переживание. Выводы: синергия метафоры и образа закономерно приводит к возникновению глубокого инсайта, сопровождающегося эмоциональным откликом и готовностью к поведенческим изменениям. Предложенная трёхкомпонентная модель инсайта (когнитивный, эмоциональный и поведенческий критерии) помогает оценить глубину озарения в ходе психологической работы с клиентом.

Ключевые слова: инсайт, метафора, ментальный образ, психологическое консультирование, терапевтические изменения, трёхкомпонентная модель, нейрокогнитивные механизмы, эмоционально-образная терапия.

Введение

В практике психологического консультирования и психотерапии одним из наиболее ярких и значимых событий является момент внезапного понимания клиентом сути своей проблемы, причин собственных переживаний или неожиданного способа преодоления жизненных трудностей. Это явление, получившее в науке название «инсайт» (от англ. insight — прозрение, проникновение в суть), традиционно рассматривается как ключевой механизм терапевтических изменений [7].

Актуальность исследования обусловлена растущим запросом практической психологии на инструменты, способствующие глубинным личностным изменениям, а также необходимостью операционализации понятия «инсайт» для повышения эффективности консультативного процесса. Несмотря на широкое использование метафор и образов в различных психотерапевтических подходах (гештальт-терапия, ЭОТ, КПТ), их теоретическое осмысление как единого механизма, запускающего инсайт, остаётся фрагментарным.

Проблема исследования связана с асимметрией в изучении метафоры и образа. В научной литературе доминирует фокус на метафоре как когнитивном механизме (Лакофф, Джонсон; Гиббс), тогда как ментальный образ зачастую трактуется упрощённо — как «картинка в голове», без учёта его сенсорно-перцептивных, эмоцио-

нальных и телесных характеристик. В результате механизмы воздействия образа на процесс инсайта остаются недостаточно изученными.

Цель настоящей статьи — теоретически обосновать, как взаимодействие метафоры и образа в процессе психологического консультирования приводит к возникновению инсайта и последующей трансформации опыта клиента. В задачи исследования входит:

- анализ природы метафоры и образа;
- описание их нейрокогнитивных механизмов;
- разработка трёхкомпонентной модели глубины инсайта, позволяющей измерить этот феномен.

Методы исследования: теоретический анализ и синтез научных данных, кейс-стади (клинический пример).

1. Метафора в психологическом консультировании: от когнитивного механизма к терапевтическому инструменту

1.1. Природа метафоры и её терапевтический потенциал

Ключевой вклад концептуальной теории метафоры Лакоффа и Джонсона заключается в том, что метафора была выведена за рамки риторики и осмыслена как базовая операция мышления. Метафора позволяет осмысливать

абстрактные и сложные явления через более конкретный и телесный опыт [1]. В контексте консультирования это означает, что метафора, спонтанно рождающаяся в речи клиента, является не просто ярким оборотом, а «ключом» к его внутренней картине мира, организуя разрозненные переживания в целостную структуру.

Например, фраза «я как белка в колесе» на первый взгляд кажется просто эмоциональным высказыванием. Но если всмотреться, она точно описывает ключевой паттерн: бесконечное движение без прогресса, ощущение ловушки.

Задача консультанта — не просто услышать эту метафору, а помочь клиенту развернуть её, задавая вопросы:

- Что именно в вашей жизни похоже на это колесо?
- Где в нём вы находитесь — внутри или снаружи?
- Можно ли из него выйти, и что для этого нужно?

Такой подход, основанный на концептуальной теории метафор (Лакофф, Джонсон), позволяет клиенту увидеть проблему под новым углом и наметить пути её решения [1]. В российской практике похожий принцип лежит в основе эмоционально-образной терапии (ЭОТ) Н. Д. Линде [2]: работа с образами напрямую влияет на эмоциональное состояние, а значит, и на поведение. Таким образом, метафора в процессе психологического консультирования — это не случайность, а ценный диагностический и терапевтический материал.

1.2. Механизмы воздействия метафоры

Почему метафора так сильно влияет на нас? Дело в том, что её понимание запускает механизм «воплощённой симуляции»: мозг реагирует на слова так, будто описываемое происходит на самом деле [9]. Когда клиент говорит «меня давит груз проблем», его тело может непроизвольно напрячься, а дыхание — стать поверхностным. Нейрофизиологически это связано с активацией сенсомоторных зон, гиппокампа и миндалевидного тела — структур, отвечающих за телесные ощущения и эмоциональную память. Этот процесс создаёт предпосылки для инсайта.

Можно сделать вывод, что метафора работает не только на уровне смысла, но и на уровне телесного опыта. Это делает её эффективным инструментом для запуска глубоких изменений.

2. Ментальный образ как катализатор инсайта

2.1. Природа ментального образа

Хотя в обывательской речи термины «метафора» и «образ» часто используются как взаимозаменяемые, между ними существует принципиальное различие, важное для понимания терапевтических механизмов. Метафора — это вербально-когнитивная структура, её стихия — слова и значения. Ментальный образ — это сенсорно-перцептивная репрезентация [6].

В отличие от метафоры, образ — это не абстрактное сравнение, а живая картина, обладающая сенсорными характеристиками: цветом, звуком, текстурой, температурой. Он действует напрямую, минуя рациональные фильтры сознания. Например, фраза «я вижу перед собой глухую стену» вызывает не просто понимание «препятствия», а конкретный визуальный образ: серая шероховатая поверхность, отсутствие дверей, ощущение холода. Эта особенность делает образ мощным катализатором инсайта. Клиент не рассуждает о проблеме — он её переживает. И именно в этом переживании часто кроется ключ к трансформации: чтобы изменить отношение к ситуации, нужно сначала встретиться с ней лицом к лицу в безопасной терапевтической среде.

2.2. Воздействие образа и его трансформация

Сила образа — в его способности вызывать непосредственный психофизиологический отклик. Представьте, что вас просят мысленно оказаться в «тёмном сыром подвале». Скорее всего, ваше дыхание участится, а мышцы напрягутся — даже если вы понимаете, что это всего лишь фантазия. Этот отклик активирует связанные эмоциональные воспоминания, делая их доступными для обработки.

Именно на этом принципе основаны методы имажинативного рескриптинга и ЭОТ. Клиент не просто вспоминает травмирующую ситуацию — он активно меняет её финал:

— в рескриптинге — «переписывает» прошлое событие, добавляя в него поддержку или защиту [8];

— в ЭОТ — трансформирует образ проблемы («растопливает» лёд, «растворяет» камень), что приводит к изменению эмоционального состояния [2].

Результатом такой работы становится инсайт — не как абстрактное понимание, а как целостное переживание: «Так вот почему я боялся это сделать! Теперь я вижу, что могу поступить иначе». В процессе работы трансформация образа запускает каскад изменений: от телесного расслабления до переосмысления старых убеждений. Это и есть суть терапевтического инсайта.

3. Синергия метафоры и образа: интегративная модель инсайта

3.1. Синергия как запуск инсайта

Инсайт является естественным и закономерным результатом целенаправленного взаимодействия метафоры и образа. Этот процесс можно представить как последовательность взаимосвязанных этапов:

Метафора задаёт смысловую рамку. Она выделяет из хаотичного опыта клиента ключевой паттерн. Например, фраза «Я чувствую себя белкой в колесе» превращает проблему в образ бесконечного и бесполезного движения.

Образ наполняет рамку переживанием. Клиент визуализирует метафору, наделяя её плотью: он видит колесо, свои лапки, чувствует усталость. Этот этап активирует правополушарные и лимбические структуры, отвечающие за целостное восприятие и эмоции.

Инсайт возникает в момент трансформации образа. Спонтанная или направляемая трансформация образа (например, «остановиться и выйти из колеса») запускает гамма-всплеск в префронтальной коре [6]. Клиент переживает это как озарение, сопровождающееся сильным эмоциональным и телесным облегчением.

Клинический случай 1. Метафора «брошенного щенка»

Клиентка А., 28 лет, обратилась с запросом на хроническое чувство вины и неуверенности в отношениях. В ходе беседы она спонтанно произнесла метафору: «Я чувствую себя брошенным щенком, которого выставили за дверь и который ждёт, когда его впустят обратно в тёплый дом».

Консультант предложил закрыть глаза и детально представить этот образ. Клиентка увидела холодную, залитую дождём улицу и маленького дрожащего щенка у закрытой

двери. Консультант предложил войти в образ: «Что вы чувствуете? Что хотите сделать?» Вдруг клиентка произнесла: «Я хочу не проситься внутрь, а уйти и найти другой дом. Ведь я — не щенок, я — взрослая собака, и могу сама о себе позаботиться». В этот образ включилось новое качество — сила и самостоятельность. Образ трансформировался: щенок превратился во взрослую собаку, которая уверенно уходит прочь.

Комментарий. Метафора задала когнитивную рамку (отношения как ожидание одобрения). Образ наполнил её острым переживанием холода, одиночества и беспомощности. Инсайт («я могу сам создать себе тепло и дом») возник в момент трансформации образа и последующего его осмысления. Он затронул не только когнитивную, но и эмоциональную сферу (чувство освобождения) и дал импульс к изменению поведения (готовность выстраивать равноправные отношения).

3.2. Трёхкомпонентная модель глубины инсайта

На основе теоретического анализа и клинических данных предлагается трёхкомпонентная модель глубины инсайта, которая позволяет дифференцировать результат терапевтического воздействия (табл. 1).

Таблица 1. Критерии глубины инсайта в психологическом консультировании

Критерий	Поверхностный инсайт	Глубокий инсайт
Когнитивный	Добавляет новую информацию к уже известной («Я знаю, что я тревожен»)	Устанавливает причинно-следственные связи, обнаруживает противоречия в убеждениях
Эмоциональный	Отсутствие аффекта	Сопровождается живым эмоциональным переживанием (облегчение, радость, гнев), ощущаемым в теле
Поведенческий	Не меняет поведение	Запускает новую регуляцию и формирует готовность к действию

Для достижения глубокого, устойчивого терапевтического результата необходимо, чтобы инсайт затронул все три компонента. Именно синергия метафоры и образа позволяет этого добиться: метафора работает с когнитивным переструктурированием, а образ — с эмоциональным и телесным проживанием, давая импульс к поведенческим изменениям.

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

Инсайт является закономерным результатом синергии метафоры и образа в психологическом консультировании. Метафора, как фундаментальный когнитивный механизм, задаёт смысловую рамку и направление для терапевтической работы. Образ, как сенсорно-перцептивная репрезентация, наполняет эту рамку живым телесно-эмоциональным переживанием, активируя правополушарные и лимбические структуры.

Метафора и образ обладают различными, но взаимодополняющими нейрокогнитивными механизмами. Понимание метафоры запускает воплощённую симуляцию и активно вовлекает семантические сети и гиппокамп. Образ действует через прямой телесный отклик, подключая к анализу правополушарные механизмы целостного восприятия.

Трёхкомпонентная модель глубины инсайта (когнитивный, эмоциональный, поведенческий критерии) позволяет операционализировать инсайт как результат образно-метафорической работы и может служить основой для оценки эффективности консультирования.

Предложенный алгоритм работы с метафорами и образами даёт консультантам практический инструмент для целенаправленного запуска инсайта и трансформации опыта клиента.

Перспективы дальнейших исследований включают эмпирическую проверку предложенной модели, изучение нейрофизиологических коррелятов инсайта при работе с метафорами, а также адаптацию методики для различных терапевтических подходов.

Литература:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. ISBN 5–354–00222–2.
2. Линде Н. Д. Эмоционально-образная терапия. Анализ и внедрение. — М.: Генезис, 2013.
3. Любимова О. М. Образы и символы в работе психолога: подходы к исследованию глубины // Известия АлтГУ. 2014. № 2 (82). С. 31–37.
4. Писаревский К. Л., Савинков С. Н. Психологическое консультирование. Теория и практика: учебное пособие. — Химки: РМАТ, 2023. — 305 с.
5. Шельшакова Н. Н. Метафоры в процессе психологического консультирования // Образование и право. 2021. № 9. С. 90–94.
6. Gibbs R. W. Jr. Interpreting Metaphor as Embodied Simulation // Mind & Language. 2006. Vol. 21, № 3. P. 434–458. DOI: 10.1111/j.1468–0017.2006.00279.x
7. Kounios J., Beeman M. The Eureka Factor: Aha Moments, Creative Insight, and the Brain. — New York: Random House, 2015. ISBN 978–0307958566
8. Morina N., Lancee J., Arntz A. Effectiveness of Imaginal Rescripting in Trauma Therapy: A Meta-Analysis // Clinical Psychology and Psychotherapy. 2017. Vol. 25, № 2. P. 112–125. DOI: 10.1002/cpp.2132
9. Pearson J., Naselaris T., Holmes E. A., Kosslyn S. M. Mental Images: Functional Mechanisms and Clinical Applications // Trends in Cognitive Sciences. 2015. Vol. 19, № 10. P. 590–602. DOI: 10.1016/j.tics.2015.08.003.

**Эмоциональные состояния и личностные особенности
(тревога и тревожность, депрессия и депрессивность) у женщин
в менопаузе и перименопаузе. Проявления и коррекция**

Федющенко Светлана Геннадиевна, студент магистратуры
Московский психолого-социальный университет

Настоящая статья посвящена комплексному анализу современных научных представлений о психологических проблемах женщин в период климактерия и перименопаузы. Целью исследования является выявление взаимосвязей между преморбидными личностными особенностями, нейробиологическими изменениями и развитием тревожно-депрессивных расстройств, а также сравнительный анализ эффективных терапевтических подходов. Методологическую основу работы составляет систематический обзор и сравнительный анализ десяти научных публикаций (статей, обзоров, протоколов клинических исследований) за период с 2017 по 2025 год. В ходе исследования были проанализированы данные, подтверждающие, что период менопаузального перехода является «окном уязвимости» для психических нарушений, частота которых достигает 35–87 %. Было установлено, что ключевую роль в патогенезе играет не только дефицит эстрогенов, но и преморбидные личностные черты, такие как тревожная мнительность, перфекционизм и ригидность, которые определяют индивидуальную траекторию адаптации к гормональным изменениям.

Основные результаты показывают, что современная терапия движется от монометодических подходов к комплексным, где доказанная эффективность специфических протоколов когнитивно-поведенческой терапии (CBT-Мено, CBT-SC-Peri) делает её равноправной альтернативой или обязательным компонентом лечения наряду с фармакотерапией. В заключении обосновывается необходимость внедрения междисциплинарной модели помощи, интегрирующей усилия гинекологов, психиатров и психотерапевтов для достижения устойчивой биопсихосоциальной реабилитации. Таким образом, климактерий может быть трансформирован из периода кризиса в этап осмысленной личностной перестройки.

Ключевые слова: менопауза, перименопауза, тревога, депрессия, личностные особенности, когнитивно-поведенческая терапия, КПТ, заместительная гормональная терапия, ЗГТ, междисциплинарный подход, качество жизни, психологическая коррекция.

**Emotional states and personality traits (anxiety and anxiety,
depression and depressiveness) in women during menopause
and perimenopause. Manifestations and correction**

This article presents a comprehensive analysis of current scientific perspectives on the psychological problems experienced by women during the climacteric and perimenopausal periods. The aim of the study is to identify the interrelationships between premorbid

personality traits, neurobiological changes, and the development of anxiety-depressive disorders, as well as to conduct a comparative analysis of effective therapeutic approaches. The methodological foundation of this work is a systematic review and comparative analysis of ten scientific publications (articles, reviews, clinical trial protocols) from the period 2017 to 2025.

The research analyzed data confirming that the menopausal transition period constitutes a «window of vulnerability» for mental health disorders, with a prevalence reaching 35–87 %. It was established that a key role in the pathogenesis is played not only by estrogen deficiency but also by premorbid personality traits, such as anxious apprehension, perfectionism, and rigidity, which determine the individual trajectory of adaptation to hormonal changes.

The main results indicate that modern therapy is shifting from single-method approaches towards integrated ones. The proven efficacy of specific cognitive-behavioral therapy protocols (CBT-Meno, CBT-SC-Peri) positions it as an equal alternative or an essential component of treatment alongside pharmacotherapy. In conclusion, the necessity of implementing an interdisciplinary care model is substantiated. This model should integrate the efforts of gynecologists, psychiatrists, and psychotherapists to achieve sustainable biopsychosocial rehabilitation. Thus, the climacteric period can be transformed from a time of crisis into a stage of meaningful personal reorganization.

Keywords: menopause, perimenopause, anxiety, depression, personality traits, cognitive behavioral therapy, CBT, hormone replacement therapy, HRT, interdisciplinary approach, quality of life, psychological correction.

Введение

Жизнь современной женщины, по образному выражению ряда исследователей, подобна реке с несколькими ключевыми поворотами, и один из самых сложных порогов носит название «климактерий» [2, с. 16]. Этот естественный биологический переход, знаменующий окончание репродуктивной фазы, давно перестал рассматриваться исключительно в медицинском ключе.

Сегодня, опираясь на данные масштабных исследований, таких как SWAN (Study of Women's Health Across the Nation), можно с уверенностью утверждать, что это мощнейший биопсихосоциальный стрессор, создающий «окно уязвимости» для широкого спектра психических нарушений [5, 9]. Согласно статистике, от 35 % до 80 % женщин сталкиваются с климактерическим синдромом (КС), а эмоционально-аффективные расстройства отмечаются у значительной части этой популяции [1, 6]. Более того, следует подчеркнуть, что депрессивные эпизоды в перименопаузе в 2–4 раза повышают риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, что придает проблеме не только психологическое, но и серьезное соматическое измерение [10, с. 740].

Актуальность настоящего исследования продиктована наличием ряда противоречий в современном научном поле. Во-первых, несмотря на признание многофакторности нарушений, на практике часто сохраняется редуционистский подход, сводящий проблему либо к «гормональному дисбалансу», либо к «возрастной истерии». Во-вторых, наблюдается разрыв между активно развивающейся доказательной базой эффективности психотерапевтических интервенций (в частности, КПТ) и их слабой интегрированностью в рутинную клиническую практику гинекологических и общесоматических учреждений [3, 8]. В-третьих, остаются недостаточно изученными долгосрочные эффекты хронического стресса, перенесенного в пременопаузе, на характер течения климактерия, хотя отдельные работы указывают на прямую корреляцию [9].

Целью данной статьи является проведение междисциплинарного анализа современных научных данных

о роли личностных особенностей в формировании эмоциональных нарушений у женщин в климактерическом и перименопаузальном периодах, а также сравнительная оценка терапевтических стратегий. Соответственно, для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

Систематизировать данные о личностном профиле женщин, предрасположенных к патологическому течению климактерия.

Провести дифференциацию аффективных расстройств (депрессии, тревоги) в контексте их связи с гормональной перестройкой.

Проанализировать нейробиологические механизмы, опосредующее влияние дефицита эстрогенов на эмоциональную сферу.

Сравнить эффективность и место различных методов лечения: от фармакотерапии до специализированных протоколов КПТ.

Обосновать необходимость и контуры междисциплинарной модели оказания помощи.

Гипотеза исследования заключается в следующем: тяжесть и клиническое оформление эмоциональных нарушений в перименопаузе в большей степени детерминированы преморбидными личностными особенностями и копинг-стратегиями женщины, нежели исключительно объективными параметрами гормонального дефицита. Гормональные изменения выступают триггером, запускающим процесс декомпенсации уже существующих личностных уязвимостей.

Основная часть

1. Личностный профиль как предиктор дезадаптации: эмпирические и глубинные модели

В первую очередь, необходимо рассмотреть, какие именно психологические особенности создают почву для непсихотических психических расстройств в период менопаузального перехода. Эмпирическое исследование Ан-

тоновой А. А. (2017) дает четкий, статистически выверенный ответ на этот вопрос. Автор, сравнивая группу женщин с расстройствами ($n=130$) и контрольную группу ($n=50$), выявила достоверные различия. У женщин основной группы были значительно повышены показатели по шкалам ипохондрии, депрессии, истерии, психастении и паранойи по методике СМОЛ [4]. Таким образом, портрет «группы риска» включает тревожную мнительность, склонность к соматизации переживаний, эмоциональную лабильность и ригидность мышления. Кроме того, критичным оказался выбор стратегий совладания: наряду с поиском социальной поддержки, женщины чаще прибегали к пассивному избеганию и агрессивным действиям, что формирует порочный круг стресса [4]. Данные этого исследования позволяют предположить, что перименопауза выступает своего рода «проявителем» уже существующих в структуре личности дезадаптивных черт.

В то же время психоаналитическая перспектива, представленная в работе Мордас Е. С. и Кузьмичевой А. Г. (2021), предлагает взглянуть на эти уязвимости в историческом и смысловом контексте. Авторы вводят концепт «комплекса менопаузы», который включает переживание

утраты как нарциссическую травму, регресс к ранним конфликтам, процесс горя по репродуктивной функции и бессознательную идентификацию с материнским сценарием старения [2, с. 20–25]. Соответственно, для женщин с нарциссической или истероидной организацией личности, чья самооценка была тесно связана с внешностью и репродуктивностью, климактерий переживается как крушение основ идентичности. Можно сказать, что если эмпирическое исследование отвечает на вопрос «как?», то психоаналитическое — «почему?».

Важным дополнением к этому является исследование влияния хронического стресса. Продолжительное воздействие стресс-факторов в перименопаузе приводит к истощению гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси (ГГН-оси). Следовательно, к моменту наступления гормональной перестройки адаптационные резервы организма уже истощены. Клинически это проявляется не типичными приливами, а тяжелыми, резистентными тревожно-фобическими или атипичными депрессивными синдромами [9]. Данный факт можно визуализировать, представив адаптационный ресурс как «сосуд», который к началу климактерия может быть уже полупустым (Схема 1).

До менопаузы: [=====] Полный ресурс

Хронический стресс: [====.....] Ресурс истощается

Перименопауза: [=.....] Недостаточно ресурса для адаптации → Тяжелые симптомы

Рис. 1. Модель истощения адаптационного резерва под влиянием хронического стресса

Подводя итоги данного раздела, полагаем, что личностные особенности являются не просто фоном, а активным патопластическим фактором, определяющим форму и тяжесть психического ответа на биологический вызов климактерия.

2. Клиническая дифференциация аффективных расстройств: от симптома к диагнозу

Далее необходимо перейти от общих психологических предикторов к конкретным клиническим формам. Классическая работа Тювиной Н. А. с соавторами (2017) предлагает четкую дифференциально-диагностическую матрицу, имеющую прямые терапевтические импликации [7]. Авторы настаивают на разграничении трех принципиально разных типов депрессии:

Соматогенная (климактерическая): напрямую зависит от тяжести КС (приливов, потливости). Терапия выбора — часто ЗГТ.

Психогенная (невротическая): реакция на психотравму, связанную с восприятием менопаузы. Терапия выбора — психотерапия (КПТ).

Эндогенная: аутогенное заболевание, спровоцированное, но не вызванное климактерием. Терапия выбора — антидепрессанты.

Таким образом, вопрос «депрессия в климактерии или из-за климактерия?» становится ключевым для врача [7, с. 4].

Более поздняя работа Доценко И. И. (2023) дополняет эту классификацию, описывая инволюционную депрессию (истерию), которая манифестирует в постменопаузе и характеризуется выраженной тревогой, ипохондрией и высоким суицидальным риском [6]. Кроме того, автор акцентирует повышенный риск манифестации или обострения психотических расстройств (включая шизофрению) в перименопаузе, связывая это с резким падением уровня эстрогенов, обладающих нейропротективным и антидофаминергическим действием [6]. Этот риск (R) можно условно выразить через формулу, где ΔE — скорость снижения эстрогенов, а V — личностная уязвимость (например, по шкале психотизма):

$$R = k * \Delta E * V$$

Где k — константа, учитывающая генетические и средовые факторы.

Следовательно, клинический спектр психических нарушений в климактерии оказывается чрезвычайно широким, что требует от специалиста высокой диагностической грамотности.

3. Нейробиологические основы и доказательные методы терапии.

Вместе с тем понимание клиники невозможно без рассмотрения лежащих в ее основе нейробиологических процессов. Современный обзор (2025) подробно описывает, как эстрогены (17β-эстрадиол) функционируют как ключевые нейромодуляторы: регулируют серотонинергическую, норадренергическую и дофаминергическую системы, поддерживают нейропластичность гиппокампа и обладают противовоспалительным действием [5]. Их дефицит приводит к настоящему нейроэндокринному сбою. Соответственно, ЗГТ при соматогенной депрессии — это не просто «лечение приливов», а патогенетическая терапия, направленная на коррекцию работы мозга.

Однако фармакотерапия — не единственный доказанный метод. На сегодняшний день революционным прорывом можно считать разработку и валидацию специфических протоколов когнитивно-поведенческой терапии. Протокол CBT-Meno (Green et al., 2019) — это 12-недельная групповая программа, доказавшая в РКИ эффективность в снижении как вазомоторных, так и психоэмоциональных симптомов [11]. Ещё более узконаправленным является протокол CBT-SC-Peri (2021), предназначенный всего из 4 сессий для работы именно с сексуальными дисфункциями, решая психологические аспекты (образ тела, желание), недоступные для ЗГТ [8].

Тем не менее, выбор между ЗГТ, антидепрессантами и КПТ не должен быть дихотомичным. Оптимальной стратегией, как следует из обзора Блинова Д. В. и соавт. (2021), является междисциплинарный подход [10]. Авторы предлагают конкретную модель взаимодействия гинеколога-эндокринолога, психиатра и клинического психолога, где совместный консилиум и единый план лечения становятся стандартом. Таким образом, будущее помощи женщинам в климактерии лежит не в конкуренции методов, а в их синергии в рамках организованной командной работы. Эффективность такого подхода (E) можно представить как функцию от слаженности команды (C), персонализации плана (P) и доказательности методов (M):

$$E = C * \int (P * M) dt$$

Где интеграл по времени (dt) подчеркивает важность длительной реабилитации.

Литература:

1. Особенности психологического статуса женщин перименопаузального возраста с признаками климактерического синдрома // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskogo-statusa-zhenschin-perimenopauzalnogo-vozrasta-s-priznakami-klimaktericheskogo-sindroma> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Мордас Е. С., Кузьмичева А. Г. Менопауза как стадия женского развития: психоаналитический взгляд // Психолог. 2021. № 3. С. 15–33. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=35096 (дата обращения: 10.03.2025).

Заключение

Проведенный междисциплинарный анализ десяти современных научных источников позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, подтверждена гипотеза о ведущей роли преморбидных личностных особенностей в формировании индивидуальной клинической картины эмоциональных нарушений в перименопаузе. Гормональная перестройка выступает мощным стрессором, который приводит к декомпенсации уже существующих уязвимостей, таких как тревожная мнительность, ригидность и склонность к пассивно-избегающему копингу.

Во-вторых, клинические проявления носят гетерогенный характер, что требует обязательной дифференциальной диагностики между соматогенной, психогенной, эндогенной и инволюционной депрессией, а также учета повышенного риска психотических расстройств. Универсального подхода к лечению «климактерической депрессии» не существует.

В-третьих, современная терапия переживает парадигмальный сдвиг. Доказанная в РКИ эффективность структурированных протоколов КПТ (CBT-Meno, CBT-SC-Peri) выводит психотерапию из разряда вспомогательных методов в категорию основных, равноправных с фармакотерапией (ЗГТ, антидепрессанты) инструментов лечения.

В целом, разрешение проблемы эмоционального неблагополучия женщин в климактерии лежит в плоскости преодоления междисциплинарных барьеров. Следовательно, ключевой рекомендацией является разработка и внедрение в систему здравоохранения стандартизированных алгоритмов межведомственного взаимодействия гинекологов, психиатров и психотерапевтов. Только комплексная биопсихосоциальная реабилитация, учитывающая и биологический дефицит, и личностную историю, и актуальный социальный контекст, может превратить климактерий из неизбежного кризиса в точку роста и обретения новой, зрелой идентичности. Однако для реализации этой модели необходимы дальнейшие исследования, направленные на оценку экономической эффективности междисциплинарных команд и разработку скрининговых инструментов для раннего выявления женщин группы риска в условиях первичного звена здравоохранения.

3. Климактерический синдром: особенности терапии психоэмоциональных нарушений // Русский медицинский журнал. 2022. URL: https://www.rmj.ru/articles/psikhiatriya/Klimaktericheskiy_sindrom_osobennosti_terapii_psihoemocionalnyh_narusheniy/ (дата обращения: 10.03.2025).
4. Антонова А. А. Психологические взаимосвязи непсихотических психических расстройств у женщин в перименопаузе // Прикладные исследования. 2017. № 1. С. 45–52. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=7737> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Влияние климактерического синдрома на психическое состояние женщины в перименопаузальном периоде // Журнал «Женское здоровье и репродукция». 2025. № 4 (69). С. 112–125. URL: <https://journalgynecology.ru/statyi/vliyanie-klimaktericheskogo-sindroma-na-psihicheskoe-sostoyanie-zhenshhiny-v-perimenopauzalnom-periode/> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Доценко И. И. Психические расстройства женщин в климактерическом периоде // Социальная и клиническая психиатрия. 2023. Т. 33, № 2. С. 88–94. URL: <https://serbsky.ru/2023/06/05/psihicheskie-rasstrojstva-zhenshhin-v-klimaktericheskom-periode/> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Тювина Н. А., Балабанова В. В., Воронина Е. О. Дифференциальная диагностика и лечение депрессивных расстройств в период менопаузального перехода // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2017. Т. 117, № 3. С. 4–10. URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/zhurnal-nevrologii-i-psikhiatrii-im-s-s-korsakova/2017/3/1199772982017031022> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Green S. M., et al. Cognitive Behavioral Therapy for Sexual Concerns During Perimenopause: A Four Session Study Protocol // Frontiers in Global Women's Health. 2021. Vol. 2. Article 744748. P. 1–9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/global-womens-health/articles/10.3389/fgwh.2021.744748/full> (дата обращения: 10.03.2025).
9. Особенности течения климактерического периода у женщин, длительно проживавших в условиях хронического стресса // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12, № 6(65). С. 34–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-techeniya-klimaktericheskogo-perioda-u-zhenschin-dlitelno-prozhivavshih-v-usloviyah-hronicheskogo-stressa> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Блинов Д. В., Акарачкова Е. С., Ампилогова Д. М., Джобава Э. М. и др. Депрессия у женщин в менопаузе: организация междисциплинарного подхода в лечении и перспективы реабилитации // Акушерство, гинекология и репродукция. 2021. Т. 15, № 6. С. 738–754. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressiya-u-zhenschin-v-menopauze-organizatsiya-mezhdistsiplinarnogo-podhoda-v-lechenii-i-perspektivy-reabilitatsii/viewer> (дата обращения: 10.03.2025).
11. Green S., et al. Impact of the CBT-Meno protocol on menopause-specific beliefs, dysfunctional attitudes, and coping behaviors // Menopause. 2022. Vol. 29, № 8. P. 963–972. (Материал на основе регистрации клинического испытания NCT02480192).

Критическое мышление как фактор психологической безопасности подростков в цифровой среде

Чевтайкина Оксана Андреевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Цифровая среда превратилась для подростков из периферийного инструмента в повседневное пространство общения, обучения и самовыражения. Параллельно с расширением возможностей нарастают риски: дезинформация, манипуляции, кибербуллинг, воздействие деструктивного контента. В статье рассматривается значение критического мышления как компонента психологической безопасности подростков в интернет-среде. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных работ сформулирована гипотеза: высокий уровень критического мышления повышает устойчивость подростков к цифровым угрозам и снижает их психологическую уязвимость. Представлены методологические подходы, логика планируемого исследования, а также обоснованы направления эмпирической проверки. Материал может быть полезен педагогам, психологам, специалистам по цифровому воспитанию при разработке программ медиаграмотности.

Ключевые слова: критическое мышление, психологическая безопасность, подростки, цифровая среда, медиаграмотность, кибербуллинг, дезинформация.

Введение

Современный подросток значительную часть повседневной коммуникации, обучения и досуга переносит

в цифровую среду. По данным всероссийского исследования цифровой компетентности подростков и родителей, каждый седьмой подросток 12–17 лет в будние дни проводил в Интернете 5–8 часов и более, а в выходные такое

время пребывания в сети отмечалось уже у каждого четвертого [1]. Соцсети, мессенджеры, видеохостинги перестали быть только развлечением; они формируют картину мира, задают образцы поведения, влияют на самооценку. В таких условиях информационный поток, с которым сталкивается школьник, по объёму и скорости многократно превышает то, что способен переработать неподготовленный человек. Фильтровать этот поток приходится самостоятельно, поскольку родительский контроль и технические ограничения срабатывают лишь частично.

Риски неоднородны. Исследования оценки онлайн-источников показывают, что школьники часто испытывают трудности при различении надёжной информации, рекламы, мнения и манипулятивного сообщения [2]. Манипулятивные механизмы алгоритмических лент усиливают эмоциональную реакцию, удерживая внимание на провокационном контенте. По данным ВОЗ/Европейского регионального бюро, 15 % подростков сообщали, что сталкивались с кибербуллингом; эта проблема рассматривается как значимый риск для благополучия школьников [3]. Российские исследователи также подчёркивают, что кибербуллинг имеет устойчивые формы сетевой агрессии и отличается от традиционной травли расширением пространства воздействия за пределы школы [4]. Эмоциональное давление, с которым подростки встречаются в сетевых сообществах, способно приводить к тревожности, снижению учебной мотивации и депрессивным переживаниям.

Традиционные подходы к обеспечению безопасности, точнее, запретительные и фильтрационные, показывают ограниченную эффективность. Блокировка контента обходится за считанные минуты, а тотальный контроль порождает конфликт доверия между подростком и взрослым. По этой причине всё большее внимание исследователей привлекают внутренние ресурсы самого подростка, позволяющие ему самостоятельно распознавать угрозы и выстраивать адекватную реакцию.

Критическое мышление, то есть способность анализировать информацию, сопоставлять источники, оценивать аргументацию и формулировать обоснованные выводы, выступает одним из таких ресурсов. В классическом экспертном определении П. Фасиона критическое мышление понимается как целенаправленное саморегулируемое суждение, включающее интерпретацию, анализ, оценку, вывод и объяснение оснований суждения [6]. Гипотеза настоящей статьи может быть сформулирована следующим образом: чем выше у подростка уровень критического мышления, тем устойчивее он к негативному воздействию цифровой среды. Цель работы состоит в теоретическом обосновании этой связи и определении направлений её эмпирической проверки.

1. Критическое мышление и цифровая среда: теоретические основания

Понятие критического мышления в психолого-педагогической литературе трактуется неоднозначно, однако

большинство авторов сходятся в выделении трёх составляющих: когнитивных операций (анализ, синтез, оценка), метакогнитивных навыков (рефлексия собственных рассуждений, контроль логических ошибок) и личностных установок (готовность подвергать сомнению привычные суждения, толерантность к неопределённости) [6]. Д. Халперн рассматривает критическое мышление как использование когнитивных навыков и стратегий, повышающих вероятность желательного результата рассуждения [7]. Р. Пол и Л. Элдер акцентируют внимание на дисциплине рассуждения: критически мыслящий человек способен выявить скрытые допущения, оценить качество доказательств и отделить факт от мнения [8].

Подростковый возраст занимает в этом контексте особое место. С позиций психологии развития, период 12–17 лет характеризуется формированием абстрактного мышления, способности к гипотетико-дедуктивным рассуждениям и нарастающей потребностью в автономии суждений [9]. Вместе с тем метакогнитивный контроль у подростков ещё не достигает взрослого уровня: склонность к импульсивным выводам, подверженность эффекту группы, эмоциональная реактивность могут снижать качество принимаемых решений. Именно это сочетание, а именно растущие когнитивные возможности при незрелом самоконтроле, делает подростка одновременно перспективным объектом формирования критического мышления и уязвимым перед манипуляцией.

Цифровая среда обладает рядом характеристик, усложняющих задачу критической оценки информации. Многоканальность означает, что подросток получает сведения одновременно из текста, видео, аудио, комментариев, и каждый канал может нести противоречивые сигналы. Мгновенность обновления контента сокращает время на обдумывание; алгоритмические рекомендации и социальные сети могут усиливать эффект информационных пузырей и эхо-камер, поскольку пользователь чаще сталкивается с материалами, согласованными с уже проявленными интересами и реакциями [12]. Высокая эмоциональная насыщенность публикаций, особенно в социальных сетях, провоцирует реакции, основанные не на логике, а на аффекте.

Манипулятивные техники распространения контента заслуживают отдельного внимания. Кликбейт, подмена контекста, использование эмоционально заряженных заголовков, встраивание ложной информации в достоверный нарратив, все эти приёмы рассчитаны на пользователя, который читает бегло и реагирует мгновенно. Подросток, не обладающий привычкой верифицировать источники и проверять логику аргументации, становится лёгкой мишенью. Исследования civic online reasoning показывают, что учащиеся испытывают трудности при оценке онлайн-утверждений, источников и доказательств; следовательно, медиаграмотность должна включать специальные задания на проверку источников и аргументов [2].

Психологическая безопасность в цифровой среде, если рассматривать её шире, чем просто отсутствие прямых угроз,

предполагает способность адекватно воспринимать информацию, фильтровать деструктивные воздействия, оценивать намерения собеседника и сохранять автономность при выборе реакции. Такое понимание опирается на общую традицию исследований психологической безопасности в образовании, где безопасность связывается с защищённостью личности, сохранением психического здоровья и снижением психологического насилия в среде взаимодействия [5]. В цифровом контексте ресурсом защиты выступает не только программное обеспечение, но и качества личности.

Теоретическая связь между критическим мышлением и психологической безопасностью строится на нескольких предпосылках. Во-первых, навык анализа источников позволяет распознавать дезинформацию до того, как она повлияет на эмоциональное состояние. Во-вторых, рефлексия собственных когнитивных процессов помогает подростку замечать момент, когда его пытаются «защепить» эмоционально. В-третьих, установка на проверку аргументации снижает эффективность группового давления, в том числе давления, характерного для кибербуллинга [4]. Критическое мышление, таким образом, выступает когнитивным щитом: оно не устраняет угрозы, но снижает их воздействие на психику подростка.

2. Проблема, цель и гипотеза исследования

Анализ отечественной и зарубежной литературы обнаруживает заметный разрыв. Когнитивные навыки подростков изучаются преимущественно в рамках педагогической психологии и дидактики, медийная грамотность рассматривается как отдельное направление, а цифровые риски исследуются в терминах интернет-безопасности, медиасоциализации и профилактики сетевой агрессии [1; 3; 4; 10; 11]. Взаимодействие этих трёх областей, где критическое мышление выступало бы связующим звеном между когнитивной готовностью подростка и его устойчивостью к онлайн-угрозам, остаётся недостаточно проработанным.

Отечественные исследования фиксируют рост интереса к проблематике цифровой социализации и цифровой компетентности. Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова и Е. Ю. Зотова разработали подход к оценке цифровой компетентности подростков и родителей, включающий компоненты знаний, умений, мотивации и ответственности в цифровой среде [1]. Тем не менее эмпирических работ, напрямую связывающих уровень критического мышления (измеренный валидированным инструментом) с показателями психологической безопасности подростков в сети, крайне мало.

В зарубежной традиции ситуация несколько лучше. С. Ливингстон и коллеги в проекте EU Kids Online показали, что онлайн-риски следует анализировать не изолированно, а в связи с возрастом, семейным контекстом, цифровыми навыками и стратегиями совладания [10]. Р. Хоббс обосновала, что программы цифровой и медийной грамотности должны включать анализ сообщений, оценку источников, понимание авторских целей и создание соб-

ственных медиатекстов [11]. Однако и эти работы, как правило, рассматривают медиаграмотность как единый конструкт, не выделяя вклад именно критического мышления из общей совокупности навыков.

Проблема исследования, таким образом, состоит в недостаточной эмпирической изученности связи между уровнем критического мышления и психологической безопасностью подростков в цифровой среде. Цель работы заключается в теоретическом обосновании этой связи и разработке методологической основы для её эмпирической проверки.

Гипотеза формулируется так: подростки с высоким уровнем критического мышления демонстрируют более высокую психологическую устойчивость в цифровой среде и менее подвержены негативному влиянию дезинформации, манипуляций и кибербуллинга.

3. Методологические подходы и методика исследования

Методологическую основу планируемого исследования составляют три группы теорий. Первая, психологические теории критического мышления, опирается на работы П. Фасиона [6], Д. Халперн [7], Р. Пола и Л. Элдер [8]. Эта группа задаёт операциональное определение критического мышления и обосновывает его измеримость. Вторая группа, теории развития личности в подростковом возрасте, позволяет учитывать возрастную специфику: незавершённость формирования метакогнитивного контроля, доминирование эмоциональных реакций, значимость референтной группы [9]. Третья, подходы медийной психологии и цифровой грамотности, описывает среду, в которой функционирует критическое мышление подростка, и определяет перечень рисков, подлежащих изучению [10; 11; 12].

Для сбора данных предполагается использовать комплекс методов. Уровень критического мышления целесообразно оценивать с помощью стандартизированных тестов; в международной практике используются Watson–Glaser Critical Thinking Appraisal, измеряющий анализ аргументов, выводы и распознавание допущений [13], а также Halpern Critical Thinking Assessment, валидность которого изучалась в связи с реальными жизненными исходами критического мышления [14]. Для измерения психологической безопасности в цифровом контексте может быть применена шкала цифровой компетентности Г. У. Солдатовой и коллег (субшкала «Безопасность»), дополненная авторским опросником, фиксирующим частоту столкновений с дезинформацией, кибербуллингом и манипулятивным контентом, а также субъективную оценку собственной устойчивости [1].

Дополнительным источником данных может служить контент-анализ цифрового поведения: анализ реакций подростков на специально подобранные тестовые материалы (ложные новости, манипулятивные посты, провокационные комментарии). Подобный эксперимент позволяет оценить не декларируемую, а реальную способность распознавать угрозы. Саморефлексивные интервью, про-

ведённые после эксперимента, дают качественный материал для интерпретации количественных результатов.

Статистическая обработка предполагает корреляционный анализ (r Пирсона или ρ Спирмена в зависимости от распределения) для выявления связи между показателями критического мышления и психологической безопасности. Регрессионный анализ позволит оценить вклад критического мышления в объяснение вариации показателей безопасности при контроле дополнительных переменных (пол, возраст, интенсивность использования интернета, семейная ситуация). Выборка планируется в объёме 120–200 подростков 13–16 лет из образовательных учреждений разного типа.

Обоснованность методического выбора определяется сочетанием количественных и качественных подходов. Тесты и опросники дают воспроизводимые числовые данные, пригодные для статистической проверки гипотезы. Контент-анализ и интервью обеспечивают глубину интерпретации, позволяя выявить механизмы, через которые критическое мышление реализуется (или не реализуется) в конкретных ситуациях цифрового взаимодействия.

4. Предполагаемые результаты и значение исследования

Исходя из теоретического анализа, можно сформулировать ряд ожиданий относительно результатов эмпирического этапа. Подростки, набравшие высокие баллы по тесту критического мышления, предположительно будут реже отмечать негативный эмоциональный опыт, связанный с контентом в социальных сетях. Кроме того, ожидается, что они точнее идентифицируют ложную информацию в экспериментальных заданиях и реже оценивают манипулятивные публикации как заслуживающие доверия. Такая логика согласуется с исследованиями, где способность проверять онлайн-источники рассматривается как ключевой компонент гражданского онлайн-рассуждения [2].

Отдельный интерес представляет взаимосвязь критического мышления и восприятия кибербуллинга. Подросток, способный анализировать мотивы агрессора и оценивать ситуацию рационально, с меньшей вероятностью интернализирует оскорбления, то есть воспринимает их как объективную характеристику собственной личности. Если эта связь подтвердится, она будет иметь существенное практическое значение: развитие критического мышления окажется не только инструментом информационной грамотности, но и фактором эмоциональной устойчивости в ситуациях сетевой агрессии [4].

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке программ медиаграмотности для школ и учреждений

дополнительного образования. Действующие программы, как правило, сосредоточены на технических аспектах безопасности (настройки приватности, правила поведения в сети), тогда как медиаобразовательный подход требует учить школьников анализировать сообщения, проверять источники и понимать авторские цели [11]. Включение модулей по критическому мышлению, основанное на эмпирических данных о его защитной функции, способно повысить эффективность таких программ.

С точки зрения вклада в науку, исследование направлено на выявление связи, которая до сих пор анализировалась фрагментарно: когнитивные навыки как предиктор психологической безопасности в условиях массовой цифровизации. Установление характера и силы этой связи откроет направления для дальнейших работ, в том числе для лонгитюдных исследований, отслеживающих динамику критического мышления и устойчивости к цифровым угрозам по мере взросления.

Заключение

Проведённый теоретический анализ показывает, что критическое мышление представляет собой значимый, хотя и недостаточно задействованный ресурс психологической защиты подростков в цифровом пространстве. Способность анализировать источники, распознавать манипуляции, контролировать эмоциональные реакции и формулировать независимые суждения снижает влияние ключевых цифровых угроз, будь то дезинформация, кибербуллинг или деструктивный контент.

Вместе с тем теоретическое обоснование, каким бы убедительным оно ни выглядело, требует эмпирической проверки. Планируемое исследование, сочетающее тестирование когнитивных навыков, опрос и экспериментальное задание, призвано верифицировать гипотезу и установить количественные характеристики связи между критическим мышлением и психологической безопасностью. Ограничением работы остаётся срезовой характер дизайна: для установления причинно-следственной связи потребуется лонгитюдный формат.

Практическая рекомендация, вытекающая из проведённого анализа, состоит в необходимости интеграции компонента критического мышления в школьные программы медиаграмотности и цифровой безопасности. Занятия, формирующие у подростков привычку проверять источники, различать факт и мнение, анализировать эмоциональное воздействие контента, могут оказаться эффективнее запретительных мер. Разработка и апробация таких программ видится перспективным направлением прикладных исследований.

Литература:

1. Солдатова, Г. У. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с. — ISBN 978-5-9904706-1-3. — URL: <https://ifap.ru/library/book536.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).

2. McGrew, S. Can Students Evaluate Online Sources? Learning From Assessments of Civic Online Reasoning / S. McGrew, J. Breakstone, T. Ortega, M. Smith, S. Wineburg // *Theory & Research in Social Education*. — 2018. — Vol. 46, no. 2. — P. 165–193. — DOI: 10.1080/00933104.2017.1416320.
3. One in six school-aged children experiences cyberbullying, finds new WHO/Europe study // World Health Organization, Regional Office for Europe. — 2024. — 27 March. — URL: <https://www.who.int/europe/news/item/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying—finds-new-who-europe-study> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. — 2014. — Т. 11, № 3. — С. 177–191. — DOI: 10.17323/1813-8918-2014-3-178-191. — URL: <https://ojs.hse.ru/index.php/psychology/article/view/766> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Баева, И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И. А. Баева. — СПб.: Союз, 2002. — 271 с. — ISBN 5-94033-148-3. — URL: <https://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:162072/Source:default> (дата обращения: 18.05.2026).
6. Facione, P. A. Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. The Delphi Report / P. A. Facione. — Millbrae: California Academic Press, 1990. — ERIC Number: ED315423. — URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED315423.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).
7. Halpern, D. F. Thought and Knowledge: An Introduction to Critical Thinking / D. F. Halpern. — 5th ed. — New York: Psychology Press, 2013. — 654 p. — DOI: 10.4324/9781315885278.
8. Paul, R. Critical Thinking: Tools for Taking Charge of Your Professional and Personal Life / R. Paul, L. Elder. — 2nd ed. — London; New York: Bloomsbury Publishing; The Foundation for Critical Thinking, 2020. — 480 p. — ISBN 978-1-5381-3953-0. — URL: <https://www.bloomsbury.com/us/critical-thinking-9781538139530/> (дата обращения: 18.05.2026).
9. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров / Л. Ф. Обухова. — М.: Юрайт, 2013. — 460 с. — ISBN 978-5-9916-2189-2. — URL: <https://urait.ru/book/vozrastnaya-psihologiya-367629> (дата обращения: 18.05.2026).
10. Livingstone, S. Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings / S. Livingstone, L. Haddon, A. Görzig, K. Ólafsson. — London: EU Kids Online, London School of Economics and Political Science, 2011. — URL: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/assets/documents/research/eu-kids-online/reports/D4FullFindings.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).
11. Hobbs, R. Digital and Media Literacy: Connecting Culture and Classroom / R. Hobbs. — Thousand Oaks: Corwin Press, 2011. — 232 p. — ISBN 978-1-4129-8158-3. — URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED523447> (дата обращения: 18.05.2026).
12. Flaxman, S. Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption / S. Flaxman, S. Goel, J. M. Rao // *Public Opinion Quarterly*. — 2016. — Vol. 80, Special Issue 1. — P. 298–320. — DOI: 10.1093/poq/nfw006.
13. Watson, G. Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal Manual / G. Watson, E. M. Glaser. — New York: Harcourt, Brace & World, 1964. — OCLC: 39932182. — URL: <https://search.worldcat.org/title/watson-glaser-critical-thinking-appraisal-manual/oclc/39932182> (дата обращения: 18.05.2026).
14. Butler, H. A. The Halpern Critical Thinking Assessment and real-world outcomes: Cross-national applications / H. A. Butler, C. P. Dwyer, M. J. Hogan, A. Franco, S. F. Rivas, C. Saiz, L. S. Almeida // *Thinking Skills and Creativity*. — 2012. — Vol. 7, no. 2. — P. 112–121. — DOI: 10.1016/j.tsc.2012.04.001.

Роль воображения и мышления в реконструкции событий преступления

Шакиров Эмиль Робертович, студент;

Андреева Юлиана Романовна, студент

Научный руководитель: Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье авторы исследуют психические процессы и их роль в реконструкции преступления.

Ключевые слова: воображение, мышление, психика, реконструкция преступления, деятельность.

Введение

Реконструкция событий преступления является необходимой частью работы юристов, она заключается в мысленном воссоздании прошлого, что помогает в рас-

крытии преступлений. Сложность данной сферы в юридической практике обусловлена тем, что оперативным работникам чаще всего требуется собирать события преступления буквально «по частям», не имея полной картины дела.

Реконструкция событий преступления является особенно сложной задачей, мышление и воображение являются неотъемлемой ее частью. Эти мыслительные процессы помогают следователю выдвигать версии преступления, анализировать имеющиеся данные, прогнозировать развитие ситуации.

Цель данной статьи заключается в анализе взаимосвязи психических процессов, их роли, выявлении особенностей, рисков и ошибок для реконструкции преступления.

Мышление как инструмент анализа и установления фактических обстоятельств

Реконструкция событий преступления — это целенаправленный процесс, целью которого является мысленное воссоздание прошлого события преступления по следам, уликам и «зацепкам», обнаруженным следователем в настоящем.

Реконструктивная сторона мыслительной деятельности заключается в упорядочении полученной информации в результате поисковой деятельности путем анализа и синтеза. Можно выделить два направления такой реконструкции: реконструкция событий преступления (то, что способствовало его совершению); исследование личности преступника (информация о том, кто совершил преступление)

Оперативный работник при проведении своей деятельности и при анализе полученных материалов дела должен не просто выявлять видимые факты, а выстраивать логические связи, выстраивать различные гипотезы, соотносить их между собой. При такой деятельности выполняется целый комплекс мыслительных операций, куда относятся: Анализ и синтез имеющихся доказательств; выдвижение и проверка следственных версий; соотношение материалов между собой, выявление причинно-следственной связи; формирование выводов исходя из полученных сведений.

Важным является дополнение о том, что данные виды деятельности считаются условными, ведь на практике работа профессионалов в этой сфере всегда представляет собой единое целое. В случаях, когда материалы дела неясны или имеются расхождения в показаниях свидетелей, работникам особенно важно критическое мышление, так как оно помогает достичь истины, анализировать и правильно сопоставлять материалы дела.

Таким образом, мышление играет ключевую роль в реконструкции преступлений, так как оно определяет про-

цесс анализа, интерпретации и восстановлении картины прошлого.

Воображение как средство построения версий и моделирования ситуации

Воображение — это психический процесс, состоящий в создании новых образов объектов, явлений на основе имеющихся знаний и представлений. С помощью воображения оперативный работник может реконструировать событие «по крупицам», и компенсировать недостаток сведений. Воображение в реконструкции событий преступления это не просто выдуманная теория, а правильно выведенная мысль на основе фактов, также, воображение, при неправильном использовании может привести к неверной трактовке определенных обстоятельств, еще больше усложнив раскрытие дела.

С помощью воображения юрист должен мысленно воссоздать обстановку происшествия, например, его основными задачами являются: выстраивание возможной последовательности событий; реконструкция возможных действий участников; выявление характеризующих признаков, особенностей у преступника (примерный возраст, пол, привычки, телосложение).

Таким образом важно понимать, что воображение является важным связующим звеном реконструкции преступления, так как оно способствует выявлению новых версий и гипотез.

Заключение

Реконструкция событий преступления — сложный процесс, требующий учета многих факторов и требований. Основной частью этого процесса являются мышление и воображение. Воображение позволяет выстроить некий образ и составить «наброски» произошедшего. Мышление, в свою очередь развивает полученные версии в ходе воображения и составляет их в единое целое, продуманное и завершенное событие, что и является раскрытым делом.

Мышление и воображение имеют свои недостатки, которые можно избежать, придерживаясь определенных правил в ходе раскрытия преступления.

В завершении хочется сказать, что реконструкция событий преступления — неотъемлемый процесс юридической деятельности, а стремление к развитию собственных навыков и саморефлексии у юристов — признак профессионализма.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва: Лабиринт, 1999. — 352 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт — Петербург: Питер, 2002. — 720 с.
3. Немов, Р. С. Психология: учебник для вузов: в 3 кн. / Р. С. Немов. — Москва: Владос, 2003. Кн. 1: Общие основы психологии. — 688 с.
4. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — Москва: Политиздат, 1975. — 304 с.

Социально-психологический портрет участника СВО: мотивация, ценности и личностные черты

Шарифуллина Регина Гомильевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

В условиях продолжающейся специальной военной операции (СВО) изучение социально-психологического профиля её участников приобретает прикладное и теоретическое значение для понимания механизмов мобилизационного поведения, выживаемости и коллективной устойчивости. Мотивационные основания участия демонстрируют многоуровневую структуру: наряду с патриотическими импульсами значимую роль играют личные обязательства перед семьей и стремления к самореализации через преодоление экстремальных ситуаций. Такая сложность побуждений требует объединения ценностно-ориентированных и личностно-стратегических подходов для адекватной интерпретации поведения в боевых условиях.

Наблюдаемая фрагментация эмпирических данных и теоретических интерпретации создаёт методологическую проблему: отсутствие системного знания о доминирующих психологических паттернах затрудняет разработку адресных мер поддержки и реабилитации. Это способствует снижению эффективности существующих программ и увеличивает риски развития посттравматических реакций и социальной дезадаптации при демобилизации. Следовательно, необходима целенаправленная систематизация эмпирических свидетельств и уточнение методологических инструментов исследования.

Целью настоящего исследования является построение интегрированного социально-психологического портрета участника СВО путём анализа мотивационных факторов, ценностных ориентаций и личностных стратегий; для её достижения предусмотрен синтез теоретического обзора, разработка методологического инструментария и проведение эмпирического сбора данных посредством опросов и глубинных интервью. Методологическая часть ориентирована на формализацию выборки, верификацию применяемых шкал и соблюдение этических норм, что обеспечивает валидность и надёжность получаемой информации. Эмпирический анализ рассчитан на выделение репертуара психологических кластеров, отражающих разнообразие индивидуальных и коллективных паттернов.

Ожидаемый научно-практический эффект работы заключается в расширении теоретического понимания ценностных структур и мотивационных механизмов в условиях национального кризиса, а также в выработке обоснованных рекомендаций для психологической поддержки и реабилитации участников. Практически результаты могут послужить основанием для совершенствования программ подготовки специалистов и государственных мер поддержки, минимизируя риски долгосрочной психологической маргинализации возвращающихся в общество лиц. В совокупности это направлено на укрепление социальной стабильности и формирование базы для последующих углублённых исследований в данной области.

Ключевые слова: военные конфликты, послефронтальная терапия, участники СВО, психоподдержка, реабилитация.

Классические теории мотивации — иерархия потребностей Маслоу, теория ожиданий и модели стимул-реакция — предоставляют фундаментальные рамки для анализа поведения в экстремальных условиях. В условиях угрозы жизни активируются первичные потребности безопасности и физиологические потребности, тогда как оценка ожидаемых последствий и вероятности успеха перераспределяет мотивы и поведенческие приоритеты. Биехевиористские объяснения оперативных реакций сочетаются с когнитивными моделями в прогнозировании смены мотивационных стратегий при критических ситуациях. Такой аналитический синтез позволяет выделить механизмы активации поведения и определить концептуальные основания для дальнейших эмпирических исследований.

Современные подходы к мотивации в военных конфликтах подчёркивают роль групповой идентичности, нормативных и ценностных стимулов, моральной мотивации и процессов социализации и поддержания боеготовности. Групповая идентичность повышает готов-

ность к риску через внутренние нормы солидарности, тогда как ценностные и моральные стимулы формируют устойчивую приверженность задачам миссии. Социализация в военной среде закрепляет нормативные ожидания и поведенческие скрипты, обеспечивая относительную стабильность мотивации в условиях длительного стресса. Выводы по современным подходам обосновывают необходимость перехода к методологическому уточнению и эмпирической проверке, что будет реализовано в следующей главе, посвященной разработке методологии и сбору данных.

Классификации ценностных ориентаций традиционно опираются на систематизацию типов ценностей и различение инструментальных и терминальных установок, при этом одним из важных современных подходов является концепция Шварца. «Ценностные ориентации в философском понимании — это важный элемент, присущий устройству личности, они фиксируются индивидуальным опытом жизни и переживаниями, разграничивая первичное для человека от вторичного, менее важного [Кис-

сель, 1983, с.763–764] [1, с.139]». Методические подходы к измерению у военнослужащих включают применение стандартизированных опросников, процедур факторного анализа и комбинированных процедур качественного анализа для выявления структуры и иерархии ценностей. В прикладных исследованиях подчеркивается необходимость адаптации инструментов к военному контексту и проверки их валидности и надежности в соответствующих популяциях.

Иерархия ценностей влияет на поведенческие установки, определяя приоритеты при принятии решений в экстремальных условиях и склонность к соблюдению нормативных требований в коллективе. Высокая значимость коллективистских и морально-этических ценностей способствует усилению групповой солидарности и готовности к самопожертвованию, тогда как преобладание ценностей, ориентированных на личную автономию, может коррелировать с большей склонностью к рискованным действиям. Механизмы влияния включают селективную активацию соответствующих целей и норм под воздействием стресса и угрозы, что приводит к приоритизации одних ценностей над другими в процессе поведения в боевых условиях. Учет этой взаимосвязи имеет прикладное значение для прогнозирования адаптивности и разработки программ психологической поддержки участников СВО.

«Ценностные ориентации, по словам И. А. Демидовой, характеризуются достаточно сложной структурой, включающей в себя когнитивный, эмотивный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент представляет собой результат осознания личностью ценностей и признание отдельных из них стратегическими целями, а также мировоззренческими ориентирами. Эмотивный компонент отражает переживание ценностей как потребностей, отражает отношение к окружающей действительности. В свою очередь, поведенческая составляющая ценностных ориентаций включает особенности поведения и деятельности человека в различные периоды его жизни [9, с.4].

Личностные ориентиры влияют на адаптационные реакции через выбор стратегий копинга, в котором приоритет жизненных целей и профессиональных установок определяет склонность к проблемно-ориентированным или эмоционально-ориентированным стратегиям. Они также обеспечивают регуляцию эмоций посредством процессов оценивания и применения морально-этических норм, что влияет на использование переоценки или подавления в условиях угрозы. При принятии решений в условиях ограниченной информации личностные ориентиры задают когнитивное перераспределение ресурсов, формируют эвристики и приоритеты, которые ускоряют оценку рисков и выбор и выбор действий. В совокупности эти механизмы объясняют, как стабильные и изменчивые элементы ориентиров модифицируют поведенческие реакции в боевой обстановке и являются ключевыми при формировании программ психологической поддержки.

Сопоставительный анализ отечественных и зарубежных эмпирических исследований показывает применение разнообразных методологических подходов, включая поперечные опросные исследования, психометрические шкалы и отдельные смешанные методики. Характеристики выборок варьируют от призывников до профессиональных военнослужащих и различаются по возрасту, боевому опыту и типу подразделений, что влияет на обобщаемость результатов. В качестве шкал и индикаторов используются стандартизированные инструменты мотивации, ценностные опросники и личностные методики, которые позволяют выявлять устойчивые паттерны, такие как превалированные коллективно-обязанностных мотивов и сопутствующие индивидуальные стратегии вживания. В совокупности исследования фиксируют корреляционные связи между мотивацией, иерархией ценностей и личностными ориентирами, формирующими поведенческие реакции в экстремальных условиях.

При этом обнаруживаются существенные теоретические и методические пробелы, прежде всего дефицит лонгитюдных исследований, необходимых для отслеживания динамики мотивации и ценностных сдвигов. Ограниченная межкультурная репрезентативность выборок и неоднородность выборочных стратегий снижают возможность межстранового сравнения и внешней валидности выводов. Необходима интеграция качественных и количественных подходов для учёта контекстуальных нарративов и унификация операционализации ключевых конструкций в целях сопоставимости данных. Устранение указанных недостатков служит основанием для разработки методологической части исследования и определения требований к выборке и инструментарию.

Выборочная стратегия была основана на чётких критериях включения и исключения, направленных на выделение участников, непосредственно задействованных в СВО, и исключение лиц, не соответствующих исследовательскому профилю. Для обеспечения репрезентативности применена стратификация по возрасту, званию и роли в операции, что позволило контролировать систематические различия между подгруппами. Расчёт объёма выборки производился с использованием процедур определения статической мощности и допустимой погрешности, что минимизировало риск смещения отбора и позволило получить достаточную численность для сравнительных и регрессионных аналитических задач.

В качестве измерительных инструментов отбирались шкалы мотивации и ценностных ориентаций, имеющие эмпирическую поддержку и применимость в военных контекстах. Процедуры адаптации включали лингвистическую валидацию и пилотное тестирование для контроля семантической эквивалентности терминов и понятий пунктов. Надёжность шкал оценивалась посредством расчёта «Альфа Кранбаха», а конструктивная валидность проверялась с помощью факторного анализа для подтверждения структуры измеряемых конструктов.

Этические процедуры предусматривали получение информированного согласия участников и меры по анонимизации данных для защиты личной информации. Для управления риском психологического вреда были разработаны инструкции по направлению участников к профильной поддержке и поэтапная процедура прекращения вмешательства при ухудшении состояния. Контроль качества данных включал протоколы мониторинга заполнения, документирование пропусков и аномалий, а также применение заранее определенных процедур обработки пропусков и исключения некорректных наблюдений.

Выборка исследования характеризовалась широкой внутренней неоднородностью: в неё вошли участники различных возрастных групп и уровней образования, представители рядового и офицерского состава, а также служебных функций как боевого, так и тылового профиля и разные регионы происхождения. В выборке были представлены как добровольцы, так и мобилизованные, что позволило учитывать различия в мотивации и правовом статусе участников без указания конкретных долей. В качестве ключевых переменных контекста участия учитывались предшествующий военный опыт, длительность участия в СВО, характер и степень боевого взаимодействия, а также семейно-экономические обстоятельства, влияющие на поведение и адаптацию. Полученная демографо-статусная характеристика обеспечила основу для дальнейшего анализа мотивационных факторов и ценностных установок и помогла корректировать выбор инструментов и интерпретацию эмпирических данных.

В результате эмпирического исследования была проведена идентификация доминирующих мотивов участия, среди которых выделяются патриотизм/ долг, защита близких, а также карьерные и материальные стимулы, причем их относительная значимость установлена на основе частотных показателей опроса. Анализ частот показал, что патриотические и семейно-защитные мотивы занимают ведущие позиции в структуре побуждений, тогда как карьерно-материальные стимулы присутствуют как существенный, но второстепенный фактор. «Мотивационная направленность личности офицера обусловлена такими типами мотивации офицеров, как материальная, карьерная патриотическая и лидерская. Представители указанных типов заинтересованы в выполнении поставленных задач в военно-профессиональной деятельности, но каждого побуждают свои мотивы, а уклоняющийся тип стремится к любой другой, но не к военно-профессиональной деятельности [11, с. 92]». Полученные данные позволяют ранжировать мотивы по относительной значимости и служат основой для последующей интерпретации мотивационных структур.

Патриотизм/долг, защита близких, карьерные стимулы, материальные стимулы, лидерские мотивы. Относительная значимость мотивов на основе частотных показателей опроса.

Дифференциация мотивация по подгруппам выявила статистические различия в мотивационных про-

филях в зависимости от возраста, статуса (военнослужащие/резерв), уровня вовлеченности и наличия предыдущего боевого опыта. Молодые участники демонстрировали большую представленность карьерных и материальных стимулов, тогда как старшие по возрасту респонденты чаще называли патриотические и семейно-оборонительные мотивы. Резервисты и действующие военнослужащие различались по выраженности лидерских и профессиональных мотивов, а наличие боевого опыта коррелировало с усилением ценностно-патриотических рекомендаций по психологической поддержке.

Мотивационные профили (карьерные, материальные, патриотические, семейно-оборонительные, лидерские, профессиональные, ценностно-патриотические, защитные) в зависимости от возраста (молодые/старшие), статуса (военнослужащие/резерв) и наличия боевого опыта.

Эмпирический анализ показал иерархию ценностных ориентаций, в которой доминируют коллективизм, лояльность, безопасность и уважение к нормам. Между указанными ценностями выявлены корреляционные связи, указывающие на их взаимное усиление в рамках социальной группы участников. Относительная стабильность данной иерархии в выборке свидетельствует о формировании устойчивых ориентиров на уровне группы. Такие данные позволяют рассматривать ценностную структуру как важный фактор предсказуемости поведения в экстремальных условиях.

Анализ соответствия ценностных установок и практических ориентиров поведения выявил как конгруэнтность, так и значимые противоречия, которые осложняют принятие решений в условиях СВО. Особенно важно отметить, что способность регулировать стресс связана с выполнением задач, что подтверждает наблюдаемые поведенческие паттерны: «Подготовленный солдат, который умеет управлять своим стрессом, сохраняет ясность ума, действует четко и организованно, способен выполнять боевые задачи даже в самых сложных условиях [10, с. 60]». В совокупности это указывает на необходимость учета ценностных диссонансов при прогнозировании решений участников.

Интегративная модель включает иерархически организованные компоненты, среди которых выделяются мотивационные детерминанты, ценностные ориентации, личностные характеристики, когнитивно-поведенческие стратегии и ситуативные факторы. В структуре мотивационных детерминантов выделяются боевые мотивы и экзистенциальные мотивы, которые задают первичные побуждения к действию и формируют фон для прочих компонентов. Личностные черты, такие как темперамент, устойчивость и импульсивность, выполняют роль модераторов реакции на стрессовые и боевые условия, определяя степень выраженности поведенческих и эмоциональных реакций. Когнитивно-поведенческие стратегии вступают связующим звеном между мотивацией и поведением, а ситуативные факторы модифицируют прояв-

ления всех перечисленных компонентов в конкретных условиях.

Иерархически организованные компоненты интегративной модели: мотивационные детерминанты (боевые, экзистенциальные мотивы), ценностные ориентации, личностные характеристики (темперамент, устойчивость, импульсивность), когнитивно-поведенческие стратегии, ситуативные факторы.

Описание роли каждого компонента

Операционализация модели предполагает разработку набора шкал и композитных индексов, позволяющих количественно оценивать мотивационные, ценностные и личностные параметры, а также стратегии поведения. Для проверки латентных связей и оценок посредничества. Оценка предиктивной валидности, должна включать сопоставление индикаторов модели с адаптивными и дезадаптивными исходами, такими как показатели психологической адаптации, функциональной работоспособности и риск дисфункциональных реакций. Комплексный подход к валидации включает многометодные данные и поэтапную кросс-валидацию, что обеспечивает надежность и пригодность модели для практических приложений.

В результате кластерного анализа выделена типология репрезентативных личностных профилей: высокомотивированные миссионерские, прагматично-адаптивные и уязвимые по устойчивости. Каждый профиль характеризуется специфическим сочетанием мотивационных драйверов, ценностных приоритетов и параметров стресс-реактивности, что отражает их различную готовность к выполнению задач в боевых условиях и различные потребности в поддержке. Типология опирается на синтез теоретических положений и эмпирических данных, интегрированных в предыдущих разделах главы. Выделение таких профилей обеспечивает дифференциацию участников по психологическим особенностям и паттернам реакции на экстремальные ситуации.

Критерии дифференциации включают статистические маркёры различий (различия в средних по ключевым шкалам, эффекты кластеров на исходы), устойчивые в межгрупповых сравнениях и подтвержденные анализом дисперсий. Кластерная принадлежность демонстрирует прогностическую ценность при выборе интервенций, позволяя соотнести тип профиля с оптимальными программами психологической поддержки и реабилитации. Практическая значимость лежит в возможности таргетирования ресурсов и адаптации методов вмешательства с учетом прогнозируемых исходов. Таким образом, выделенные маркёры и их связь с результатами служат основанием для дифференцированных практических решений.

Исходя из интегративной модели социально-психологического портрета, превентивные и полевые меры поддержки следует адаптировать под профильные потребности кластеров участников СВО. Программы психологической подготовки и краткосрочные интервенции

должны быть направлены на поддержание мотивации, тренировку копинг-стратегий и укрепление групповой сплоченности. Практическая реализация предполагает модульную структуру содержаний, позволяющую оперативно подбирать наборы вмешательств в зависимости от выявленных мотивационных и ценностных паттернов. Для оценки эффективности полевых мер необходимы упрощенные инструменты скрининга и процедуры быстрого ретейлинга в оперативной среде.

Реабилитационные протоколы должны предусматривать индивидуализированные программы послефронтальной терапии, включающие психотерапевтические модули, мероприятия по коррекции ценностных ориентаций и этапы ресоциализации. Критерии эффективности таких программ следует опирать на показатели снижения симптоматики, восстановления социальной и профессиональной функции, а также на согласование личностных ориентиров с адаптивными целями жизни, измеряемое стандартными шкалами и клиническими оценками. Система долгосрочного наблюдения должна включать фазовые последующие наблюдения, регистрацию исходов и координацию между военными и гражданскими службами здравоохранения для обеспечения преемственности ухода. Для устойчивой реализации требуются четкие маршруты направления, договоренности о передаче данных и выделение ресурсов на длительное сопровождение.

В свете построенной интегративной модели социально-психологического портрета важно развивать методологическую базу исследований через лонгитюдные дизайны, которые позволят фиксировать динамику мотивации, ценностных установок и личностных ориентиров во времени. Следует применять мультиметодные измерения, включая психометрические шкалы, поведенческие наблюдения и экспертные оценки, что обеспечит конвергентную валидацию показателей. Не менее существенной задачей является проверка устойчивости и переносимости предложенной модели в репрезентативных выборках с использованием кросс-валидации и стратифицированных выборок. Такие методологические улучшения будут способствовать как теоретической верификации выводов, так и повышению прикладной надежности рекомендаций.

В прикладной плоскости приоритетными представляются рандомизированные исследования интервенций, направленных на оценку эффективности программ психологической поддержки и реабилитации участников СВО. Одновременно необходимо исследовать контекстуальные модераторы эффективности вмешательств, включая операционные условия, социальную поддержку и демографические параметры. Параллельно требуется формирование нормативных баз и разработка этико-правовых рамок проведения исследований международным и национальным стандартам и повысят применимость полученных данных в реальных программах.

Исследование мотивировано необходимостью глубинного анализа социально-психологического профиля

участка СВО, где мотивация предстает как многогранное явление, объединяющее коллективно-патриотические порывы и индивидуальные ценности, такие как долг перед семьей и родиной, а также стремления к самореализации через преодоление экстремальных вызовов. Теоретический анализ показал, что понимание соотношения этих компонентов позволяет объяснить поведенческие стратегии в боевой обстановке, а эмпирическая часть исследования подтвердила наличие разнообразных мотивационных паттернов. Выявление взаимосвязей между мотивацией, ценностями и личностными ориентирами дало возможность обозначить ключевые факторы устойчивости и адаптации в условиях боевых, что стало центром аналитического внимания работы.

Цель исследования — разработка интегрированного социально-психологического портрета участника СВО — была достигнута посредством системного анализа мотивационных детерминант, ценностных установок и личностных ориентиров, реализованного через сочетание обзорного теоретического подхода и эмпирических методов. В соответствии с поставленными задачами был проведен обзор соответствующих теорий, разработана методология с отбором инструментов (опросы и глубинные интервью) и осуществлён эмпирический сбор данных, что обеспечило операциональную верификацию доминирующих психологических паттернов. Полученные результаты послужили основой для синтеза интегративной модели, отвечающей исходной цели и заявленным задачам исследования.

Научная проблема, обозначенная выше, — дефицит систематизированного знания о внутренних психологических механизмах участия в СВО — была адресована путём сопоставления существующих теоретических позиций и эмпирических наблюдений, что позволило выявить механистические и смысловые мотивы поведения участников. Устранение этого пробела представлено как необходимый шаг для повышения адекватности программ психоподдержки и реабилитации, поскольку систематизированное понимание мотивов минимизирует риски неэффективных вмешательств. В результате работы получено содержательное обоснование связи между недостатком знаний и вероятностью посттравматических и адаптационных нарушений при возвращении в мирную среду.

Актуальность и практическая значимость исследования выражаются в его вкладе в теорию мотивации в экстремальных социальных условиях и в прикладной ценности для разработки целенаправленных программ психологической поддержки и государственной политики в отношении участников СВО. Интеграция теоретических подходов и эмпирических данных придала полученным выводам практическую ориентированность, делая результаты полезным ресурсом для профилактики психологических кризисов и укрепления социальной стабильности. Одновременно исследование обозначило перспективные направления дальнейших эмпирических и прикладных работ, которые способны углубить и конкретизировать предложенную модель социально-психологического портрета.

Литература:

1. Бакушкин И. А., Ильичева И. М. Изучение ценностей и ценностных ориентаций личности в истории психологии // История педагогического и психологического образования. — 2021.
2. Гнездилов Г. В., Шевченко Н. В. Современные методы психологической работы с посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. - 2024.
3. Гуренкова Т. Н., Елисеева И. Н., Кузнецова Т. Ю. и др. Психология экстремальных ситуаций. - М.: Смысл; Издательский центр Академия, 2009.
4. Дикий И. С. Психофизиологические и психологические характеристики спортсменов с различным уровнем стрессоустойчивости / Р.: Ломоносов — 2007.
5. Караяни А. Г. Военная психология. В 2 ч. Часть 1.- М.: Издательство Юрайт, 2018.
6. Коноплева И. Н., Богданович Н. В. Детерминанты психологической готовности к применению оружия сотрудниками правоохранительных органов // Психологическая наука и образование, 2010
7. Ляшенко М. В. Аксиологические особенности смысловой сферы личности военнослужащих — женщин вузов МО РФ // Вестник московского университета. Серия 14. Психология, 2007.
8. Максименкова Л. И., Гучкова Т. Н. Опыт психологического сопровождения военнослужащих по призыву на начальном этапе службы // Мир науки. Педагогика и психология, 2023.
9. Михайлова О. Б., Медведева И. А. Ценностные ориентации как предикторы формирования и развития ответственности личности // Мир науки. Педагогика и психология, 2024.
10. Соколовский А. С., Иволгина О. И. Психологическая подготовка военнослужащих к условиям высокоинтенсивного общевойскового боя // 61-я научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР. — Минск, 2025.
11. Ткачев Р. Концептуальная модель мотивации военно-профессиональной деятельности офицеров ВВС России // Власть, 2012.
12. Тюлюпо С. В., Левицкая Т. Е., Тлеулина Т. С. Психология экстремальных ситуаций и состояний. — Томск : Томский государственный университет, 2016.

СОЦИОЛОГИЯ

Влияние цифровых технологий и социальных сетей на распространение волонтерских инициатив в молодёжной среде

Богдан Вероника Валерьевна, студент

Научный руководитель: Благорожева Жанна Олеговна, кандидат социологических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается влияние цифровых технологий и социальных сетей на распространение волонтерских инициатив в молодёжной среде. Актуальность темы обусловлена цифровой трансформацией общества и переходом молодёжи в онлайн-пространство как основную среду коммуникации и самореализации. Представлены результаты социологического опроса молодёжи г. Белгорода (N=100), проведённого с использованием квотной выборки. Выявлено, что социальные сети являются главным источником информации о волонтерстве (87 %), визуальный контент значительно повышает интерес к участию (89 %), а использование специализированных цифровых платформ коррелирует с регулярной волонтерской активностью (100 %). Подтверждена модель «воронки вовлечения»: онлайн-активность способствует реальному участию, но не гарантирует его. Сделан вывод о необходимости развития удобных цифровых платформ и визуального контента для повышения вовлечённости молодёжи.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальные сети, волонтерские инициативы, молодёжь, цифровое волонтерство, визуальный контент, воронка вовлечения.

The impact of digital technologies and social media on the spread of volunteer initiatives among young people

Bogdan Veronika Valeryevna, student

Scientific advisor: Blagorozheva Zhanna Olegovna, Ph.D. in sociology, senior lecturer
Belgorod State National Research University

This article examines the impact of digital technologies and social media on the spread of volunteer initiatives among young people. The topic is relevant given the digital transformation of society and the shift of young people to online spaces as their primary medium for communication and self-fulfillment. The article presents the results of a sociological survey of Belgorod youth (N=100), conducted using quota sampling. Social media was found to be the primary source of information about volunteering (87 %), visual content significantly increases interest in participation (89 %), and the use of specialized digital platforms correlates with regular volunteer activity (100 %). The «engagement funnel» model was confirmed: online activity facilitates, but does not guarantee, actual participation. It was concluded that the development of user-friendly digital platforms and visual content is essential to increase youth engagement.

Keywords: digital technologies, social networks, volunteer initiatives, youth, digital volunteering, visual content, engagement funnel.

Современная молодёжь воспринимает цифровое пространство как основной канал социальной коммуникации и самореализации. В условиях цифровизации существенно меняются формы участия молодых людей в общественной жизни, механизмы их вовлечения в добровольческую деятельность и способы организации волонтерских проектов. Социальные сети и цифровые платформы выступают не только каналами коммуникации, но и инструментами мобилизации, координации и популяризации волонтерского движения. Как отмечают исследователи, социальные сети оказывают значительное влияние на развитие социальной активности молодёжи, формируя ценностные установки и модели

поведения [1; 2; 3]. Однако остаётся недостаточно изученным, каким образом цифровые технологии влияют именно на распространение волонтерских инициатив и какие механизмы цифровой мобилизации наиболее эффективны.

Для изучения данной проблемы было проведено социологическое исследование в г. Белгороде (N=100, молодёжь 14–35 лет, квотная выборка по полу и роду занятий, онлайн-анкетирование). Полученные данные позволили проверить четыре основные гипотезы.

Первое, что выяснилось: основным источником информации о волонтерстве для молодёжи выступают социальные сети и мессенджеры (87 % респондентов). При этом личные рекомендации (друзья и знакомые) играют значительно меньшую роль (9 % для конкретных мероприятий). Это частично опровергает распространённое мнение о ключевой роли личных контактов: в цифровой среде молодые люди чаще полагаются на онлайн-каналы [4].

Второй важный результат: визуальный контент (фото, видео) значительно эффективнее текстовых постов. 89 % опрошенных отметили, что визуал повышает их интерес к волонтерским инициативам, а среди регулярно участвующих волонтеров этот показатель достигает 100 % (рис. 1). Это делает визуальные форматы (сторис, короткие видео) ключевым инструментом привлечения внимания [5].

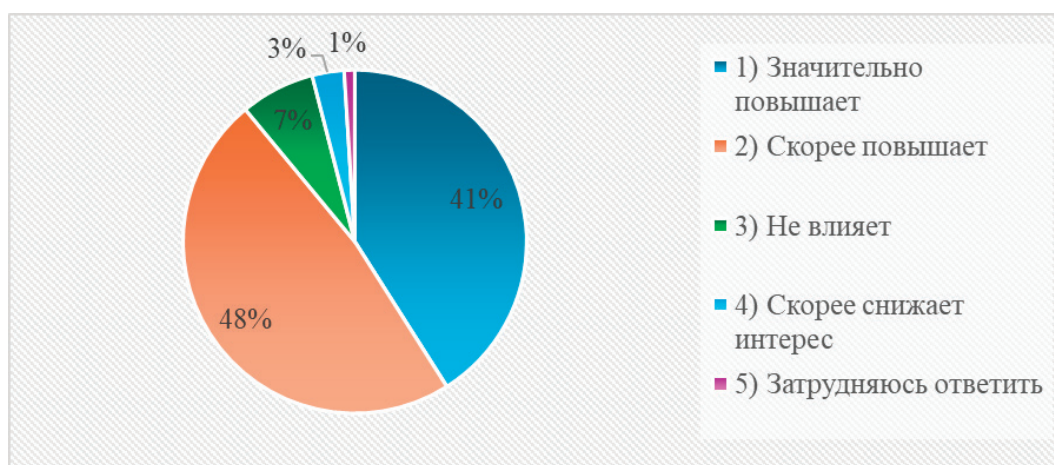

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Повышает ли визуальный контент (фото, видео) интерес к волонтерству?»

Третья гипотеза касалась «воронки вовлечения». Предполагалось, что онлайн-активность положительно коррелирует с реальным участием в волонтерстве, но не является его гарантией.

Результаты опроса показывают, что информация в интернете побуждает интерес к волонтерству у большинства молодых людей: 29 % ответили «да, неоднократно», 48 % — «иногда». Лишь 9 % указали, что интернет-контент никогда их не побуждал (рис. 2).

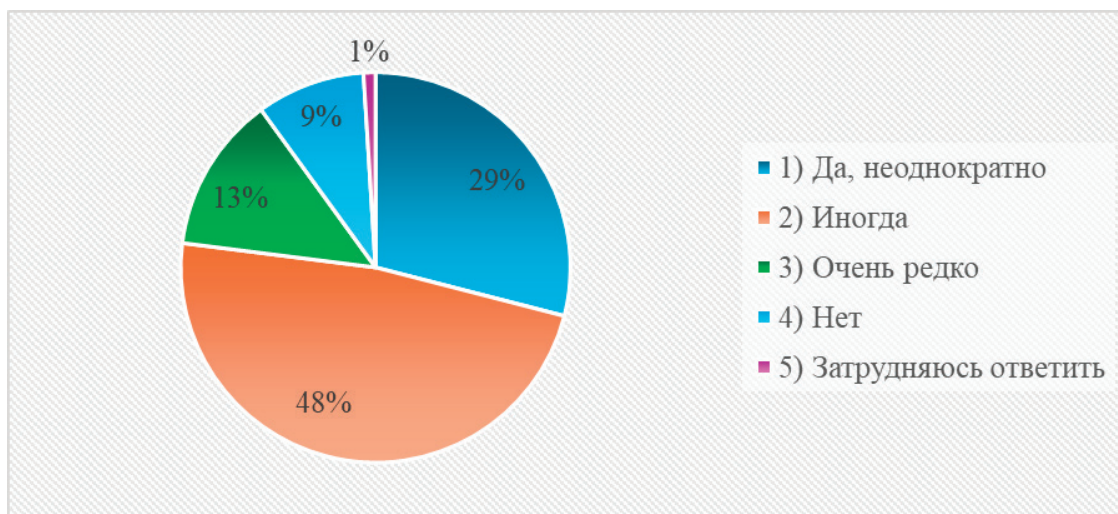

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Побуждала ли Вас информация в интернете интересоваться волонтерством?»

Однако переход от интереса к реальному действию происходит не у всех. Реальный опыт участия имеют 73 % опрошенных (29 % — регулярно, 23 % — иногда, 21 % — один раз), тогда как 18 % не участвуют и не планируют (рис. 3).

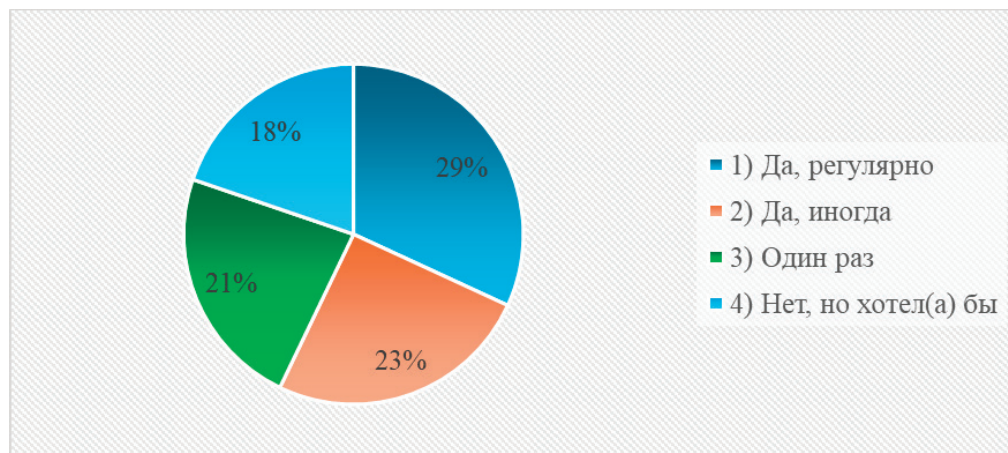

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Принимали ли Вы участие в волонёрской деятельности?»

Сопоставление рис. 1 и 2 позволяет проследить «воронку вовлечения»: от 77 % тех, кого интернет-информация побуждала интересоваться волонёрством, к 53 % реально участвовавших. При этом 18 % респондентов никогда не участвовали и не планируют, даже несмотря на наличие информации в сети. Это подтверждает, что онлайн-активность положительно коррелирует с реальным участием, но не является его гарантией — существует этап «отсева», что согласуется с понятием слактивизма [6].

Четвёртая гипотеза подтвердилась наиболее ярко: использование специализированных цифровых платформ для волонёров (например, «Добро.ru») повышает вероятность регулярного участия [5; 6]. Среди пользователей таких платформ 100 % участвуют в волонёрстве очень часто (несколько раз в месяц). Для сравнения: среди тех, кто узнаёт о волонёрстве через социальные сети, регулярно участвуют лишь 5,6 %. Более того, 91 % респондентов заявили, что стали бы участвовать чаще при наличии удобной цифровой платформы (рис. 4) [7].

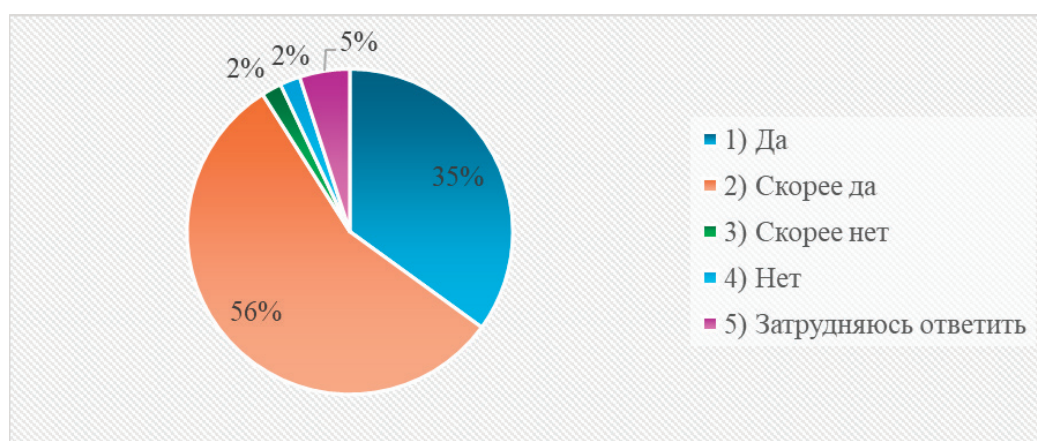

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Стали бы Вы чаще участвовать при наличии удобной цифровой платформы?»

Таким образом, цифровые технологии и социальные сети играют значительную роль в распространении волонёрских инициатив среди молодёжи [1; 2; 3; 4]. Главными факторами эффективности выступают: визуальный контент, присутствие в социальных сетях и мессенджерах, а также наличие удобных специализированных платформ [5; 6]. При этом сохраняется проблема «воронки отсева» — переход от онлайн-интереса к реальному действию происходит не у всех. Для повышения вовлечённости необходимо целенаправленно создавать чёткие цифровые навигаторы (где записаться, какие шаги сделать), использовать короткие эмоциональные видео и развивать платформы, которые снижают барьеры входа [7]. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании молодёжной политики и развитии цифровых сервисов добровольчества.

Литература:

1. Асеева, О. В. Влияние социальной сети интернет на развитие социальной активности молодежи / О. В. Асеева. — Текст: непосредственный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. — 2012. — Т. 19. — № 2. — С. 181–184.
2. Марокова, М. В. Роль социальных сетей в социализации молодежи / М. В. Марокова. — Текст: непосредственный // Система ценностей современного общества. — 2012. — № 22. — С. 258–263.
3. Сидоров, А. И. Социальные сети и их влияние на молодежь / А. И. Сидоров. — Текст: непосредственный // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 7/2. — С. 219.
4. Гарькина, О. В. Социальные сети как инструмент популяризации добровольчества в молодежной среде / О. В. Гарькина. — Текст: непосредственный // Научный результат. Социология и управление. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 88–101.
5. Киселев, А. А. Роль ИТ-платформ в координации волонтерских инициатив: кейс экосистемы «Добро.ru» / А. А. Киселев. — Текст: непосредственный // Информационное общество. — 2023. — № 4. — С. 45–53.
6. Мерсиянова, И. В. Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения / И. В. Мерсиянова, А. С. Брюхно. — Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 6. — С. 357–375.
7. Певная, М. В. Управление волонтерством: учебное пособие для вузов / М. В. Певная. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2023. — 162 с.

Современные технологии управления знаниями в организациях: сущность направления и развития

Волохов Александр Олегович, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматриваются современные технологии управления знаниями в организациях как стратегический ресурс и основной элемент формирования конкурентоспособности. Приводится анализ сущности и эволюции подходов к управлению знаниями, выделяются ключевые технологические и культурные аспекты этого направления. На основе отечественного и зарубежного опыта исследуются тенденции, инструменты и проблемы внедрения систем управления знаниями (СУЗ) в крупных корпорациях, таких как British Petroleum, Arthur Andersen, IBM, Hewlett-Packard, Nokia, а также в ведущих российских компаниях: «Газпром нефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Сбербанк», «Лаборатория Касперского» и др. Выделяются ключевые проблемы эффективного использования корпоративных знаний и предлагаются пути дальнейшего совершенствования систем управления знаниями. Рассматриваются перспективы развития направления в условиях цифровой трансформации и нестабильной внешней среды.

Ключевые слова: управление знаниями, корпоративная культура, интеллектуальный капитал, цифровизация, инновации, СУЗ, геймификация, обмен знаниями.

На рубеже XX и XXI веков информационные и коммуникационные технологии начали стремительно видоизменять структуру мировой экономики, что предопределило формирование так называемого общества знаний. Интеллектуальные ресурсы организаций, их способность аккумулировать, создавать, распространять и использовать знания превратились в самостоятельный стратегический фактор конкурентоспособности, зачастую определяющий успех бизнеса интенсивнее, чем материальные и финансовые ресурсы. Именно в ответ на вызовы времени в 1990-е годы складывается самостоятельное научное и прикладное направление — управление знаниями.

Современный рынок характеризуется постоянным ускорением темпов изменений, ростом конкуренции, не-

определённостью внешней среды и ограниченностью доступных ресурсов. В этих условиях решение задач требует не только обладания знаниями, но и эффективного их вовлечения в процессы управления. Профессор электронной коммерции и управления знаниями Йогеш Малхотра отмечает, что управление знаниями помогает не столько находить «правильные решения», сколько формулировать действительно важные и актуальные задачи для компании и находить оптимальные методы их решения.

Основная цель статьи — систематизировать современные технологии управления знаниями, охарактеризовать их сущность, выделить проблемные аспекты реализации, а также обозначить перспективные направления

совершенствования КМ как области управленческой деятельности.

Термин «управление знаниями» объединяет широкий спектр процессов: поиск, идентификация, накопление, структурирование, распространение, восстановление, актуализация и использование всех доступных информационных активов организации. Сюда входят формализованные инструменты (базы данных, документооборот, нормативно-правовые акты) и неформализованный опыт сотрудников, выраженный в компетенциях, навыках, личных историях успеха. Интеграция этих элементов образует интеллектуальный капитал предприятия [1, с. 5].

КМ предполагает одновременное развитие трёх компонентов: технологий, процессов и организационной культуры. Технологическая составляющая заключается в создании и совершенствовании корпоративных информационных систем, баз знаний, порталов и средств автоматизации труда. Процессная часть связана с оптимизацией методов поиска, хранения, тиражирования знаний, поддержкой их жизненного цикла, формализацией лучших практик. Организационная культура отражает степень доверия между работниками, готовность делиться знаниями, непрерывная мотивация к обучению и совершенствованию.

Классическую основу теории КМ составляет концепция SECI (Nonaka, Takeuchi, 1995), выделяющая четыре процесса преобразования знаний: социализация (передача неявных знаний в неявной форме), экстернализация (превращение неявных знаний в явные), комбинация (формализация и интеграция явных знаний), интернализация (усвоение явных знаний, интеграция в личный опыт).

Вместе с тем эмпирические исследования показывают, что только около 20 % имеющихся в компании знаний используется полноценно, а около 80 % остаются в виде неактуализированных или скрытых компетенций. Существенной проблемой становится создание условий для эффективного обмена знаниями, их тиражирования и вовлечения в процессы принятия решений.

Анализируя лучшие практики корпоративного управления знаниями, можно выделить ряд ключевых технологических и организационных инструментов, внедрённых крупнейшими мировыми компаниями. Рассмотрим их подробнее [2, с. 31].

Британская нефтегазовая компания British Petroleum (BP), один из пионеров системного подхода к КМ, выстроила свою СУЗ вокруг нескольких фокусных элементов: корпоративный банк знаний, стандартные инструменты и процессы для обработки информации, корпоративная поддерживающая среда, развитая система ролей и компетенций, а также сообщества практик. Практика BP наглядно демонстрирует эффективность мотивации сотрудников к участию в обмене знаниями, формирование устойчивой информационной инфраструктуры. Примером служит проект строительства АЗС в 11 европейских странах, где сквозной обмен знаниями с Bovis

позволил снизить затраты на 26 % благодаря внедрению лучших практик.

В американских корпорациях большой упор делается на цифровизацию обмена знаниями и коллективную работу в виртуальных пространствах. Так, в Arthur Andersen была создана комплексная система AANET, объединившая более 80 тысяч сотрудников по всему миру, позволив быстро и адресно находить релевантную профессиональную информацию, делиться лучшими разработками, вовлекать персонал в коллективное принятие решений. Аналогичные системы Knowledge Online работают в консалтинговых фирмах, предоставляя доступ к аналитике, сведениям о реализованных проектах, внутренним экспертам, а также интегрируя модули дистанционного обучения.

Компании Hewlett-Packard, Skandia, Dow Chemical используют собственные комплексные базы данных, объединяющие информацию не только о решениях и технологиях, но и о носителях знаний — конкретных сотрудниках, что облегчает поиск экспертов и формирование проектных команд. В компании Nokia внедрены системы мотивации за участие в распространении и передаче знаний, акцентировано внимание на формировании корпоративной культуры совместного развития и обмена лучшими решениями [3, с. 21].

Международный опыт демонстрирует важную тенденцию: СУЗ становятся все более ориентированы на выделение, распространение и поощрение динамических, неформализованных знаний — умений, навыков, креативных подходов. Большую роль приобретает организация «сообществ практик», где формируются устойчивые горизонтальные связи, реализуется наставничество и межфункциональное обучение.

В российских компаниях формирование систем КМ происходит с заметным временным лагом по сравнению с зарубежными фирмами, но отличительными чертами становятся адаптация технологий под отечественную специфику, ориентация на корпоративную культуру и преодоление психологических барьеров обмена знаниями.

Согласно исследованию, наибольшей популярностью в РФ пользуются корпоративные новостные порталы, внутренние консультанты, интернет-библиотеки и базы знаний, системы наставничества. Вместе с тем, одним из ключевых вызовов для отечественного корпоративного сектора остаётся низкий уровень доверия — всего 35–45 % организаций демонстрируют развитую культуру обмена знаниями, в то время как на Западе этот показатель нередко превышает 70 %. Исключением являются отдельные технологические и инновационные компании, такие как «Лаборатория Касперского», где данный показатель достигает 85–90 %.

Эффективные решения в российских условиях связаны с гибким сочетанием формализованных и неформализованных инструментов. Например, в компании «Газпром нефть» с 2016 года действует Система управления знаниями и инновациями (СУЗИ), в которую инте-

грированы порталы знаний, профессиональные форумы, геймифицированные механизмы вовлечения персонала, электронные базы знаний, сообщества практиков, а также институт наставничества и стимулирующие освещение успешных кейсов. Портал знаний стимулирует сотрудников заполнять профили, проходить онлайн-курсы, принимать участие в обсуждениях и экспертизах, что обеспечивает вовлечение и системный обмен опытом [4, с. 111].

В ПАО «Лукойл» корпоративная КМ-система объединила более 10 тыс. сотрудников в 240 экспертных сообществах и нацелена на передачу и генерацию нового опыта через совместную работу молодых специалистов с признанными корпоративными экспертами, поддержку инициатив в сфере развития профессиональных компетенций.

Системный подход к КМ продемонстрировал и ПАО «Сбербанк», где была внедрена централизованная база знаний для подразделения андеррайтинга, что позволило повысить скорость и технологичность обработки данных, обеспечить групповой доступ более чем 3000 сотрудников, свести к минимуму разрыв между разнородными источниками корпоративной информации. Помимо технологической платформы, важное значение имели стандартизация процессов передачи знаний, интеграция тематических форумов и платформ для обратной связи.

Современный этап развития КМ определяется несколькими глобальными трендами. Во-первых, интенсифицируется цифровизация всех процессов внутри организации, внедряются искусственный интеллект, элементы больших данных, машинного обучения и интеллектуальные поисковые системы, которые автоматизируют извлечение, структурирование и распространение знаний. Во-вторых, происходит интеграция КМ с системами управления человеческими ресурсами, корпоративными университетами, платформами непрерывного образования, что позволяет управлять карьерными треками, формировать индивидуальные образовательные маршруты и закрывать дефицит компетенций.

На передний план выходит геймификация: внедрение игровых механик (рейтинги, очки, миссии, конкурсы) способствуют вовлечению сотрудников в процессы самообучения, передачи знаний, повышению мотивации к участию в корпоративных инициативных проектах.

Особым направлением становится сохранение и актуализация знаний уходящих специалистов (пенсионеров): здесь развиваются программы наставничества, поддерживаются профессиональные сообщества, создаются базы компетенций, где собираются сведения не столько о реализованных решениях, сколько о носителях уникального опыта, их включении к консультированию действующих сотрудников [5, с. 33].

Среди важных вызовов для КМ можно выделить:

Психологический барьер и отсутствие мотивации к обмену знаниями;

Недостаточная развитость корпоративной культуры доверия;

Разрозненность информационных платформ и отсутствие единого информационного пространства;

Быстрое устаревание знаний в условиях динамичного рынка и технологических изменений;

Проблемы интеграции КМ с операционными и стратегическими бизнес-процессами.

Для российского бизнеса крайне актуальна задача формирования условий для открытости, учета разнородности профессионального опыта и разнотенерационного обмена знаниями. Новые поколения сотрудников требуют новых подходов к организации мотивирующей среды (геймификация, мобильность, визуальные и цифровые инструменты).

Векторы развития КМ тесно связаны с глобальной цифровой трансформацией. На передний план выходят искусственный интеллект, интеллектуальные поисковые системы, предиктивные и рекомендательные сервисы, формирующие персонализированные образовательные маршруты. Предполагается появление самообучающихся корпоративных информационных сетей, в которых не только фиксируются и распространяются знания, но и идентифицируются новые скрытые компетенции, прогнозируются тенденции и потребности бизнеса [6, с. 14].

Развивается парадигма управления корпоративной памятью, когда внимание акцентируется на воспроизводстве уникального опыта даже после ухода сотрудников, на интеграции знаний внешних источников (отраслевой аналитики) и на формировании сетей взаимодействия между организациями (открытые инновации).

Для повышения эффективности КМ требуется междисциплинарный подход, сочетающий возможности организационного развития, психологии труда, инновационного менеджмента, IT-архитектуры и корпоративного обучения. Системная поддержка КМ должна включать: топ-менеджмент, который понимает стратегическую ценность знаний; внедрение постоянной диагностики и обратной связи; формирование эффективных мотивационных систем (не только материальных, но и статусных, карьерных, общественных поощрений); развитие наставничества и работы экспертных сообществ; создание прозрачных и удобных для пользователей цифровых платформ.

Важной задачей становится оценка отдачи от СУЗ: разработка КРП и метрик, позволяющих количественно и качественно фиксировать прирост интеллектуального капитала, ускорение инновационного цикла, снижение потерь при повторении решений, повышение удовлетворенности клиентов и доверия внутри коллектива.

Управление знаниями становится неотъемлемой частью современного стратегического управления организацией. КМ обеспечивает высокий уровень гибкости, инновационности, способность оперативно и обоснованно реагировать на вызовы внешней среды, минимизируя риски и формируя устойчивое конкурентное преимуще-

ство. Выраженное преимущество имеют структуры, способные интегрировать формальные и неформальные знания, преобразовывать индивидуальный опыт в коллективный интеллектуальный капитал [7, с. 12].

Сегодняшние СУЗ эволюционируют в сторону создания динамических, пользовательски-ориентированных и взаимосвязанных цифровых экосистем, которые не только поддерживают знания, но и стимулируют совместное творчество, обучение, наставничество, формирование корпоративного доверия. Будущее управления знаниями — это интеграция возможностей цифровой

экономики, искусственного интеллекта, геймификации и многоуровневой мотивации в целях максимального раскрытия и применения человеческого потенциала организаций.

Таким образом, для компаний, ориентированных на долгосрочное развитие, стратегической задачей становится внедрение и постоянное совершенствование СУЗ как ядра корпоративной инновационной экосистемы. Успех будет определяться не столько объемом наличных знаний, сколько скоростью и качеством их генерации, адаптации и передачи от одних сотрудников к другим.

Литература:

1. Володькина М. С. Современное состояние и тенденции развития концепции управления знаниями // Огарёв-Online. 2021. № 8 (161). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/sovremennoe-sostoyanie-i-tendencii-razvitiya-koncepcii-upravleniya-znaniyami> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Жернов Е. Е. Цель и средство управления знаниями: перевод неформализованных знаний в знания формализованные // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 1 (27). С. 63–73. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-63-73>.
3. Пастухов А. Л. Управление знаниями в системе формирования человеческого капитала // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2016. № 1 (35). С. 62–66.
4. Полани М. Личностное знание. М., 1985. 344 с.
5. Семина Н. Г. Внедрение новых информационных технологий для системы управления знаниями // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 5 (74). С. 110–114.
6. Шарова К. И. Мировые тенденции управления знаниями в контексте становления постиндустриального общества // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. Экономика и управление. 2021. № 13. С. 25–28.
7. Anshari, M., Syafrudin M., Fitriyani N. L. Fourth Industrial Revolution between Knowledge Management and Digital Humanities // Information. 2022. Vol. 13, iss. 6. С. 292. <https://doi.org/10.3390/info13060292>.
8. Репкина О. Б. Профессиональная мобильность и особенности функционирования отечественного рынка труда в условиях санкций// Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2026. Т. 25. № 1. С. 64–69.

Социальные сети и цифровые платформы как фактор социализации и формирования общественного мнения в России

Сердюк Артём Алексеевич

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Головин Максим Дмитриевич

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Научный руководитель: Галка Надежда Анатольевна

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Аннотация. В статье рассматривается роль социальных сетей и цифровых платформ в процессах социализации личности и формирования общественного мнения в современной России. Показано, что цифровая среда стала не только каналом коммуникации, но и самостоятельным пространством усвоения норм, ценностей, моделей поведения и гражданских установок. Особое внимание уделяется российской специфике: высокой вовлеченности населения в интернет-коммуникацию, росту влияния мессенджеров и платформенных алгоритмов, а также рискам фрагментации общественного мнения, распространения недостоверной информации и усиления цифрового неравенства.

Ключевые слова. социализация, общественное мнение, социальные сети, цифровые платформы, медиапотребление, Россия, цифровая среда.

Social networks and digital platforms as a factor of socialization and public opinion formation in Russia

Abstract. The article analyzes the role of social networks and digital platforms in the processes of personal socialization and public opinion formation in modern Russia. The paper shows that the digital environment has become not only a communication channel, but also an independent space for the assimilation of social norms, values, behavioral models and civic attitudes. Special attention is paid to the Russian context, including the growing importance of messengers, platform algorithms, risks of misinformation and digital inequality.

Keywords. socialization, public opinion, social networks, digital platforms, media consumption, Russia, digital environment.

В российском обществе социальные сети и цифровые платформы давно перестали быть второстепенным элементом досуга. Они стали частью повседневной жизни — через них общаются, учатся, читают новости, участвуют в общественной жизни. Раньше социализация шла в основном через семью, школу, коллектив на работе и СМИ. Сейчас же значительная часть социальных норм и представлений усваивается через цифровую среду. Человек не просто читает ленту или смотрит видео — он вступает в обсуждения, публикует что-то своё, следит за реакцией аудитории и постепенно подстраивает поведение под правила платформы и ожидания онлайн-сообщества [1,2].

Если говорить о классическом понимании, социализация — это процесс вхождения человека в систему общественных отношений, усвоения ролей, норм и ценностей. С приходом цифровизации этот процесс никуда не делся, но заметно изменил форму. Социальные сети становятся своеобразной средой вторичной социализации, где человек учится выражать позицию, выбирать стиль общения, реагировать на общественные события, отличать допустимое от недопустимого. Ярче всего это проявляется у молодёжи, для которой интернет — не внешний инструмент, а естественная часть жизненного мира. По данным ВЦИОМ, молодые россияне всё чаще переносят общение в цифровую плоскость: онлайн-взаимодействие для многих становится более привычным, чем личные встречи [5].

Российский контекст здесь особый: цифровые платформы развиваются не в пустом социальном пространстве, а при сильной роли государства, меняющемся медиарынке и одновременном сохранении значимости традиционных СМИ. Общественное мнение в России формируется под влиянием нескольких каналов: телевидения, новостных сайтов, мессенджеров, блогов и соцсетей. Границы между этими каналами тем временем размываются. Новость, появившаяся в официальном СМИ, быстро переходит в Telegram-каналы, обсуждается во «ВКонтакте», пересказывается в коротких видео и превращается в предмет повседневных разговоров. Цифровая среда не подменяет собой общество, а становится его продолжением и катализатором [6,8].

Одна из главных функций соцсетей как агента социализации — передача норм повседневного поведения.

Через цифровые платформы человек усваивает, как принято реагировать на события, какие темы считаются значимыми, какие формы общения получают одобрение, а какие вызывают осуждение. Лайки, репосты, комментарии и подписки фактически работают как система поощрения и наказания. Каждый видит, какие высказывания собирают одобрение, а какие — критику или молчание. Так цифровая среда формирует не одни лишь информационные предпочтения, но и социальные привычки: скорость реакции, стиль аргументации, отношение к авторитетам, готовность участвовать в дискуссии или, наоборот, избегать публичного выражения мнения [1,3].

Сильнее всего влияние платформ ощущается среди молодёжи и студентов. Для них социальные сети выступают одновременно пространством общения, самообразования, развлечения и поиска идентичности. Молодой человек может принадлежать сразу к нескольким онлайн-сообществам: учебным чатам, фанатским пабликам, профессиональным группам и т. д. В каждом таком пространстве действуют собственные нормы речи, юмора, допустимых тем и форм поддержки. Цифровая социализация оттого и становится множественной: человек учится переключаться между разными социальными ролями и аудиториями. Конечно, это расширяет социальный опыт. Но есть и обратная сторона — риск поверхностной идентичности, когда человек ориентируется скорее на реакцию аудитории, чем на собственные убеждения [2,5].

Социальные сети — ещё и заметный фактор в формировании общественного мнения. Под общественным мнением обычно понимают устойчивое отношение разных социальных групп к значимым событиям и проблемам. В цифровой среде оно формируется быстрее, чем в традиционных каналах коммуникации, потому что пользователи получают информацию и тут же комментируют, оценивают и распространяют её. Платформы позволяют увидеть видимость массовой реакции: количество просмотров, лайков, комментариев, репостов. Но эта картинка не всегда отражает реальное мнение большинства. Активное меньшинство способно создать иллюзию всеобщей поддержки или недовольства, а молчаливое большинство при этом остаётся незаметным [3,4].

Этот эффект заметно поддерживают сами алгоритмы платформ. Обычно человек видит в ленте то, на что он уже реагировал: похожие новости, похожие мнения, по-

хожие темы. С одной стороны, это удобно, потому что нужная информация появляется быстрее и не приходится долго искать материалы. С другой стороны, такая лента постепенно замыкает пользователя в привычном круге взглядов. Он чаще сталкивается с тем, с чем уже согласен, и может начать воспринимать это как единственно нормальную позицию. Для России это важно не только в теории, потому что вопросы доверия, согласия в обществе и отношения к государственным институтам здесь постоянно обсуждаются. Поэтому цифровые платформы могут помогать диалогу, но при другом развитии ситуации они же усиливают споры и разделение людей [4,6].

По данным Mediascope, интернет в России уже стал действительно массовой средой: месячная аудитория измеряется десятками миллионов человек, и заметная часть времени в сети уходит именно на соцмедиа [8]. Поэтому соцсети уже не совсем правильно называть только молодёжной темой. Ими пользуются разные поколения, просто делают это по-разному. Молодёжь чаще заходит туда для общения, самовыражения и развлечения, люди среднего возраста часто используют платформы для новостей, работы и полезной информации, а старшее поколение во многих случаях ограничивается мессенджерами. В итоге цифровая социализация касается не только подростков или студентов. Она затрагивает и работу, и семью, и гражданскую позицию человека на протяжении жизни [7,8].

Но влияние цифровой среды на общественное мнение не ограничивается распространением новостей. Платформы задают эмоциональный режим восприятия событий. Короткие сообщения, мемы, видео, заголовки и комментарии часто воздействуют быстрее, чем аналитические тексты. Пользователь может сформировать отношение к событию ещё до того, как подробно разберётся в фактах. Эмоциональная насыщенность цифровой коммуникации делает общественное мнение более подвижным, но и более уязвимым. На этом фоне растёт значение медиаграмотности: умения проверять источники, различать факт и оценку, понимать интересы автора сообщения, не подменять аргументацию количеством лайков или репостов [4,6].

Важна и проблема доверия. В традиционной модели массовой коммуникации источниками доверия выступали известные СМИ, эксперты, государственные институты, образовательные организации. В социальных сетях доверие часто персонализируется: пользователь верит не абстрактному изданию, а конкретному блогеру, автору канала, знакомому человеку или лидеру мнений. Это меняет структуру общественного влияния. Лидер мнений может не иметь официального статуса, но обладать большой аудиторией и способностью задавать повестку. В России это хорошо видно по росту Telegram-каналов, городских пабликов и профессиональных блогов [6,9].

Цифровые платформы ещё и объединяют людей. Те, у кого общие интересы, могут найти друг друга независимо от того, где они живут и сколько им лет. В большой стране с заметными региональными различиями это осо-

бенно ценно. Онлайн-сообщества помогают студентам обмениваться учебными материалами, жителям городов — обсуждать локальные проблемы, а специалистам — объединяться вокруг профессиональных задач. Так что социальные сети в какой-то мере укрепляют горизонтальные связи, а это важный ресурс для гражданского общества [2,7].

Риски у цифровой среды тоже вполне реальные. Во-первых, информация распространяется очень быстро, и проверка фактов часто не успевает за репостами. Поэтому недостоверные сообщения могут разойтись по чатам и пабликам раньше, чем появится нормальное опровержение. Во-вторых, анонимность и расстояние между людьми иногда делают общение грубее: человек пишет то, что в личном разговоре, возможно, не сказал бы. Есть и зависимость от правил платформы и алгоритмов, которые обычный пользователь почти не видит и тем более не контролирует. Отдельно остаётся цифровое неравенство: у разных людей разный интернет, разные навыки и разная возможность спокойно проверить информацию, а не просто поверить первому сообщению в ленте [7,9].

В российском законодательстве часть этих проблем уже отражена через регулирование информационной среды. Например, закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» задаёт общие правила для работы с информацией: как её можно искать, распространять и в каких случаях доступ к ней может ограничиваться по федеральному закону [9]. Отдельные изменения, связанные с социальными сетями, сделали более заметной ответственность владельцев платформ за запрещённый контент и за ограничение доступа к таким материалам [10]. То есть соцсети сейчас воспринимаются не просто как сайты для общения. По сути, это уже часть общественной коммуникации, поэтому государство старается регулировать их как значимую информационную среду.

В образовании соцсети и цифровые платформы тоже могут приносить пользу. Учебные группы, каналы с лекциями, онлайн-курсы и обычные чаты помогают быстрее обмениваться материалами и находить нужную информацию. Для студентов это удобно, потому что часть обучения фактически переносится в привычную цифровую среду. Но одного доступа к интернету недостаточно. Важно ещё понимать, как проверять источники, как нормально спорить в обсуждениях и как не выкладывать лишние персональные данные. Без таких навыков цифровая среда может не развивать самостоятельность, а, наоборот, привязывать человека к случайной повестке и к чужому одобрению [5,7].

Если заглянуть в ближайшее будущее, можно предположить, что влияние соцсетей продолжит расти по нескольким направлениям. Мессенджеры станут пространством и личного общения, и новостного потребления. Вырастет значение короткого видео и визуального контента, который быстрее воздействует на эмоции и установки. Усилится роль искусственного интеллекта и ре-

комендательных систем, способных персонализировать информационную повестку. Государственные, образовательные и общественные институты будут вынуждены активнее присутствовать в цифровой среде, потому что именно там складывается значительная часть представлений о социальных проблемах и путях их решения [8,11].

Итак, социальные сети и цифровые платформы в современной России — одновременно агент социализации, канал общественной коммуникации и механизм формирования общественного мнения. И их роль здесь неоднозначна. С одной стороны, расширяются возможности для общения, самообразования и участия в общественной жизни. С другой — есть реальные риски: поверхностное восприятие информации, поляризация, манипуляции вниманием. Главная задача общества — не отказываться

от цифровых платформ, а учиться пользоваться цифровой средой ответственно, критически и осознанно. Для России это особенно важно, поскольку цифровые коммуникации уже стали частью повседневной жизни, образования, политики, экономики и гражданской активности.

В целом социализация в цифровую эпоху — это поиск баланса между свободой коммуникации и социальной ответственностью. Человеку важно уметь пользоваться платформами не просто как потребителю контента, а как активному участнику общественной жизни. И тут многое зависит от образовательных организаций, семьи и самих платформ — именно они могут развивать медиаграмотность и критическое мышление. Тогда соцсети будут работать не на разобщение, а на укрепление общественных связей [1,5,6].

Литература:

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для вузов. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2018. — 363 с.
2. Кон И. С. Социология личности. — Москва: Политиздат, 1967. — 383 с.
3. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество: введение в теорию и исследования. — Москва: URSS, 2010. — 360 с.
4. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. — 656 с.
5. ВЦИОМ. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи: аналитический обзор. — 24.06.2025. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi>
6. ФОМ. Социальные сети: тематическая подборка результатов опросов общественного мнения. — URL: <https://fom.ru/tag/Sotsialnye-seti>
7. Росстат. Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, 2024 год: открытые данные. — URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-IKT-twenty-twenty-four>
8. Mediascope. Аудитория интернета: презентация, 2025. — URL: https://mediascope.net/upload/iblock/539/zgazi40m8k99k5nfm21x50rfx31xdui4/%D0%9D%D0%A0%D0%A4_Mediascope_%D0%90%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0.pdf
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
10. Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»». — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300062>
11. Минцифры России. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». — URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva>

Роль молодежных объединений и движений в формировании общественных стратегий молодежи

Лутай Максим Алексеевич, студент

Научный руководитель: Благорожева Жанна Олеговна, кандидат социологических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В научной статье рассматривается роль молодежных объединений и движений в формировании общественных стратегий современной городской молодежи. Данная тема является важной областью исследования, поскольку в условиях ценностной неопределенности и цифровизации именно эти объединения выступают ключевым институтом социализации.

зации, однако их реальное влияние на жизненные стратегии молодежи изучено недостаточно. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в г. Белгороде. Исходя из полученных данных, автор определяет, что большинство молодежи имеет низкий уровень общественной активности.

Ключевые слова: молодежные объединения и движения, общественные стратегии молодежи, социализация, гражданско-патриотические объединения, волонтерство.

Введение. В условиях ценностной неопределенности и цифровизации именно молодежные объединения выступают важнейшим институтом социализации молодого поколения [1]. Государство создает разветвленную сеть организаций (от «Движения Первых» до волонтерских корпусов), однако формальное присутствие объединений не всегда тождественно их реальному влиянию на жизненные стратегии молодежи [2].

Молодежь все чаще демонстрирует низкую вовлеченность в институционализированные формы активности, предпочитая неформальные и цифровые форматы самоорганизации. По данным исследований, лишь около 20 % молодежи системно вовлечены в деятельность официальных объединений, остальные либо пассивны, либо действуют вне институционального поля.

Изучение механизмов влияния молодежных объединений на общественные стратегии необходимо для диагностики реальной эффективности этих институтов. Если молодые люди не видят пользы от участия, они уходят в альтернативные — часто деструктивные или аполитичные — формы коммуникации. Это ведет к снижению общественного потенциала региона и росту социальной апатии.

Основная часть. Проблематика молодежных объединений и их влияния на формирование общественных стратегий молодежи имеет давнюю традицию изучения в отечественной и зарубежной науке. У истоков отечественной социологии молодежи стоял М. М. Ковалевский, обосновавший необходимость перехода от традиционного воспитания к «руководству возрастающим поколениям» [3]. Фундаментальные основы современной науки о молодежи заложил И. М. Ильинский, разработавший гуманистическую концепцию молодежной политики [4]. Он обосновал выделение двух видов молодежной политики — государственной и общественной, что напрямую связано с темой влияния молодежных объединений. Проблемы социализации молодежи проанализированы в работах А. И. Ковалевой, обосновавшей концепцию социальных траекторий [5]. Традиции изучения молодежи продолжают Ю. А. Зубок, исследующая самоорганизацию молодежи, а также Ю. Р. Вишневский, анализирующий проблемы молодежи в контексте молодежной политики [6].

Таким образом, тема данного учебного исследования имеет прочную теоретическую базу. Вместе с тем, комплексных эмпирических исследований, непосредственно связывающих тип участия в молодежных объединениях с формированием конкретных общественных стратегий городской молодежи, на сегодняшний день недостаточно, что обуславливает актуальность данной работы.

В целях изучения данного учебного исследования был проведен анкетный опрос среди населения города Белгорода в количестве 100 человек по вопросам молодежных движений и общественных стратегий. Анализ эмпирических данных представлен в логике решения поставленных задач.

Полученные ответы данного исследования дают нам понять, участвуют ли респонденты в деятельности какого-либо молодежного объединения. Результаты опроса показывают, что большая часть опрошенных (34,3 %) активно участвуют, являются членами молодежных объединений. Иногда участвуют 32,4 % опрошенных. В течении последних 5 лет участвовали 25,5 % опрошенных. 7,8 % респондентов никогда не участвовали в молодежных объединениях. Это дает понять, что молодежь активно включается в молодежные объединения и становится их членами (см. диаграмму на рис. 1).

При определении вида деятельности объединения, где респонденты участвуют в наибольшей степени, большинство (41,2 %) проголосовали за научные и учебные объединения. В профессиональных, карьерных и патриотических, историко-патриотических объединениях участвуют 32,4 % и 30,4 % респондентов. 26,5 % опрошенных участвуют в спортивных и туристических объединениях. Волонтерские и творческие объединения разделились по 22,5 % и 21,6 %. В политических объединениях участвуют 14,7 % респондентов. Низкая составляющая у экологических (10,8 %), религиозных (2,9 %) и клубах по интересам (2 %). Скорее всего это связано с тем, что молодежь стремится построить карьеру и под это выбирает объединения (см. диаграмму на рис. 2).

В ходе проведенного исследования была выдвинута гипотеза, предполагающая, что молодежь, активно вовлеченная в деятельность объединений гражданско-патриотической и волонтерской направленности, демонстрирует более высокий уровень сформированности долгосрочных общественных стратегий, ориентированных на общественное благо и профессиональную самореализацию в публичной сфере, по сравнению с молодыми людьми, не состоящими в подобных объединениях. Результаты анализа подтвердили эту гипотезу. Согласно полученным данным, эти объединения демонстрируют высокий уровень сформированности общественных стратегий (43,5 % и 30 %). (см. Таблицу 1).

В процессе учебного исследования была предложена еще одна гипотеза, согласно которой молодежь старше 30 лет реже участвует в мероприятиях или активностях объединений. Используя анализ данных, эта гипотеза получила подтверждение. Молодежь старше 30 лет участ-

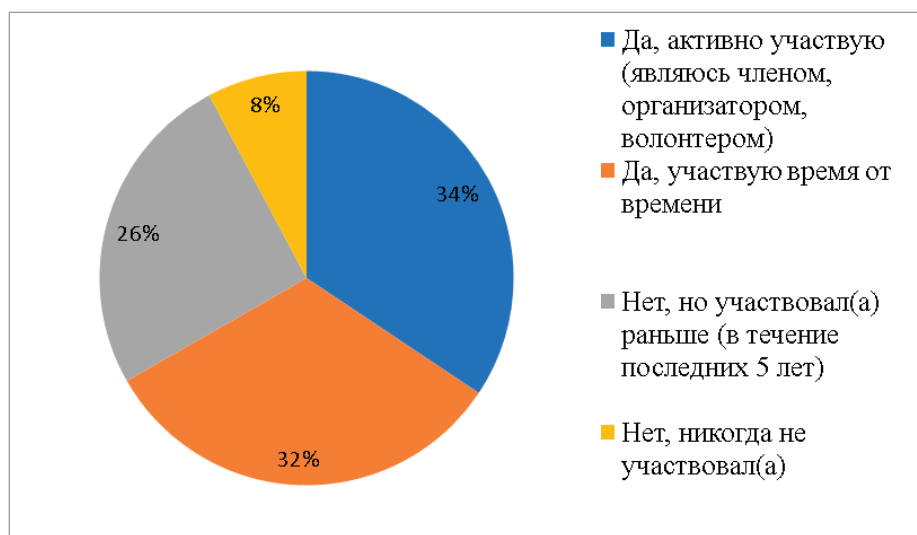

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Участвуете ли Вы в настоящее время в деятельности какого-либо молодежного объединения / движения / сообщества?»

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В деятельности какого типа объединения Вы участвуете в наибольшей степени?»

вует реже в таких мероприятиях (24,1 %) по сравнению с группой «25–29 лет», где наблюдается 50 % участия (Таблица 2).

Таким образом, было проведено исследование о роли молодежных объединений и движений в общественных стратегиях молодежи. В ходе исследования были подтверждены гипотезы:

1) Молодежь, активно вовлеченная в деятельность объединений гражданско-патриотической и волонтерской направленности, демонстрирует более высокий уровень сформированности долгосрочных общественных стратегий, ориентированных на общественное благо и профессиональную самореализацию в публичной

сфере, по сравнению с молодыми людьми, не состоящими в подобных объединениях.

2) Молодежь старше 30 лет реже участвует в мероприятиях или активностях объединений.

Заключение. Молодежные объединения и движения играют важную роль в формировании общественных стратегий современной городской молодежи. Несмотря на определенные проблемы и барьеры (низкая информированность, бюрократизированность, отсутствие видимой пользы для карьеры), молодежные объединения остаются значимым институтом социализации и развития социального капитала молодых людей. Однако для того, чтобы повысить вовлеченность молодежи и усилить влияние объ-

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свою общественную активность в целом?» в зависимости от типа объединения

В деятельности какого типа объединения Вы участвуете в наибольшей степени? (Выберите не более 2-х вариантов)					
	ИТОГО				
Клуб по интересам (киберспорт, аниме, историческая реконструкция и др.)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Религиозное / духовно-просветительское	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Экологическое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Политическое / общественно-политическое	26,7	26,7	46,7	0,0	100,0
Спортивное / туристическое	19,2	19,2	57,7	3,8	100,0
Творческое / культурное (театр, музыка, танцы, медиа)	9,5	28,6	57,1	4,8	100,0
Научное / учебное (научные общества, студсовет)	12,2	26,8	46,3	14,6	100,0
Профессиональное / карьерное (клубы, сообщества по специальности)	21,2	27,3	42,4	9,1	100,0
Патриотическое / историко-патриотическое	30,0	26,7	26,7	16,7	100,0
Волонтерское / благотворительное	43,5	21,7	21,7	13,0	100,0
Как Вы оцениваете свою общественную активность в целом?	Я активно участвую в разных мероприятиях, инициативах, проектах	Скорее участвую, но нерегулярно	Скорее не участвую, предпочитаю наблюдать	Совсем не участвую, это мне неинтересно	ИТОГО:
	22,4	24,5	42,9	10,2	100,0

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы обычно участвуете в мероприятиях или активностях этого объединения?» в зависимости от возраста

Как часто Вы обычно участвуете в мероприятиях или активностях этого объединения?	Ваш возраст (выберите подходящую группу):				
	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	ИТОГО:
1–2 раза в неделю	61,5	48,0	50,0	24,1	45,0
5–6 раз в месяц	23,1	40,0	45,0	51,7	40,0
2–3 раза в месяц	11,5	8,0	5,0	17,2	11,0
1 раз в месяц	3,8	4,0	0,0	6,9	4,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

единений на формирование общественных стратегий, необходимо больше внимания уделять запросам самой молодежи, ее мотивам и ожиданиям.

При проведении исследования основные гипотезы, касающиеся роли молодежных объединений в формировании общественных стратегий, были подтверждены: активно вовлеченная в гражданско-патриотические и волонтерские объединения молодежь демонстрирует более

высокий уровень общественных стратегий; молодежь старше 30 лет участвует в активности объединений реже.

Данное исследование является важным вкладом в изучение проблемы влияния молодежных объединений на общественные стратегии молодежи и может послужить основой для разработки конкретных мер по повышению эффективности молодежной политики в г. Белгороде и Белгородской области.

Литература:

1. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006. — 272 с.
2. Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 768–792.
3. Вишневский Ю. Р., Чевтаева Н. Г., Нархов Д. Ю. Идеи М. М. Ковалевского о воспитании и обучении молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 315–326.
4. Ильинский И. М. Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация / Послел. Вал. А. Лукова. — М.: Терра, 2016. — 672 с.
5. Ковалева, А. И. Траектории социализации: монография / А. И. Ковалева, В. В. Богданова. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2012. — 184 с.
6. II Лисовские чтения в Санкт-Петербурге // Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, 21.12.2018.

Интеграция глухих людей в политическую жизнь: проблемы и перспективы

Селезнев Пересвет Святославич, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматривается проблема политического участия граждан с нарушениями слуха. Выявлены основные барьеры, затрудняющие включение глухих в политические процессы: недоступность политической информации, коммуникативная изолированность, особенности социализации в условиях сенсорной депривации и др. Проанализирована роль сообщества глухих как возможного субъекта политической активности. Описаны формы участия в политике, доступные глухим гражданам.

Ключевые слова: глухие, нарушения слуха, политическое участие, жестовый язык, социальная интеграция, политическая социализация.

Integration of deaf people into political life: problems and prospects

The article examines the problem of political participation of citizens with hearing impairments. The main barriers that hinder the inclusion of deaf people in political processes are identified: inaccessibility of political information, communicative isolation, and

specifics of socialization under conditions of sensory deprivation. The role of the deaf community as a potential subject of political activity is analyzed. The forms of political participation actually available to deaf citizens are described.

Keywords: *deaf, hearing impairment, political participation, sign language, social integration, political socialization.*

Участие граждан в политической жизни является одним из признаков демократического общества. Через различные формы политической активности человек получает возможность воздействовать на решения, которые затрагивают его интересы. Однако для отдельных социальных групп участие оказывается затруднено, не в силу формальных запретов, а по причине структурных особенностей функционирования политических институтов.

Глухие люди представляют особую социальную группу. Их специфика определяется не только сенсорным нарушением, но и принадлежностью к особой языковой общности. Жестовый язык является полноценной лингвистической системой с собственной грамматикой, для части глухих он выступает первым, основным средством коммуникации. Рассматриваемое обстоятельство создаёт дистанцию между глухими гражданами и политической сферой, которая выстроена под потребности слышащего большинства.

Уровень развития общества определяется не только экономическими показателями, но и отношением к людям с инвалидностью. На разных этапах истории критерии оценки человеческой полноценности различались, что отражало состояние производительных сил, культуру общественного сознания. Применительно к политической сфере означает то, что подлинная демократия проверяется не декларациями о равенстве, а реальными возможностями участия всех граждан в формировании политической повестки.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена противоречием между провозглашённым равенством политических прав, фактическим положением глухих в политической сфере [2]. Формально их избирательные права ничем не ограничены, однако показатели политической активности данной группы заметно ниже средних по населению, что указывает на существование латентных барьеров [1].

В мире, по данным World Health Organization, более 430 млн человек имеют инвалидизирующие нарушения слуха, а к 2050 году их число может превысить 700 млн. При этом исследования в странах Европы, Северной Америки показывают, что уровень политической вовлечённости глухих граждан ниже среднего: участие в выборах среди людей с тяжёлыми нарушениями слуха в ряде государств на 10–20 % ниже, чем среди слышащего населения. Только около 30–40 % национальных телеканалов в странах ЕС обеспечивают регулярный сурдоперевод политических дебатов, обращений властей. В США, по данным Национальной ассоциации глухих, свыше 70 % глухих респондентов сталкивались с трудностями получения политической информации из-за отсутствия перевода на жестовый язык.

В России, согласно данным Всероссийское общество глухих, проживает около 13 млн человек с нарушениями слуха, из них примерно 300 тыс. являются носителями русского жестового языка. При этом только незначительная часть политического контента федеральных СМИ сопровождается полноценным сурдопереводом, а специализированные исследования фиксируют низкий уровень политической активности глухих граждан. По данным опросов, более 60 % глухих россиян получают информацию о политике преимущественно через знакомых и социальные сети, а не через официальные каналы [4].

Для социологического анализа политического участия глухих продуктивно обращение к нескольким концептуальным рамкам. Теория политической социализации позволяет проследить, каким образом у представителей данной группы формируются политические установки, поведенческие паттерны. Концепция социального исключения помогает рассмотреть структурные способы отторжения глухих от политической жизни. Культурологический подход к глухоте сосредотачивает внимание на том, что глухие являются носителями особой субкультуры, а не просто людьми с медицинским дефектом.

Понятие «сообщество глухих» отражает не медицинскую категоризацию, а социокультурную принадлежность. Члены данного сообщества объединены общим языком, общими практиками повседневной жизни, коллективным опытом взаимодействия со слышащими. Подобная групповая идентичность теоретически способна служить основой для коллективного политического действия, однако она же может усиливать дистанцирование от политических институтов большинства. Эмпирическую базу исследования составили данные социологических опросов, материалы экспертных интервью с представителями организаций глухих, результаты наблюдений за практиками коммуникации внутри сообщества.

Основным препятствием для участия глухих в политической жизни выступает коммуникативная недоступность политического дискурса. Политическая коммуникация осуществляется преимущественно посредством устной и письменной речи, что создаёт затруднения для лиц, использующих жестовый язык в качестве основного средства общения.

Телевизионные политические дебаты, предвыборные выступления кандидатов, заседания органов власти лишь эпизодически сопровождаются переводом на жестовый язык. При этом качество перевода достаточно часто не позволяет передать оттенки политической аргументации, риторические приёмы ораторов, эмоциональные акценты выступлений. Переводчик вынужден на ходу изменять сложные политические термины, для которых в жестовой

лексике отсутствуют устоявшиеся соответствия, что неизбежно ведёт к смысловым потерям и упрощениям [3].

Ограниченный доступ к политической информации влияет на формирование политических взглядов глухих людей. Дефицит сведений о политических процессах, деятельности партий, кандидатов сужает информационную базу для принятия электоральных решений.

В условиях информационного дефицита возрастает роль межличностной коммуникации внутри сообщества глухих. Политические предпочтения формируются под влиянием мнений членов сообщества: руководителей организаций глухих, преподавателей специализированных учебных заведений, родственников. Данная опосредованность политической информации создаёт предпосылки для её искажения, упрощения.

Специализированные информационные ресурсы для глухих, включая печатные издания, видеоканалы на жестовом языке, уделяют политической тематике ограниченное внимание. Их содержание сосредоточено преимущественно на вопросах, непосредственно касающихся жизни сообщества: социальная поддержка, образование, трудоустройство. Политическая повестка остаётся на периферии информационного поля, а политика редуцируется до проблематики инвалидности [5].

Традиционная трактовка глухоты как дефекта, отклонения от нормы передает сообщение о неполноценности глухих людей, их неспособности к полноценному участию в общественной жизни и т. д. Подобные установки, усвоенные с детства, формируют заниженную самооценку, сниженный уровень притязаний.

Политическая социализация глухих людей отличается рядом особенностей, обусловленных спецификой их жизненного опыта. Первичная социализация в семье для глухих детей слышащих родителей, а таковых подавляющее большинство (около девяноста процентов), протекает в условиях коммуникативного разрыва. Родители, не владеющие жестовым языком, испытывают затруднения в передаче сложных социальных, политических понятий ребёнку.

Система образования глухих традиционно была сосредоточена на развитии речевых навыков, профессиональной подготовке, уделяя ограниченное внимание формированию гражданских компетенций [5]. Политическое просвещение в специализированных школах достаточно часто сводилось к формальному ознакомлению с государственной символикой, основами конституционного строя. Критическое осмысление политических процессов, навыки политической дискуссии, практики гражданского участия редко становились предметом целенаправленного педагогического воздействия.

Вторичная социализация в профессиональной среде для глухих работников также имеет специфику. Концентрация глухих в определённых профессиональных нишах ограничивает разнообразие социальных контактов и, соответственно, источников политической информации. Коммуникативные затруднения препятствуют участию

в неформальных политических разговорах с коллегами, которые для слышащих работников служат каналом политической социализации.

Политическое участие не сводится к электоральному поведению. Глухие граждане теоретически могут реализовывать политическую субъектность через различные формы активности, каждая из которых характеризуется специфическими возможностями.

Голосование на выборах различных уровней представляет наиболее массовую, институционально оформленную форму политической активности [3]. Для глухих избирателей основную трудность составляет не сам акт голосования, а предшествующий ему процесс формирования электорального выбора [4]. Дефицит доступной информации о кандидатах, партиях вынуждает либо воздерживаться от участия, либо ориентироваться на случайные, вторичные критерии при принятии решения.

Членство в политических партиях, работа в предвыборных штабах остаются для глухих практически недоступными. Партийные мероприятия невозможны для участников с нарушениями слуха, внутрипартийная коммуникация ведётся без учёта их потребностей. Глухие члены партий оказываются на периферии партийных структур, лишены возможности полноценного участия в обсуждениях, выработке решений.

Всероссийское общество глухих, региональные, местные организации осуществляют представительство интересов данной социальной группы, ведут диалог с органами власти, участвуют в формировании социальной политики и т. д. Однако деятельность данных организаций преимущественно сосредоточена на вопросах социальной защиты, реабилитации, а общеполитическая проблематика остаётся за пределами их повседневной работы.

Повышение политической вовлечённости глухих людей предполагает изменения на нескольких уровнях. На институциональном уровне необходимо обеспечение перевод политических событий на жестовый язык. Политические дебаты, обращения высших должностных лиц, заседания представительных органов должны передаваться с качественным сурдопереводом. Политические партии, кандидаты объективно заинтересованы в расширении электоральной базы за счёт глухих избирателей, что создаёт стимулы для изменения агитационных материалов.

В области образования необходимо усиление гражданского компонента в обучении глухих детей, молодёжи. Формирование политической грамотности, навыков критического анализа информации, понимание функционирования политической системы должно стать составной частью образовательного процесса в специализированных учебных заведениях.

Значение имеет также изменение установок в обществе в целом, а также внутри сообщества глухих. Преодоление восприятия глухоты исключительно как дефекта, признание политической субъектности глухих граждан, поддержка их политических инициатив создают положительную среду для участия.

Включение глухих людей в политическую жизнь остаётся нерешённой задачей. Коммуникативные барьеры, информационная изолированность, особенности социализации в совокупности формируют паттерн политической пассивности. Вместе с тем данная социальная группа располагает ресурсами для политической моби-

лизации. Сплочённое сообщество, объединённое общим языком и культурой, способно артикулировать групповые интересы, продвигать их в политическое пространство. Развитие технологий открывает новые каналы коммуникации, потенциально более доступные для глухих.

Таблица 1. Основные показатели политической интеграции глухих людей в мире и России

Показатель	Мир	Россия
Численность людей с нарушениями слуха	более 430 млн человек	около 13 млн человек
Прогноз к 2050 г.	свыше 700 млн человек с потерей слуха	ожидается рост вследствие старения населения
Численность пользователей жестового языка	около 70 млн человек	около 300 тыс. человек
Доля глухих детей, рождённых в слышащих семьях	около 90 %	около 90 %
Доступность политического контента с сурдопереводом	30–40 % политических трансляций в развитых странах	эпизодическое сопровождение федеральных эфиров
Снижение электоральной активности по сравнению со слышащими гражданами	на 10–20 % ниже	устойчиво ниже среднероссийского уровня
Основной источник политической информации	соцсети, сообщества глухих, переводчики	соцсети, знакомые, ВОГ
Основные барьеры участия	языковой барьер, отсутствие адаптации информации	дефицит сурдоперевода, слабая политическая социализация
Основные формы политического участия	голосование, деятельность НКО, онлайн-активизм	голосование, деятельность ВОГ, локальные инициативы

Степень политической вовлечённости глухих людей выступает одним из показателей качества демократического устройства. Способность политических институтов изменяться к потребностям различных социальных групп, включая языковые меньшинства, к которым относятся носители жестовых языков, характеризует состояние политического представительства. Дальнейшие

исследования в данной области целесообразно направить на эмпирическое изучение политических установок, практик участия глухих граждан, сравнительный анализ опыта различных стран в обеспечении доступности политической сферы, оценку эффективности различных мер по повышению политической вовлечённости данной группы.

Литература:

1. Бобкина, Н. В. Обеспечение избирательных прав лиц с ограниченными физическими возможностями в Российской Федерации / Н. В. Бобкина // Молодой ученый. — 2018. — № 4 (190). — С. 130–132.
2. Доронин, Р. П. Виды избирательных цензов в Российской Федерации / Р. П. Доронин // Молодой ученый. — 2023. — № 26 (473). — С. 231–233.
3. Самолдина, О. Г. К вопросу о реализации избирательных прав лиц, признанных инвалидами / О. Г. Самолдина // Молодой ученый. — 2024. — № 20 (519). — С. 413–415.
4. Симонова, М. А. Проблемы реализации избирательного права инвалидами / М. А. Симонова, И. А. Терехова // Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). — Краснодар: Новация, 2018. — С. 6–8.
5. Шумакова, О. В. Социальная и образовательная интеграция лиц с нарушениями слуха в региональной системе / О. В. Шумакова // Образование и воспитание. — 2025. — № 3 (55). — С. 19–22.

Понятие и классификация социальных и экологических рисков в условиях глобализации: современные подходы

Тянь Цзяхао, студент магистратуры

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье рассмотрена эволюция понятийного аппарата социальных и экологических рисков в контексте новейших тенденций глобализации. Проанализировано влияние пандемии COVID-19, цифровой трансформации и климатического кризиса на трансформацию традиционных определений. Особое внимание уделено гибридизации и системной взаимосвязи рисков. Предложена актуализированная многомерная классификация, учитывающая глобальные, региональные, национальные и локальные масштабы проявления, а также новые категории рисков, связанные с информационной средой и биогенными угрозами. Основу анализа составляют научные работы и доклады международных организаций за 2020–2024 годы.

Ключевые слова: глобализация, социальный риск, экологический риск, классификация рисков, системный риск, трансграничные угрозы, устойчивое развитие.

Введение

Беспрецедентные вызовы последних пяти лет — пандемия COVID-19, серия климатических катастроф, геополитическая нестабильность и стремительная цифровизация — кардинально изменили понимание природы социальных и экологических рисков. Как отмечается в докладе Всемирного экономического форума [10], глобальный ландшафт рисков характеризуется растущей взаимосвязанностью и каскадным эффектом, когда сбой в одной системе способен инициировать цепную реакцию в других. Классические дефиниции риска, сформулированные в работах У. Бека и Э. Гидденса, сохраняют методологическую ценность, однако современные реалии требуют их содержательного расширения, в том числе в сторону большей социальной справедливости [7]. Это актуализирует задачу уточнения ключевых понятий и разработки классификации, адекватной реальности 2020-х годов.

Понятие социальных и экологических рисков в новейшем дискурсе

По мнению Aven и Renn [5], ключевой характеристикой сегодняшнего дня становится «глубокая неопределённость», когда не только вероятность, но и сам спектр возможных последствий не поддаются однозначному прогнозированию. С учётом этого, социальный риск в условиях современной глобализации целесообразно трактовать как вероятность дестабилизации общественных структур и ухудшения качества жизни, вызванную комплексным действием трансграничных факторов: экономических шоков в глобальных цепочках поставок, пандемийных угроз, массовой неконтролируемой миграции, а также информационно-психологических манипуляций в цифровой среде.

В свою очередь, экологический риск в актуальной литературе всё чаще определяется через призму концепции «планетарных границ» и климатической справедливости [8; 9]. Он представляет собой вероятность необратимых

изменений экосистем и сопутствующего ущерба здоровью и благосостоянию населения, возникающих вследствие хозяйственной деятельности и транслируемых через глобальные биосферные процессы, международную торговлю и климатическую систему. Особенностью современного этапа является включение в данное понятие не только прямого техногенного воздействия, но и рисков, связанных с переходом к низкоуглеродной экономике [2].

Системная взаимосвязь и гибридизация рисков. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала неразрывность социальных и экологических угроз. Сокращение биоразнообразия и вторжение человека в природные ареалы прямо коррелируют с возникновением новых зоонозных инфекций [6], порождая социальные риски колоссального масштаба. Одновременно цифровизация, выступая инструментом адаптации, создаёт новые социальные риски — рост киберпреступности, цифрового неравенства и деструктивного информационного воздействия на экологическое сознание населения [3; 4]. Таким образом, формируются гибридные социо-эколого-информационные риски, требующие междисциплинарного анализа. Представляется, что на данном этапе развития глобализации гибридизация рисков выходит на качественно новый уровень. Речь идёт не только о наложении различных типов угроз, но и о формировании единого пространства риска, в котором границы между источниками и последствиями становятся размытыми. В этой связи можно утверждать, что современный риск всё чаще носит не отраслевой, а системно-сетевой характер, где любое локальное событие потенциально способно вызвать масштабные социальные и экологические последствия.

Актуализированная классификация рисков глобализации. Опираясь на исследования последних лет [10], предлагается классификация по следующим основаниям.

1. По масштабу и скорости распространения:

– Глобальные системные риски: климатический кризис, пандемии, коллапс биоразнообразия, дестабилизация глобальной финансовой системы с социальными последствиями.

– Трансграничные региональные риски: опустынивание и водный стресс в Центральной Азии, лесные пожары с трансграничным задымлением, вынужденная миграция из зон климатических бедствий.

– Национальные и локальные риски: снижение продовольственной безопасности из-за глобальных сбоев поставок, локальные экологические конфликты на почве размещения объектов опасных производств.

2. По источникам возникновения:

– Экономико-производственные: перенос углеродоемких и экологически вредных производств в развивающиеся страны; риски «зелёного перехода», связанные с исчезновением рабочих мест в традиционной энергетике.

– Природно-антропогенные: усиление частоты и интенсивности опасных гидрометеорологических явлений; деградация экосистемных услуг в глобальном масштабе.

– Биогенные и медицинские: риски новых пандемий, устойчивость к противомикробным препаратам.

– Информационно-цифровые: инфодемия и целенаправленная дезинформация об экологических проблемах; кибератаки на критическую социальную и экологическую инфраструктуру.

3. По характеру воздействия и предсказуемости:

– Кумулятивные (хронические) риски: постепенное закисление океана, накопление микропластика, рост социального расслоения.

– Катастрофические (острые) риски: техногенные аварии с выбросом опасных веществ, внезапные финансовые кризисы, экстремальные погодные события.

– Эмерджентные «невидимые» риски: долгосрочные последствия использования искусственного интеллекта в социальном управлении, непредвиденные эффекты геоинженерии.

4. По степени институциональной готовности:

– Риски с развитой системой международного регулирования (например, разрушение озонового слоя).

– Риски с фрагментарным или недостаточным регулированием (климатическая миграция, киберугрозы социальной стабильности).

– Риски с нарастающим конфликтом интересов (трансграничное загрязнение водных ресурсов, доступ к критическим минеральным ресурсам для энергоперехода).

Вместе с тем, представляется целесообразным дополнить предложенную классификацию ещё одним критерием — степенью неравномерности распределения рисков. На практике наблюдается ситуация, при которой одни страны преимущественно генерируют риски, в то время как другие в большей степени испытывают их последствия. Такая асимметрия особенно характерна для взаимодействия развитых и развивающихся экономик.

С точки зрения автора, данное явление можно рассматривать как отдельную характеристику глобальной системы рисков, отражающую структурные дисбалансы мировой экономики. Это позволяет перейти от простой классификации рисков к анализу механизмов их перераспределения, что имеет принципиальное значение для разработки эффективной политики управления рисками.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современные социальные и экологические риски требуют пересмотра традиционных подходов к их оценке. Они характеризуются системной взаимосвязанностью, гибридностью и неравномерным распределением, усиливаемым процессами цифровизации. Предложенная классификация отражает усложнение природы рисков и стирание границ между их видами. В этой связи необходим переход к динамическому анализу и разработке эффективных инструментов управления рисками на национальном и международном уровнях.

Литература:

1. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. — London: Sage Publications, 1992. — 260 p.
2. Anthony Giddens. The Politics of Climate Change. 3rd ed. — Cambridge: Polity Press, 2024. — 280 p.
3. World Economic Forum. Global Risks Report 2024. 19th Edition. — Geneva: WEF, 2024.
4. IPCC. Climate Change 2023: Synthesis Report. — Geneva: IPCC, 2023.
5. UNEP. Emissions Gap Report 2023. — Nairobi: UNEP, 2023.
6. IPBES. Workshop Report on Biodiversity and Pandemics. — Bonn: IPBES Secretariat, 2021.
7. Terje Aven, Renn O. Risk Management and Governance: Concepts, Guidelines and Applications. — Springer, 2020.
8. United Nations. Sustainable Development Goals Report 2024. — New York: UN, 2024.
9. OECD. Global Environmental Outlook and Risks Analysis 2023. — Paris: OECD Publishing, 2023.
10. World Bank. World Development Report 2024: Digitalization and Development. — Washington DC: World Bank, 2024.

ЭКОЛОГИЯ

Ecosystem limits of inland water systems: a comparative analysis of the Aral Sea and Lake Baikal through the ecosystem approach

Smirnova Aleksandra Pavlovna, master's student
University of Milan (Italy)

The article examines the ecosystem approach as a practical framework for analysing two major water systems in Eurasia: the Aral Sea and Lake Baikal. The focus is placed on Principles 6 and 11 of the ecosystem approach adopted under the Convention on Biological Diversity: the need to manage ecosystems within the limits of their functioning and the need to consider all relevant forms of knowledge. The Aral Sea is analysed as a case of rapid hydrological collapse caused mainly by the diversion of river runoff for irrigation. Lake Baikal is treated as a different type of ecological risk, where pressure accumulates through tourism, wastewater discharge, outdated municipal infrastructure and local eutrophication of the littoral zone. The comparison shows that the ecosystem approach is not only a general environmental idea but also a useful tool for assessing economic decisions in territories where natural limits were long perceived as secondary.

Keywords: ecosystem approach, Aral Sea, Lake Baikal, water resources, environmental governance, eutrophication, sustainable development.

Introduction

The ecosystem approach entered international environmental practice as an attempt to move away from narrow sectoral management of natural resources. In Decision V/6 of the Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity, it is linked with the need to consider ecosystem structure, processes, functions and interactions, as well as the presence of humans as part of ecosystems [1]. Later, Decision VII/11 described the ecosystem approach as a strategy for the integrated management of land, water and living resources that promotes conservation and sustainable use [2].

Two principles are especially important for this article. Principle 6 states that ecosystems should be managed within the limits of their functioning. Behind this short formula there is a very practical idea: every natural system has boundaries. Water cannot be withdrawn endlessly; a coastal zone cannot endlessly absorb tourist and municipal pressure; biological communities cannot permanently compensate for managerial mistakes. Principle 11 adds another layer to this logic. It requires all relevant forms of information to be considered, including scientific, local and traditional knowledge. A territory, then, should not be treated as an empty technical scheme for development. It already has its ecology, history, people and limits of resilience.

At first sight, the Aral Sea and Lake Baikal are not obvious objects for comparison. The Aral Sea became a symbol of the almost catastrophic desiccation of an inland water body. Lake Baikal, by contrast, remains the largest and one of the most unique freshwater lakes of global importance. This contrast makes the comparison meaningful. In one case, the crisis became visible through the disappearance of water, fisheries and shoreline. In the other, it develops more slowly: through overloaded settlements, wastewater, tourist pressure and changes in littoral communities. The scale is different, the speed is different, but the governance question is similar: what happens when economic development becomes detached from the real carrying capacity of an ecosystem?

Materials and Methods

The article is based on a comparative case-study design. The empirical base includes open scientific publications, documents of the Convention on Biological Diversity, World Bank materials on the restoration of the Northern Aral Sea, UNESCO and IUCN information on Lake Baikal, and the state report on the condition of Lake Baikal for 2023. This set of sources was chosen deliberately. The ecosystem approach cannot be evaluated through one type of evidence only. It requires natural indicators, the governance context, socio-economic pressure and signs of biological response.

Methodologically, the article combines three procedures. The first is a quantitative comparison of key indicators: water-body area, commercial fish catch, wastewater discharge and tourist pressure. The second is a qualitative interpretation of these indicators through Principles 6 and 11 of the ecosystem approach. The third is data visualisation in tables, graphs and a locator scheme. This format makes it possible not only to describe environmental degradation but also to show its dynamics. It is particularly important for the Aral Sea, where ecosystem collapse is best understood through a time series, and for Lake Baikal, where risk is often hidden behind the external impression of vastness and natural stability.

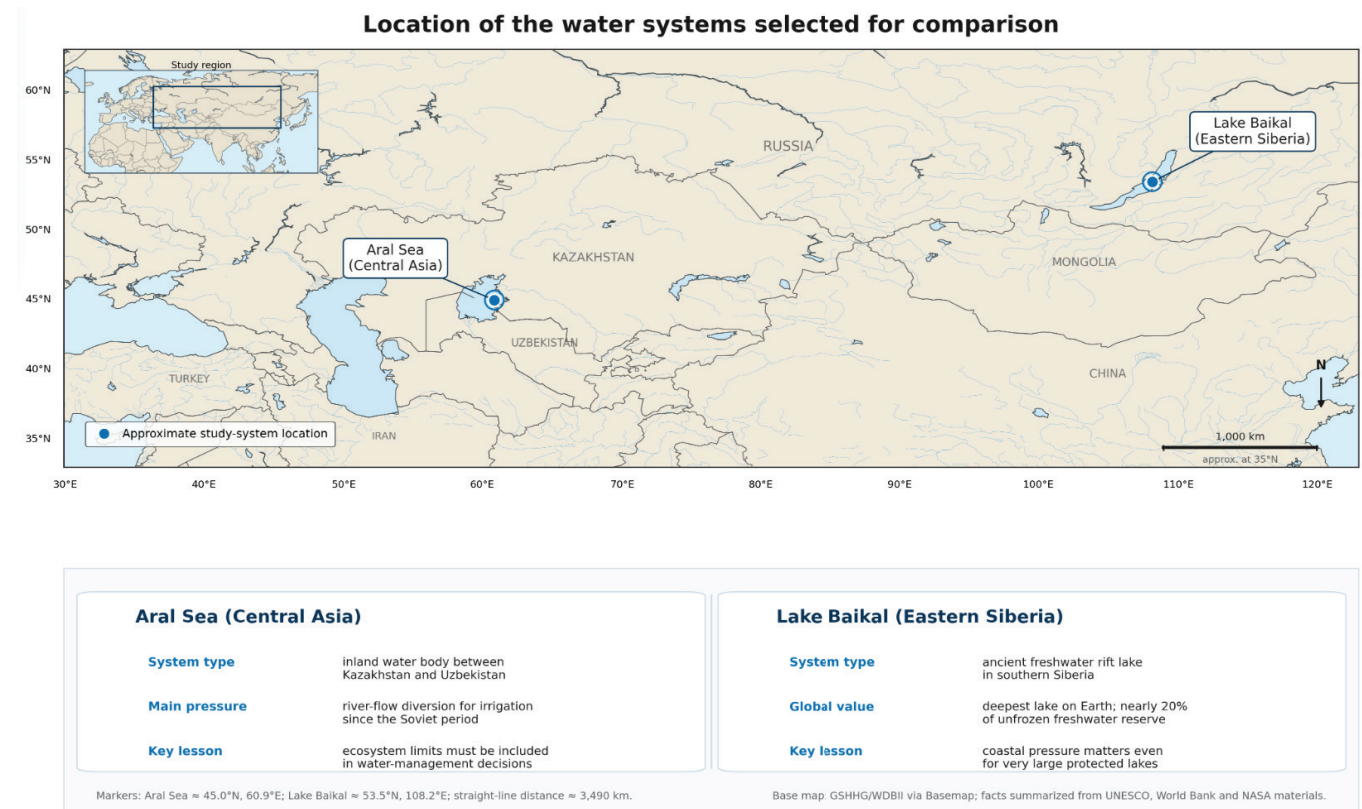

Fig. 1. Locator scheme of the water systems analysed in the article

Table 1. Ecosystem-approach principles used in the analysis

Principle	Core idea	Use in the article
Principle 6	Management within ecosystem functioning limits.	Checks whether pressure exceeds water balance, carrying capacity and recovery potential.
Principle 11	Use of all relevant knowledge, including local and scientific information.	Keeps the water body visible as a socio-ecological system, not only as a resource.

The Aral Sea: Disrupted water balance and the functional limits of an ecosystem

The Aral Sea is one of the clearest examples of what can happen when a water system is managed for decades outside its natural limits. Before the period of intensive water withdrawal, it was one of the largest inland water bodies in the world. Most sources give an area of about 68,000 km² for 1960 [3; 5]. Afterwards, the sea began to shrink rapidly, mainly because the runoff of the Amu Darya and Syr Darya rivers was redirected for irrigation. The economic objective seemed understandable: to support agricultural production in an arid region. The management failure was that the water balance of the sea was treated almost as an external detail.

This is exactly where Principle 6 becomes not an abstract environmental norm but a strict analytical criterion. If more water is taken from a system than it can compensate for year after year, the system changes its state. It does not simply become a little worse. It moves into another regime. In the Aral Sea, this meant a fall in water level, increasing salinity, fragmentation of the single water body and the formation of a dry saline seabed. Under these conditions, the former fisheries, climatic and social functions of the sea could no longer be maintained.

Table 2. Key quantitative indicators of degradation and partial recovery in the Aral Sea

Indicator	Value / dynamics	Interpretation
Surface area	~68,000 km ² in 1960; ~9,285 km ² by 2020.	Transition from a large inland sea to a fragmented and partly dry system.
Main driver	Diversion of the Amu Darya and Syr Darya runoff for irrigation.	Irrigation demand exceeded the hydrological limits of the sea.
Fish catch	43,430 t in 1960; 17,460 t in 1970; near zero by 1980.	Loss of biological productivity and local livelihoods.
Northern Aral recovery	Kok-Aral Dam: higher level, lower salinity, partial fishery return.	Partial recovery became possible after management respected water limits.

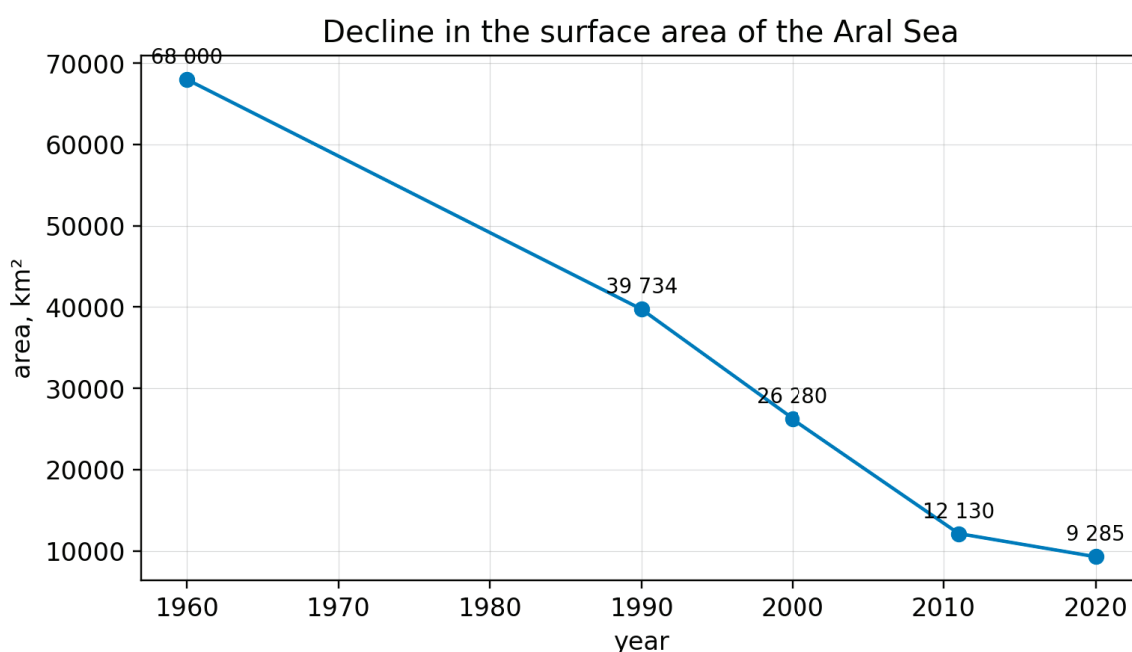

Fig. 2. Change in the surface area of the Aral Sea, 1960–2020

The dynamics of surface area are important because they make the governance problem visible. In 1960, the Aral Sea was still a large inland sea embedded in the social and economic life of Central Asia. By 2020, its area had fallen to a small fraction of its former extent. The numbers do not show the whole tragedy, of course. They do not convey dust storms from the exposed seabed, the loss of port towns, the disappearance of fishing settlements or the health effects of a transformed landscape. Yet they clearly show that the ecosystem crossed a functional threshold.

The collapse of commercial fishing is an even more concrete indicator. Before the crisis, the Aral region was an important fishing area. In 1960, fish catch was reported at 43,430 tonnes; by 1970 it had fallen to 17,460 tonnes, and by 1980 industrial fishing had effectively disappeared [3]. This means that the sea was shrinking not only spatially. It was losing its living functions. The loss of water was followed by the loss of fish, employment, local income and a familiar way of life. An ecosystem crisis very quickly became a social crisis.

The partial restoration of the Northern Aral Sea is important because it complicates the picture. The Aral case is not only a story of destruction. The Kok-Aral Dam and the Syr Darya Control and Northern Aral Sea Project made it possible to raise the level of the Northern Aral, reduce salinity and bring water closer to the former port of Aralsk [4]. These results do not mean that the lost sea has been fully restored. The Southern Aral remains in a very difficult condition. Still, the Northern Aral demonstrates something essential: even a deeply damaged ecosystem may retain some recovery potential if management starts to work with hydrological reality rather than against it.

From the point of view of Principle 11, the Aral Sea also shows the cost of ignoring local socio-ecological knowledge. Large irrigation schemes were planned primarily through production targets. The territory itself was poorly heard. Water was not only a technical input for agriculture. It supported fisheries, microclimate, transport, employment, health and the everyday life of entire communities. The collapse of the Aral Sea therefore cannot be reduced to a “water-management mistake”. It was a failure to understand the sea as a connected socio-ecological system.

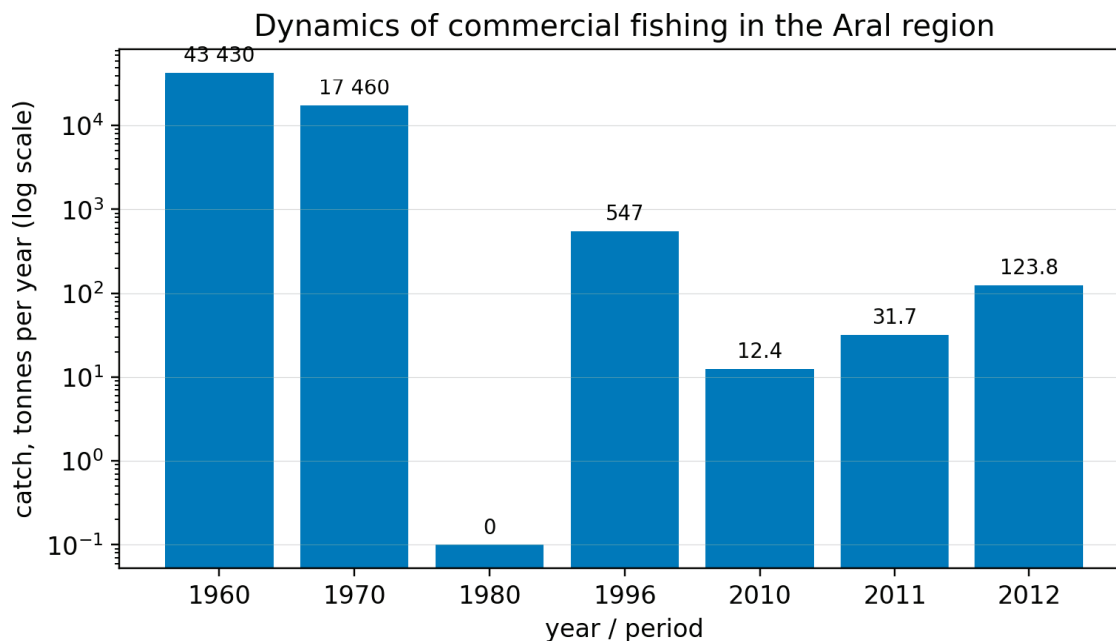

Fig. 3. Dynamics of commercial fish catch in the Aral region

Lake Baikal: tourism, wastewater and littoral vulnerability

Lake Baikal represents a very different type of ecological risk. It is located in southern Eastern Siberia, between Irkutsk Oblast and the Republic of Buryatia. The lake is about 25 million years old, reaches a maximum depth of roughly 1,700 m and contains around 20 % of the world’s unfrozen surface freshwater. In 1996, Lake Baikal was inscribed on the UNESCO World Heritage List [6]. These facts often create a sense of exceptional stability. Baikal appears so large, deep and ancient that its vulnerability is easy to underestimate.

The current pressure on Baikal is not expressed as a dramatic disappearance of the water body. The lake is not “shrinking” in the Aral sense. Its problem is more subtle and, for that reason, sometimes more difficult to communicate. Pressure accumulates in the coastal zone where settlements, tourist centres, roads, beaches, piers and insufficiently modernised municipal infrastructure meet the lake. The littoral zone is especially sensitive because it is where human activity and aquatic biological communities come into direct contact.

Table 3. Key indicators of environmental pressure on Lake Baikal

Indicator	Value / manifestation	Environmental meaning
Tourism	Khuzhir municipality: ~200,000–500,000 visitors a year; ~2,000 permanent residents [9].	Seasonal pressure may exceed local population by 100–250 times.
Wastewater	2.04 million m ³ in 2022; 2.65 million m ³ in 2023 in the central ecological zone of Buryatia [7].	A 30.4 % annual increase adds pressure to water quality.
Infrastructure	Outdated treatment facilities pollute first-order tributaries [7].	Development has outpaced municipal capacity.
Biological response	Spirogyra and Ulothrix mats near Listvyanka [8].	Indicator of local eutrophication and littoral transformation.
Outlook	IUCN: conservation outlook “of concern” [10].	High natural value remains, but pressures are no longer negligible.

Tourism is one of the most visible drivers of pressure. Studies of overtourism in the Baikal natural territory note that tourist flow to the lake almost doubled in 2010–2014. Particularly high pressure falls on Olkhon Island and the Small Sea area. For the Khuzhir municipality, estimates range from 200,000 to 500,000 tourists and holidaymakers per year, while the permanent population is about 2,000 people [9]. The arithmetic is simple and quite alarming: seasonal pressure may exceed the number of local residents by 100–250 times.

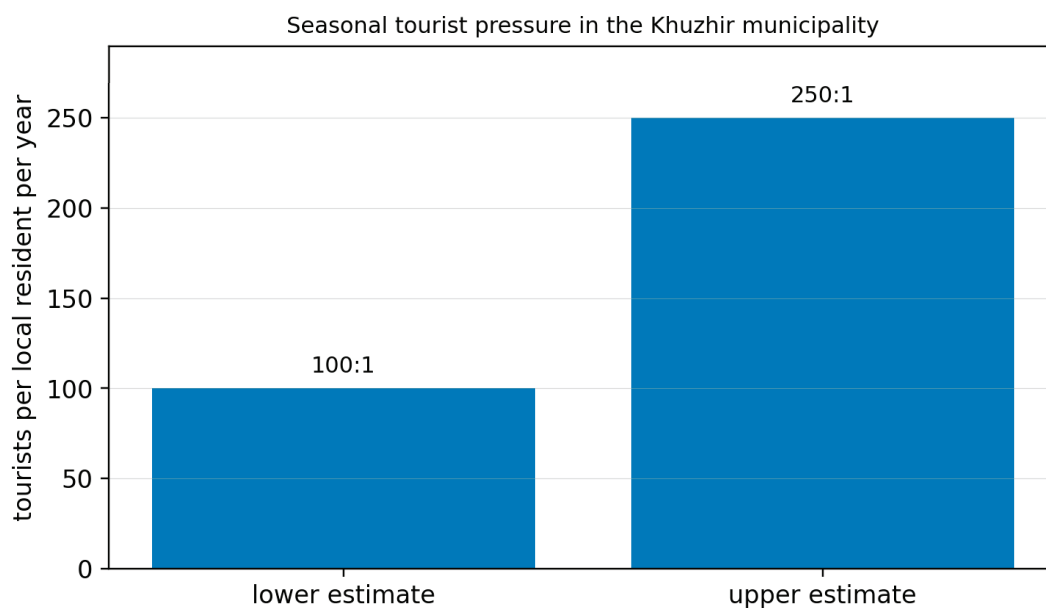

Fig. 4. Seasonal tourist pressure in the Khuzhir municipality

Such pressure is not automatically destructive. Tourism can support local income, services and regional visibility. The problem begins when the number of visitors grows faster than wastewater treatment, waste collection, land-use control and environmental monitoring. A small settlement cannot function as a large tourist centre without major changes in infrastructure. If those changes lag behind, the lake receives the hidden costs of recreation.

The municipal factor is one of the weakest points in the Baikal case. According to the state report on the condition of Lake Baikal for 2023, wastewater discharge in the central ecological zone of the Baikal natural territory in the Republic of Buryatia increased from 2.04 million m³ in 2022 to 2.65 million m³ in 2023. This is a 30.4 % increase in a single year [7]. The same report identifies outdated municipal wastewater treatment facilities as a major source of polluted water entering first-order tributaries of Lake Baikal [7].

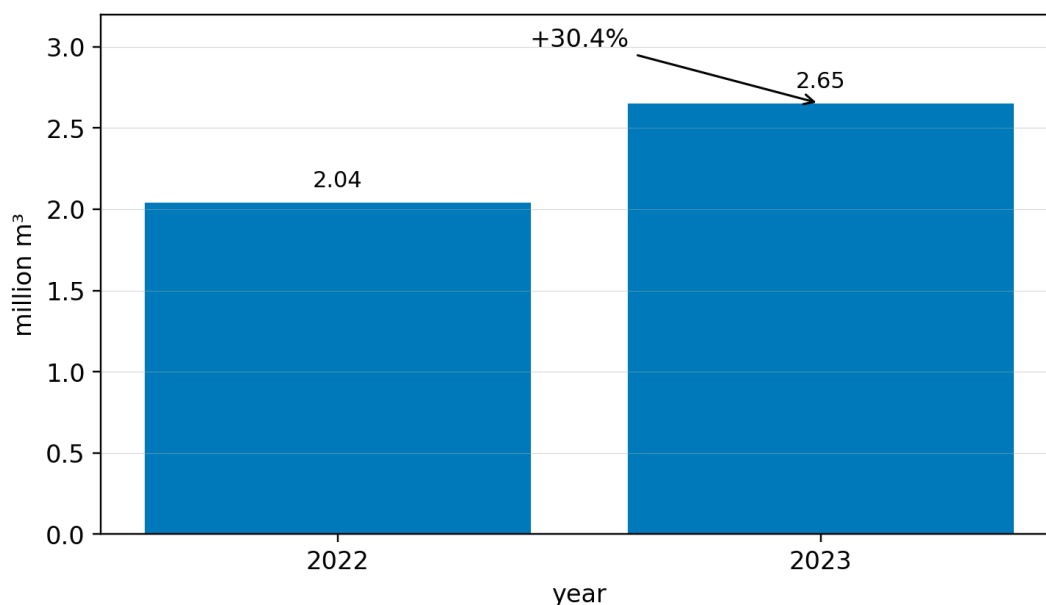

Fig. 5. Growth of wastewater discharge in the central ecological zone of the Baikal natural territory

The biological response is already visible in nearshore indicators. L. S. Kravtsova and co-authors reported that species of the genus *Spirogyra*, which are not typical of open nearshore waters of Baikal, formed algal mats together with *Ulothrix* near the

settlement of Listvyanka [8]. For an oligotrophic lake, this is a serious signal. Baikal historically developed under conditions of low nutrient concentration. Local inputs of nitrogen and phosphorus may therefore alter benthic communities faster than the external image of the lake suggests.

The IUCN assessment also shows that the problem cannot be reduced to isolated episodes. In the World Heritage Outlook materials, the conservation outlook for Lake Baikal is described as "of concern" because of pollution, tourism development, insufficient wastewater treatment, coastal eutrophication and climate change [10]. This wording is important. It does not mean that Lake Baikal has already lost its outstanding universal value. It means that the protection of a large ecosystem cannot be confused with its infinite resilience.

In the Baikal case, Principle 6 appears in a more delicate form than in the Aral Sea story. There is no single dramatic diversion of water. There is, however, an exceedance of the local carrying capacity of coastal territories. A settlement designed for several thousand residents cannot receive hundreds of thousands of visitors without consequences if treatment systems, waste management and land-use regulation do not grow with the pressure. Principle 11 is also relevant here. Decisions about tourism and coastal development cannot be made without local experience, monitoring data, knowledge of littoral sensitivity and a realistic understanding of municipal infrastructure.

Comparative analysis of the cases

The Aral Sea and Lake Baikal demonstrate two different forms of one governance failure. The Aral Sea is a case of direct disruption of water balance. Lake Baikal is a case of gradually accumulated pressure in the most sensitive part of the ecosystem. In the first case, the system was damaged through the redistribution of river runoff. In the second, risk is produced by many relatively small but persistent impacts. They do not look like one large catastrophe until they begin to form a systemic problem.

Table 4. Comparison of the Aral Sea and Lake Baikal through the ecosystem approach

Criterion	Aral Sea	Lake Baikal
Type of pressure	River runoff withdrawal for irrigation.	Tourism, wastewater, coastal development and polluted tributaries.
Crisis pattern	Rapid and visible decline in level and area.	Slower transformation of the littoral and coastal zone.
Principle 6	Hydrological limits were exceeded.	Local recreational and municipal capacity is being exceeded.
Principle 11	Local socio-ecological realities were poorly considered.	Tourism, monitoring, local knowledge and infrastructure remain weakly connected.
Lesson	Water balance must precede economic planning.	Large-lake protection depends on managing many small coastal pressures.

The main shared conclusion is that the ecosystem approach requires seeing connections rather than isolated indicators. In the Aral region, cotton production and the sea could not be calculated separately. In the Baikal region, tourism cannot be developed separately from wastewater treatment and then be expected to leave the lake unchanged. Water, shores, settlements, treatment facilities, fisheries, biota, human health and local economies are parts of one chain. When governance breaks this chain, environmental damage eventually returns as social and economic loss.

Both cases also show that a change in governance direction is possible. The Northern Aral Sea after the Kok-Aral Dam did not return to its former state, but it proved that a well-targeted hydrotechnical and water-management intervention can restore part of ecosystem functions. For Lake Baikal, it would be dangerous to wait for such a dramatic turning point. The more important task is to act before irreversible degradation occurs: modernise treatment facilities, restrict chaotic development, distribute tourist flows, strengthen littoral monitoring, and take local knowledge and scientific evidence seriously before conflicts become acute.

Conclusion

The Aral Sea and Lake Baikal differ strongly in scale, natural history and present condition. Yet in the logic of the ecosystem approach they can be read together. The Aral Sea shows that ignoring water balance can destroy an entire region as a socio-ecological system. Lake Baikal shows that even the largest freshwater ecosystem of global importance becomes vulnerable when coastal pressure grows faster than governance, infrastructure and monitoring.

Principle 6 in these examples sounds almost like a warning. An ecosystem is not required to adapt endlessly to an economic project. It has limits in terms of water, nutrient loading, recovery and the stability of biological communities. Principle 11 adds the

human dimension: a water system cannot be managed only from offices and only through large economic targets. Scientific data, local experience, long-term monitoring and an understanding of how environmental change enters people's lives are all needed.

For the Aral Sea, the cost of error has already become a historical fact. For Lake Baikal, much of that cost can still be reduced. This is the practical meaning of the comparison. The ecosystem approach is needed not for elegant terminology but for preventing economic decisions from falling behind natural consequences. Where management begins to see ecosystem limits, nature has a chance to recover. Where those limits continue to be ignored, even the largest and most unique water body gradually loses resilience.

References:

1. Convention on Biological Diversity. Decision V/6. Ecosystem approach [Electronic resource]. 2000. URL: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7148> (accessed: 11.05.2026).
2. Convention on Biological Diversity. Decision VII/11. The ecosystem approach [Electronic resource]. 2004. URL: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7748> (accessed: 11.05.2026).
3. Plotnikov I. S., Aladin N. V., Zhakova L. V., Mossin J., Høeg J. T. Past, Present and Future of the Aral Sea — A Review of its Fauna and Flora before and during the Regression Crisis // *Zoological Studies*. 2023. Vol. 62. Article 19. DOI: 10.6620/ZS.2023.62-19.
4. The World Bank. Syr Darya Control and Northern Aral Sea Project: Implementation Completion and Results Report [Electronic resource]. 2014. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/259071468127164078/pdf/ICR28770P009120C0disclosed060270140.pdf> (accessed: 11.05.2026).
5. Agency of the International Fund for Saving the Aral Sea. Crisis of the Aral Sea [Electronic resource]. URL: <https://aral.uz/en/crisis/> (accessed: 11.05.2026).
6. UNESCO World Heritage Centre. Lake Baikal [Electronic resource]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/754/> (accessed: 11.05.2026).
7. State Report “On the Condition of Lake Baikal and Measures for Its Protection in 2023” [Electronic resource]. Moscow: VNII Ecology, 2024. 412 p. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/6f9/dvgho3xy6uqwbs03j1ddb3fjs4xhyht8/госдоклад_2023_О_состоянии_озера_Байкала_версия_26122024_%20%282%29%20%281%29.pdf (accessed: 11.05.2026).
8. Kravtsova L. S., Izhboldina L. A., Khanaev I. V. et al. Nearshore benthic blooms of filamentous green algae in Lake Baikal // *Journal of Great Lakes Research*. 2014. Vol. 40, no. 2. P. 441–448. DOI: 10.1016/j.jglr.2014.02.019.
9. Aleksandrova A. Yu., Bobylev S. N., Solovyeva S. V., Khovavko I. Yu. Overtourism at Baikal: Problems and Ways of Addressing Them // *Geography and Natural Resources*. 2021. Vol. 42, no. 3. P. 248–257. DOI: 10.1134/S1875372821030033.
10. IUCN World Heritage Outlook. Lake Baikal [Electronic resource]. URL: <https://worldheritageoutlook.iucn.org/node/1073> (accessed: 11.05.2026).

ПРОЧЕЕ

Анализ придорожной инфраструктуры Краснодарского края для автотуристов

Кузнецов Дмитрий Александрович, студент магистратуры
Сочинский государственный университет

В статье рассматривается современное состояние придорожной инфраструктуры Краснодарского края с точки зрения потребностей автотуристов. Проведен анализ обеспеченности ключевых туристических маршрутов объектами сервиса: автозаправочными станциями, средствами размещения, кемпингами, зонами отдыха и объектами технического обслуживания. Выявлены проблемы доступности и качества сервиса, а также предложены направления развития придорожной инфраструктуры.

Ключевые слова: автотуризм, придорожная инфраструктура, Краснодарский край, туристические маршруты, туристический сервис, транспортная инфраструктура.

Путешествие к Черноморскому побережью всегда было заветной мечтой для многих. С появлением личного автотранспорта и момента начала строительства автодороги, соединяющей Москву с Новороссийском, в 1959 г. начался бум автопутешествий к морю. За более чем 70 лет полностью изменился парк автомобилей, возросло многократно их количество, реконструированы существовавшие автодороги и построены новые, улучшилась придорожная инфраструктура.

Благодаря этому в настоящее время в России наблюдается устойчивый рост популярности автопутешествий. Каждый владелец автомобиля при желании становится автотуристом. Возможность построения гибкого маршрута, независимость от расписания транспорта, движение в комфортном ритме, возможность охватить максимальное количество достопримечательностей за одну поездку, а также постоянное улучшение качества автодорог как федерального, так и регионального уровня делают автотуризм очень привлекательным.

И Краснодарский край, обладающий уникальным сочетанием природных, климатических и культурно-исторических ресурсов, занимает лидирующие позиции среди направлений для автотуризма. Прибрежные курорты, горные ландшафты, винодельческие хозяйства и этнографические объекты ежегодно привлекают миллионы туристов, значительная часть которых предпочитает передвигаться на личном транспорте.

Помимо качества автодорог, наличие развитой придорожной инфраструктуры напрямую влияет на продолжительность пребывания туристов в регионе, их расходы и общую удовлетворенность поездкой, что в итоге отражается на доходах местного бизнеса и бюджета края.

Современные автотуристы ожидают не просто базовых услуг (заправка, питание, ночлег), но и комфортного отдыха, доступа к цифровым сервисам, непрерывной мобильной связи, доступа к Интернету, экологических решений и специализированных услуг, например наличие кемпингов для автодомов, зарядных станций для электромобилей.

Цель настоящего исследования — проанализировать текущее состояние придорожной инфраструктуры Краснодарского края с точки зрения доступности и качества услуг для автотуристов, выявить ключевые проблемы и предложить перспективные направления ее развития.

Дорожная сеть Краснодарского края представлена автодорогами федерального и регионального уровней. Основная трасса, связывающая Центральную часть России с Краснодарским краем — это Федеральная трасса М4 «Дон», общей протяженностью от Москвы до Новороссийска около 1500 км, из них более 200 км проходит по территории Краснодарского края. Большая часть автодороги имеет платные участки.

В 2000-е годы в результате активной реконструкции встречные потоки на автодороге были разделены, развязки на трассе стали многоуровневыми, увеличилась длина участков с ночным освещением. В настоящее время продолжается активная реконструкция трассы в Ростовской области и Краснодарском крае с тем, чтобы полностью перевести все 1500 км трассы от Москвы до Новороссийска на бесшумное четырехполосное движение. По данной трассе идет основной поток автотуристов в Краснодарский край. По данным компании «Автодор», обслуживающей эту трассу, в летние пиковые месяцы в 2025 году в день проезжало более 50 тысяч автомобилей [1].

Трасса А290 в западном направлении от М4 Новороссийск — Керчь, с подходом к Крымскому мосту и трасса А289 Краснодар — Славянск-на-Кубани — Темрюк в настоящее время имеют статус трасс федерального значения, часть участков на которых платная.

Трасса А147 — автомобильная дорога федерального значения М-4 «Дон» — Джубга — Туапсе — Сочи — Адлер (государственная граница с Абхазией). Протяжённость дороги составляет 217 км. Маршрут начинается с ответвления от автодороги М-4 «Дон», в 4 км от Джубги, проходит через Джубгу, Туапсе, Лазаревское, Сочи, Сириус и заканчивается на границе с Республикой Абхазия.

А-149 — федеральная автомобильная магистраль, соединяющая Адлер и Красную Поляну. Также известна как «Новое Краснополянское шоссе».

Автодорога Туапсе — Хадзыженск. Служит альтернативным маршрутом для поездки к морю, минуя обычно сильно загруженный в летнее время участок трассы М4 от горячего ключа. По этой же дороге продолжается маршрут к известному туристическому месту плато Лаго-Наки: Хадзыженск — Апшеронск — Майкоп — долина реки Белой — Лаго-Наки.

На любой автодороге предусмотрена придорожная инфраструктура, которая представляет собой комплекс объектов, размещённых вдоль автомобильных дорог и предназначенных для обслуживания участников дорожного движения (автотуристов, водителей грузового транспорта, пассажиров) и транспортных средств.

К основным элементам придорожной инфраструктуры относятся:

- Объекты для обслуживания транспортных средств: АЗС, станции технического обслуживания (СТО), автомойки, шиномонтажи, зарядные станции для электромобилей.

- Объекты размещения: мотели, гостиницы, кемпинги, глэмпинги, автокемпинги, стоянки для автодомов.

- Объекты питания: столовые, кафе, рестораны, фудкорты в многофункциональных комплексах.

- Торговые объекты: магазины, супермаркеты, придорожные ярмарки.

- Санитарно-гигиенические объекты: общественные туалеты, душевые, прачечные.

- Зоны отдыха: площадки для отдыха с беседками, детскими площадками, местами для пикника.

- Медицинские пункты: фельдшерско-акушерские пункты, аптечные киоски.

- Информационные объекты: указатели, информационные табло, Wi-Fi зоны, мобильные приложения с навигацией.

- Прочие услуги: пункты связи, банкоматы, зоны для выгула животных, пункты выдачи интернет-заказов.

Придорожная инфраструктура напрямую влияет на привлекательность региона для автотуристов. Её развитие способствует:

- Повышению комфорта и безопасности путешествий: наличие мест для отдыха, питания и ночлега сни-

жает усталость водителей, минимизирует риски ДТП из-за переутомления.

- Увеличению продолжительности пребывания туристов: возможность остановиться на несколько дней стимулирует посещение близлежащих достопримечательностей.

- Расширению географии туризма: развитая сеть объектов вдоль трасс позволяет осваивать удалённые и труднодоступные районы.

- Экономическому росту: создание рабочих мест, развитие малого и среднего бизнеса, увеличение налоговых поступлений в бюджеты разных уровней.

- Диверсификации туристических продуктов: появление кемпингов и автостоянок стимулирует развитие караванинга (путешествий с автодомами).

- Улучшению имиджа региона: качественная инфраструктура формирует положительный опыт автотуристов, что способствует сарафанному продвижению направления.

Для анализа придорожной инфраструктуры используются следующие основные критерии: доступность (географическая, транспортная, информационная, сезонная и социальная), и качество предоставляемых услуг (чистота и безопасность, разнообразие ассортимента предлагаемых услуг, соотношение цены и качества, уровень сервиса, наличие современной инфраструктуры Wi-Fi, зарядные станции, зоны отдыха для детей и животных).

По данным Департамента потребительской сферы и регулирования рынка алкоголя Краснодарского края на 2024 год, вдоль автомобильных дорог региона расположено свыше 3 500 объектов придорожного сервиса [2]. Они распределены по типам следующим образом:

- АЗС — около 1 200 объектов (включая сети «Лукойл», «Роснефть», «Газпромнефть», «Татнефть» и локальные операторы). В последние годы 30 % АЗС обновили инфраструктуру, добавив зоны отдыха, магазины, душевые и прачечные. Зарядные станции для электромобилей (25 точек вдоль М 4 и А 290),

- Кафе и рестораны — порядка 900 точек (от сетевых заведений до семейных кафе).

- Гостиницы и мотели — свыше 600 объектов, включая мини отели и гостевые дома у трасс.

- Кемпинги и автостоянки — около 80 площадок (из них 25 — сертифицированные кемпинги с базовыми удобствами).

- Станции технического обслуживания (СТО) и шиномонтажи — примерно 400 точек.

- Автомойки — более 150 объектов.

- Торговые объекты (магазины, супермаркеты, ярмарки) — более 200 точек.

Рассмотрим распределение инфраструктуры вдоль ключевых туристических маршрутов:

Основная федеральная трасса М4 «Дон».

Самая оснащённая с точки зрения развития придорожной инфраструктуры автомагистраль. Вдоль трассы наблюдается высокая плотность размещения объектов:

каждые 15–25 км — АЗС, кафе, мотели. Работают крупные многофункциональные комплексы (МФК) — «Транспарк» в районе Тимашевска, комплексы «Лукойл» и «Роснефть» с зонами отдыха, Wi-Fi, душевыми. Их количество постоянно увеличивается.

По данным поисковых систем Яндекс.Карты и 2ГИС на участке трассы от Краснодара до Джубги, протяженностью 130 км расположены 39 АЗС, 15 автосервисных центров. Гостиницы, мотели, кафе и рестораны в большом количестве расположены в основном в населенных пунктах (Краснодар, Горячий ключ, Джубга). В районе Джубги имеется развитая сеть кемпингов [5,6].

Вдоль трассы в районе Горячего Ключа и других мелких населенных пунктов имеются оборудованные места для ярмарок и торговли сельхозпродуктами местного производства и сувенирами.

Участок трассы Архипо-Осиповка — Новороссийск, протяженностью около 150 км. и далее трасса А 290 Новороссийск — Керчь с подходом к Крымскому мосту.

Вдоль трассы расположены 15 АЗС и 12 автосервисов, без учета объектов в самих населенных пунктах (Геленджик, Новороссийск, Анапа). В среднем объекты распределены через каждые 30–40 км. В основном сделан акцент на торговые точки и кафе с местной продукцией (вино, сыры, фрукты). Средства размещения находятся преимущественно в населенных пунктах, кемпинги практически отсутствуют. Наблюдается дефицит санитарных и душевых комнат.

Участок трассы А147 Джубга — Сочи, протяженностью 171 км.

На данном участке трассы, проходящем в основном вдоль Черноморского побережья, сосредоточены популярные у туристов места отдыха. Вдоль трассы расположены 15 АЗС и 33 автосервиса. МФК отсутствуют. Однако в населенных пунктах сосредоточено большое количество гостиниц различного уровня, гостевых домов, moteley и объектов общественного питания, способных удовлетворить различные вкусы большого количества отдыхающих. Кемпинги в основном сосредоточены в районе Джубги (12 шт.), Ольгинки (5 шт.) и Туапсе (4 шт.).

Участок трассы А-149 Адлер — Красная Поляна, протяженностью 53 км.

Данная трасса очень популярна у туристов как летом, так и зимой во время горнолыжного сезона. Сама трасса представляет собой современную автомагистраль, с тоннелями, мостами, разделением полос, информационными табло и позволяет быстро и комфортно добраться до высокогорной курортной зоны. Однако, данный маршрут для автотуристов мало приспособлен в связи с отсутствием мест стоянок и площадок отдыха вдоль трассы, ограниченным количеством АЗС и автосервисов, отсутствием бесплатных парковочных мест. Высокая концентрация отелей и ресторанов в п. Красная Поляна и п. Эстесадок не позволяет организовать достаточное количество мест для паркинга автомобилей туристов, не говоря уже о крупногабаритных автодомах. Поскольку курортный

кластер Красной поляны ориентирован в первую очередь на отельный отдых, то и доступность туалетных и душевых комнат для автотуристов, не планирующих размещение в отеле, очень ограничен. Кемпинги в данном кластере отсутствуют.

Участок автодороги к плато Лагонаки: Туапсе-Хадженск-Апшеронск-Майкоп-долина реки Белой — плато Лагонаки. Протяженность около 200 км.

Данная трасса связывает Краснодарский край с Адыгеей, которая территориально находится внутри границ Краснодарского края. Это более короткий маршрут, чем в объезд через Горячий ключ. Трасса проходит по живописным местам, автодорога хорошего качества, за исключением одного участка — перевал Шаумяна. Именно из-за этого перевала дорога не получает должного развития. В связи с особенностями рельефа и структурой грунта на перевале, дорога не асфальтируется. Поэтому она грунтовая, засыпана щебнем, имеются крутые подъемы и спуски, серпантин. Тем не менее она доступна для проезда легкового автотранспорта, поэтому небольшие трудности автотуристов, как правило, не останавливают. Придорожная инфраструктура, к сожалению, совсем не развита. На всем протяжении всего 8 АЗС, 4 автосервиса, гостиницы отсутствуют, заведения общественного питания малочисленны и работают нерегулярно. Стоянки, места отдыха, туалеты, контейнеры для сбора мусора отсутствуют. На въезде и съезде с перевала работают несколько автомоек и небольшие пункты автосервиса. Такая концентрация объектов связана с тем, что, после проезда через перевал все машины покрыты толстым слоем пыли. Спасают придорожную ситуацию населенные пункты Хадженск, Апшеронск, Майкоп, через которые проходит трасса, где есть АЗС, кафе, продуктовые магазины, комфортабельные гостиницы. Кемпинги отсутствуют.

Автодороги местного значения, соединяющие отдаленные населенные пункты.

Большое количество таких дорог, представляющих интерес для автопутешественников, расположены в горных ущельях вдоль трассы А-147 на подходе к городу Сочи, а также ведущие в горы из самого города. Популярные природные и исторические достопримечательности расположены во многих ущельях: вдоль реки Аше в Туапсинском районе, Мамедова щель, Свирское ущелье и Марьинское шоссе вдоль реки Псеуапсе в Лазаревском районе, вдоль р.Шахе, природный парк Солох-аул в Дагомысе, водопады и экологические тропы вдоль рек Сочи, Мацесты, Хосты и другие.

Таким образом, проведенный анализ распределения объектов придорожной инфраструктуры в Краснодарском крае позволяет сделать вывод, что сохраняется неравномерность распределения объектов по территории региона: высокая концентрация объектов на трассе М4 и у побережья, дефицит услуг в горных и отдаленных районах. Тем не менее, развитие придорожной инфраструктуры Краснодарского края демонстрирует положительную динамику развития, особенно вдоль феде-

ральных трасс и в курортных зонах. Доступность услуг для автотуристов в Краснодарском крае зависит от типа услуг, маршрута и сезона.

При этом основными проблемами и ограничениями являются:

— Неравномерность распределения услуг. В горных районах, на отдалённых участках трасс и в малонаселённых пунктах доступность услуг значительно ниже, чем на федеральных магистралях. Так, туалеты и душевые доступны на многих АЗС, в МФК и кемпингах. Однако в отдалённых участках трасс и на региональных маршрутах их наличие может быть ограниченным.

— Сезонность. В летний период наблюдается перегруженность объектов (очереди на АЗС, нехватка мест в кемпингах и гостиницах).

— Качество услуг. Не все объекты соответствуют современным стандартам комфорта и сервиса.

— Ограничения в ночное время. Некоторые заведения (кафе, магазины) работают не круглосуточно.

В крае внедряются мобильные приложения с картами объектов придорожного сервиса и отзывами пользователей (например, «Дорожный навигатор Кубани», «АЗС Гид»). На некоторых объектах есть Wi-Fi. Однако покрытие и качество связи могут варьироваться в зависимости от местности.

Перспективы развития придорожной инфраструктуры Краснодарского края связаны с дальнейшим совершенствованием многофункциональных комплексов (МФК), расширением сети кемпингов и глэмпингов, цифровизацией услуг, а также решением земельных и регуляторных вопросов [3].

Развитие придорожных ярмарок позволит сделать их визитной карточкой региона и способствовать реализации продукции местных аграриев. Планируется открывать объекты в едином стиле, что повысит их эстетическую привлекательность.

Необходима интеграция с популярными туристическими маршрутами. Например, создание тематических зон, связанных с винодельческими хозяйствами, природными достопримечательностями, что позволит привлечь дополнительных туристов [4].

Литература:

1. Автодор. Государственная компания «Российские автомобильные дороги»: официальный сайт. — URL: <https://avtodor-tr.ru/> (дата обращения: 16.05.2026).
2. Росавтодор. Федеральное дорожное агентство: официальный сайт. — URL: <https://rosavtodor.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
3. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р // Правительство России: официальный сайт. — URL: <http://government.ru/docs/37906/> (дата обращения: 16.05.2026).
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): официальный сайт. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
5. Яндекс Карты: электронный ресурс. — URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 14.05.2026).
6. 2ГИС: городской информационный сервис. — URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 16.05.2026).

Рекомендации по развитию и совершенствованию придорожной инфраструктуры могут быть следующие:

Усиление контроля за соблюдением санитарных и строительных норм. Регулярные проверки объектов придорожного сервиса, особенно в высокий туристический сезон. Акцент на ликвидации стихийной торговли и незаконной рекламы.

Решение земельного вопроса. Необходимо разработать механизмы перераспределения и зонирования земель, позволяющие временно размещать объекты туристической инфраструктуры на сельхозземлях или в лесном фонде без изменения их категории. Это особенно важно для кемпингов и глэмпингов.

Государственная поддержка инвесторов. Помимо предоставления земель без торгов, можно внедрить налоговые льготы, субсидии на расширение площадок, создание точек водоснабжения и сбора отходов.

Развитие кадрового потенциала. Организация обучающих программ для сотрудников придорожного сервиса, повышение квалификации в сфере обслуживания.

Адаптация инфраструктуры под потребности разных групп автотуристов. Например, создание специализированных зон для караванеров с точками водоснабжения, утилизации отходов, зарядными станциями для электромобилей.

Мониторинг и аналитика. Использование «больших данных» для анализа трафика, предпочтений туристов, загрузки объектов. Это поможет планировать развитие инфраструктуры и распределять ресурсы эффективно.

Эстетическое оформление объектов. Развитие придорожного сервиса должно сочетаться с сохранением визуального комфорта: непривлекательный внешний вид объектов вредит имиджу региона.

Сотрудничество с бизнесом. Привлечение малого и среднего предпринимательства к развитию модульных и быстровозводимых конструкций, которые можно адаптировать под меняющиеся условия спроса.

Реализация этих мер позволит повысить комфорт автотуристов, увеличить пропускную способность ключевых трасс и укрепить позиции Краснодарского края как популярного туристического направления.

Роль тематического кинотуризма в развитии креативных пространств (на примере проекта «Хоббитон»)

Милютина Дарина Александровна, студент

Научный руководитель: Павлова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор
Краснодарский государственный институт культуры

Статья предлагает анализ влияния кинотуризма на трансформацию природных территорий в креативные пространства на примере новозеландского проекта «Хоббитон». Работа раскрывает механизмы капитализации медийных франшиз, проблему «фантомного спроса» и концепцию контент-туризма. В исследовании доказана важность сотворчества аудитории и внедрения регенеративных экологических практик для устойчивого развития дестинаций в условиях овертуризма.

Ключевые слова: кинотуризм, креативные индустрии, креативное пространство, «Хоббитон», управление дестинацией, экономика впечатлений, устойчивое развитие.

The role of thematic movie tourism in the development of creative spaces (on the example of the Hobbiton project)

Milyutina Darina Aleksandrovna, student

Scientific advisor: Pavlova Olga Aleksandrovna, doctor of philological sciences, professor
Krasnodar State Institute of Culture

The article presents an analysis of the impact of film tourism on the transformation of natural territories into creative spaces, using the New Zealand project «Hobbiton» as a case study. The work reveals the mechanisms of capitalizing on media franchises, the problem of «phantom demand», and the concept of contents tourism. The study proves the importance of audience co-creation and the implementation of regenerative ecological practices for the sustainable development of destinations in the context of overtourism.

Keywords: film-induced tourism, creative industries, creative space, Hobbiton, destination management, experience economy, sustainable development.

Современный этап развития общества сопровождается глубокими социально философскими и экономическими преобразованиями, требующими переосмысления в академической науке. В ходе изучения исторического становления концепции креативности в университете был сформирован вывод о том, что глобальный переход человеческой цивилизации от парадигмы homo faber, ориентированной на утилитарное производство материальных благ, к концепции homo creator существенно трансформировал структуру мировой экономики. В условиях постмодерна и повсеместной цифровизации традиционные индустриальные модели уступают место «экономике знаний» и «индустрии впечатлений». Культура, искусство и медиакоммуникации перестали быть лишь сферами досуга, преобразовавшись в высокодоходные креативные индустрии, способные как формировать новую социальную реальность, так и создавать значительную экономическую добавленную стоимость. Значение данного сектора признано на высшем государственном уровне. В Российской Федерации в рамках стратегии структурной трансформации экономики поставлена задача повысить долю креативных индустрий в ВВП до 6 % к 2030 году [1]. Достижение этой цели требует глубокого изучения передового международного опыта по созданию высококачественных креативных продуктов

и пространств, что подчеркивает академическую и практическую актуальность темы данного исследования, особенно в сфере социокультурного управления.

Одним из ярких и экономически значимых феноменов интеграции медиатехнологий и территориального развития последнего времени является тематический кинотуризм. Это явление, при котором визуальные и повествовательные образы фильмов придают новым смыслам конкретным территориям, трансформируя обычные природные ландшафты в глобальные креативные кластеры. Исходя из кластерной теории М. Портера и концепции «креативного города» Ч. Лендри, современным креативным пространством является географическая зона с высокой концентрацией творческих специалистов, инновационных медийных ресурсов и развитой туристической инфраструктуры, создающей мощный синергетический эффект [2]. Кинематограф здесь обладает уникальным потенциалом формирования социокультурной идентичности регионов и стран. С опорой на идеи представителей Франкфуртской школы, в частности Т. Адорно и М. Хоркхаймера, а также фундаментальные исследования В. Беньямина об искусстве в эпоху технической воспроизводимости [2], можно подчеркнуть, что массовая культура тиражирует не только фильм как развлекательный продукт, но и физические локации съёмок.

Многочисленное воспроизведение превращает эти места в объекты глобального паломничества, повышая их символическую значимость.

Анализ современных наукометрических данных свидетельствует о стремительном росте академического интереса к кинотуризму, особенно в постпандемийный период [4;9]. Ведущие исследователи оперируют понятием «культурного сродства» — представленной на экране [4]. Специалист по туризму С. Битон метко проиллюстрировала масштабы влияния кино, сравнив его с влиянием изобретения Boeing 747 на массовый туризм [4;6], что стало переломным моментом с нишевого паломничества к массовому посещению кинолокаций. В этом контексте туристы стремятся осуществить «вице-потребление впечатлений», пытаясь найти в реальной среде образы, ранее сформировавшие их воображение через экран. В азиатской науке исследователи нередко расширяют концепцию кинотуризма нередко до «контент-туризма». В частности, Сяоюй У и Крис Райан подробно анализирует новозеландский проект «Хоббитон» и пекинский парк Дагуаньюань, доказывая, что, несмотря на существенные кросс-культурные различия, мотивация поклонников посещать физические воплощения любимых произведений обладает универсальным и космополитичным характером [5].

Для понимания управленческих аспектов трансформации территорий был подробно исследован проект «Хоббитон» в Новой Зеландии, признанный мировым стандартом управления креативным пространством. Становление кластера иллюстрирует процесс коммодификации ландшафта, который подробно описан в трудах социолога Б. Мьежа [2]. В 1998 году команда Питера Джексона обнаружила живописную ферму семьи Александер в сельской местности Уайката, уникальную благодаря отсутствию современных инфраструктурных элементов [3]. Эта локация стала идеальной для воплощения вымышленного Шира из произведений Дж.Р. Р. Толкина. Первоначальные съемочные декорации были временными и подлежали демонтажу после съемок, но из-за непредвиденных погодных условий и наплыва фанатов, заинтересованных в посещении, формат быстро изменился. В результате партнерства владельцев и киностудии была создана компания Rings Scenic Tours Ltd, которая перед съемками трилогии «Хоббит» реконструировала площадку в долговечный архитектурно-ландшафтный комплекс с 44 уникальными норами хоббитов и другими элементами.

Переключение от культурологического анализа феномена к его экономическому управлению требует применения сложных математических и статистических методов. В ходе исследования рассмотрены современные эконометрические работы, демонстрирующие, что кинематографический туризм не всегда автоматически приносит устойчивую прибыль. Например, анализ развивающихся дестинаций показывает, что туристический бум в Казахстане привел к общему негативному макроэкономическому эффекту, который затмил первоначальную выгоду от притока путешественников [7]. Традиционные

методы оценки макроэкономического влияния фильмов часто учитывали так называемый «фантомный спрос», то есть ошибочно интерпретировали рост узнаваемости как реальное увеличение туристических потоков. Недавние модели общего равновесия (CGE), применённые в исследовании под руководством Шин Ли (2017), показали, что первая трилогия «Властелин колец» не оказала статистически значимого долгосрочного экономического эффекта на Новую Зеландию [10]. Это объясняется отсутствием подготовленной инфраструктуры и недостатком скоординированной политики удержания капитала в регионе.

В противоположность этому, CGE анализ трилогии «Хоббит» выявил значительный экономический эффект. Главной причиной успеха стала государственная и дестинационная политика, включавшая масштабную мультимедийную кампанию Tourism New Zealand под слоганом «100 % детализированных путеводителей», а также настройка логистики между голливудскими студиями и местным бизнесом, что позволило эффективно монетизировать интерес туристов. Этот результат критически важен, потому что показывает: выдающийся медийный продукт нуждается в продуманном менеджменте и инфраструктурной поддержки, чтобы обеспечить устойчивую территориальную прибыль.

С позиций социокультурной практики операционный успех «Хоббитона» связан с внедрением концепции «целесоориентированного эмпирического маркетинга». Исследования на микроуровне выявили ключевую роль экскурсоводов, которые искусно переключают внимание туристов между историей региона, процессом кинопроизводства и литературной мифологией, обеспечивая погружение в нарратив и высокий уровень вовлеченности через совместное творчество [11]. Этот подход преобразует экскурсии в персонализированный социокультурный опыт, который посетители распространяют в социальных сетях, способствуя повышению интереса к проекту.

Однако рост популярности сопряжён с рисками. На фоне глобального климатического кризиса управление креативными пространствами становится невозможным без строгих экологических стандартов. Неконтролируемый кинотуризм стимулирует явление «овертуризма», ведущего к деградации природных ландшафтов и социальной напряженности. Кроме того, глубоко вовлечённые фанаты могут испытывать разочарование от коммерциализации локаций. Сравнительный анализ «Хоббитона» и мало затронутой инфраструктуры долины Урути показывает, что наиболее интенсивные туристические впечатления возникают там, где индустрия потребления минимальна [12]. Для снижения экологических и репутационных рисков «Хоббитон» реализует инициативы по экологической устойчивости, переходя от эксплуатации к восстановлению природы.

Исследование комплекса выявило, что в стратегии управления интегрировано обязательство «Tiaki Promise» — национальная инициатива Новой Зеландии, основанная на философии коренных маори, ориентиро-

ванная на сохранение природы и культуры. Ключевыми программами являются строгий углеродный аудит с получением экологической сертификации «Ekos Carbon Conscious», масштабное восстановление биоразнообразия с посадкой около 3000 саженцев эндемичных видов и интеграция в национальную образовательную программу «Enviroschools» [8]. В рамках последней местные школьники используют территорию комплекса как образовательную базу, осваивая практические навыки устойчивого земледелия.

В заключение можно утверждать, что тематический кинотуризм вышел за рамки нишевого развлечения, оказывая значительное влияние на формирование географической идентичности, создание глобальных мифологий и привлечение туристических потоков. Однако

пример «Хоббитона» демонстрирует, что мировая медийная узнаваемость не является достаточным условием экономического процветания территории. Успешная трансформация обусловлена комплексной межсекторной синергией, включающей государственную стратегию, инвестиции бизнеса, понимание психологии потребителей и обязательства в области экологической устойчивости. В контексте российской программы по увеличению вклада креативных индустрий в ВВП данный опыт представляет значительную научно-практическую ценность. Адаптация описанных механизмов, от предотвращения «фантомного спроса» до вовлечения образовательных учреждений в экоинициативы может способствовать созданию инновационных, креативных и экономически эффективных регионов в России.

Литература:

1. Абанкина Т. В., Николаенко Е. А., Романова В. В., Щербакова И. В. Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития. — М.: Высшая школа экономики, 2021. — 64 с.
2. Павлова О. А. История креативных индустрий: учебник. — Краснодар: КГИК, 2024. — 144 с.
3. Carl D. Cultural Representation of New Zealand's Landscapes in the Films of The Lord of the Rings and its Implications for Tourism // Open Access Te Herenga Waka-Victoria University of Wellington. — 2021. — 234 p.
4. Crespo-Almendros E., Prados-Peña M. B., Puche-Ruiz M. C. Film-induced tourism: a bibliometric analysis (1998–2024) // Journal of Hospitality and Tourism Insights. — 2025. — Vol. 8, Is. 11.
5. Cultural or Film Tourism: An analysis comparing Hobbiton, New Zealand, and Daguanyuan, China // International Marketing Journal of Culture and Tourism. — 2022. — Vol. 1, Is. 1. — P. 64–85.
6. Domínguez-Azcue J., Almeida-García F., Pérez-Tapia G. Analysis of the impact of film tourism on tourist destinations // Academy of Strategic Management Journal. — 2021. — Vol. 20, Is. 2. — P. 1–15.
7. Gams M. The impacts of film tourism on emerging destinations: from Kazakhstan to the Baltics // Proceedings of the CASB25 Conference. — 2025. — P. 178–187.
8. Huerta-Viso P. J., Llorca-Abad G. Film-Induced Tourism, Destination Branding and Game of Thrones: A Review of the Peñíscola de Cine Project // Social Sciences. — 2024. — Vol. 14, Is. 5. — P. 94.
9. Kim S. Film tourism historiography and scientometric review // Journal of Hospitality & Tourism Research. — 2024.
10. Li S., Li H., Song H., Lundberg C., Shen S. The economic impact of on-screen tourism: The case of The Lord of the Rings and the Hobbit // Tourism Management. — 2017. — Vol. 60. — P. 177–187.
11. Monteiro A., et al. Purpose-driven experiential marketing framework for film-induced destinations // Tourism and Hospitality. — 2024. — Vol. 7, Is. 1. — P. 24.
12. Seaton P. On the trail of The Last Samurai (II): Hobbiton vs Uruti Valley // International Journal of Contents Tourism. — 2019. — Vol. 4. — P. 25–31.

Безопасность подъемных сооружений: проблемы и пути их решения

Щурова Яна Владимировна, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

Статья посвящена анализу аварийности при эксплуатации подъемных сооружений на опасных производственных объектах и мерам ее снижения. Рассмотрены ключевые научные исследования, в которых предложены методики оценки рисков с учетом человеческого фактора, расчета опасных зон, повышения квалификации персонала и другие меры. Выявлены основные проблемы: устаревшая нормативная база, недостаточная детализация отраслевых решений, отсутствие единых баз данных по авариям. Предложены направления совершенствования систем безопасности — от актуализации учебных материалов до внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: подъемные сооружения, аварийность, промышленная безопасность, человеческий фактор, цифровизация, управление рисками.

Введение

Несмотря на развитие технологий и совершенствование норм промышленной безопасности, аварийность при эксплуатации подъемных сооружений остается высокой. Ежегодно фиксируются сотни инцидентов — от технических сбоев до смертельных случаев.

Основные причины аварийности

Анализ научных исследований показал, что на уровень аварийности влияют:

- техническое состояние оборудования (износ, неисправности);
- квалификация и действия персонала (более 60 % несчастных случаев связаны с человеческим фактором);
- организация работ;
- внешние условия;
- недостаточно детализированная нормативная и методическая база.

Существующие подходы к повышению безопасности

Исследователи предлагают различные меры для снижения аварийности:

Расчет опасных зон и автоматизация контроля (Попов Д. В. и соавторы): методика расчета опасной зоны при работе стрелового крана, внедрение систем мониторинга и усиление технического освидетельствования [4].

Оценка рисков с учетом человеческого фактора (Гаах Т. В.): метод экспертной оценки на основе статистики [1].

Замена оборудования и повышения квалификации (Поветкина П. Н., Хамидуллина Е. А.): своевременная замена оборудования, обучение персонала, формирование культуры безопасности [3].

Усиление производственного контроля (Егельская Е. В., Каланчукова В. А.): регулярная диагностика, своевременный ремонт оборудования, повышение уровня обучения [2].

Автоматизация и цифровизация (Савченко Н. В. и др.): внедрение автоматизированных систем мониторинга, усовершенствование нормативной базы [5].

Нормативно-правовая база

Безопасность эксплуатации подъемных сооружений регламентируется комплексом документов:

- международные стандарты (ISO 4301–1:2016, ISO 12480–1:2024);
- федеральные законы (№ 116ФЗ, № 184ФЗ);

- правила и нормы (ФНП № 461, ТР ТС 010/2011);
- ГОСТы (32575.1–2023, 33168–2014, 34016–2022, 34687–2020);
- отраслевые и локальные документы.

Однако даже развитая нормативная база не всегда учитывает современные технологические изменения и реальную интенсивность эксплуатации оборудования.

Нерешенные проблемы

Анализ литературы выявил ряд нерешенных вопросов:

- устаревшие методики, не учитывающие новые технологии;
- недостаточная детализация решений для конкретных отраслей промышленности;
- отсутствие единых баз данных и реестров аварийности;
- проблемы эксплуатации изношенного оборудования;
- сложности количественной оценки рисков из-за отсутствия универсальной методики.

Пути решения

Для преодоления выявленных недостатков необходимо:

- регулярно обновлять учебные материалы и монографии;
- разрабатывать отраслевые методические руководства с учетом специфики предприятий;
- проводить исследования, направленные на детализацию методов оценки риска для конкретных типов подъемных сооружений и условий эксплуатации;
- углубленно изучать человеческий фактор, включая психологические аспекты безопасности;
- создавать комплексные модели управления рисками, объединяющие технические, организационные и технологические меры;
- внедрять интеграцию традиционных методов с инновационными технологиями для достижения максимальной безопасности.

Заключение

Обеспечение безопасности подъемных сооружений требует комплексного подхода. Сочетание актуализации нормативной базы, повышения квалификации персонала, внедрения цифровых инструментов и учета человеческого фактора позволит существенно снизить аварийность и повысить уровень промышленной безопасности на опасных производственных объектах.

Литература:

1. Гаах, Т. В. Оценка риска безопасности с учётом человеческого фактора при эксплуатации подъёмных механизмов / Т. В. Гаах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 7–5. — С. 26–29.
2. Егельская, Е. В. Анализ основных причин травматизма для персонала при эксплуатации подъёмных сооружений / Е. В. Егельская, В. А. Каланчукова // Молодой исследователь Дона. — 2021. — № 6(45). — С. 132–137. — УДК 331.45.
3. Поветкина, П. Н. Анализ аварийности и травматизма при работе с грузоподъёмными механизмами / П. Н. Поветкина, Е. А. Хамидуллина // XXI век. Техносферная безопасность. — 2018. — № 4. — С. 40–50. — УДК 331.453.
4. Попов Д. В., Васильев А. А., Дромиади А. А., Иванов Д. С., Ирдынчев Г. Л. Анализ средств обеспечения безопасности при работе подъёмных сооружений // Научные труды КубГТУ. — 2015. — № 10. — С. 165–173. — УДК 62–783.9.
5. Савченко, Н. В. Анализ причин аварий крановых механизмов / Н. В. Савченко, А. Н. Савченко, Ю. Г. Ежов // Промышленные и строительные технологии. — 2015. — № 1. — С. 8–13. — ISSN 2415–847X.

Вопросы определения понятия «общественная безопасность» и роль Росгвардии в обеспечении государственной и общественной безопасности в Российской Федерации

Юсяева Альбина Фатиховна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В научной статье раскрывается терминологический аппарат используемых терминов и проблемы соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность», как неотъемлемого механизма для стабильного развития общества. Актуальность вопроса безопасности в современном мире, на фоне случившихся террористических и провокационных угроз, нарастает и перерастает в озабоченность по усилению безопасности государства, общества и порядка. В настоящее время указанная мера требует повышенного внимания со стороны компетентных органов и просвещению гражданского населения по вопросам действий при возникшей опасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, безопасность, общественный порядок, государственная безопасность, исполнительные органы, правоохранительные органы, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, преступность.

Issues of defining the concept of “public security” and the role of the Rosgvardia in ensuring state and public security in the Russian Federation

Yusyayeva Albina Fatikhovna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article scientific article explores the terminology and understanding of the concepts of «public order» and «public safety» as a mechanism for ensuring the stable development of society. The relevance of security in the modern world, amid ongoing terrorist and provocative threats, is driven by concerns about strengthening the security of the state, society, and public order. Currently, this measure requires increased attention from competent authorities and public education on the issues that arise during a threat.

Keywords: public safety, security, public order, state security, executive bodies, relevant bodies, National Guard of the Russian Federation, crime.

Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия), иных концептуальных и доктринальных документов.

Ранее Указом Президента Российской Федерации от 25.11.2025 года № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» был утвержден документ об укреплении единства и целостности страны, сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов и гармонизацию межнациональных отношений [3]. Однако в научной

статье необходимо подробнее остановиться на ранее действующей Стратегии национальной безопасности.

Среди стратегических национальных приоритетов России, согласно Указу президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия № 683), обеспечение национальных интересов осуществлялось посредством реализации следующих приоритетов: «оборона страны», «государственная безопасность», «общественная безопасность» и т. д. [4].

Остановимся подробнее на терминологическом аппарате Стратегии № 683. В термин «оборона страны» сходит цель по созданию условий для мирного населения и социального-экономического развития страны, обеспечения военной безопасности, сдерживания конфликтов и предотвращения военной эскалации, укрепления военной организации Российской Федерации.

Указанный термин раскрывает собой комплекс приоритетных направлений позволяющих подавить внешние проявления конфликтов между странами. Не маловажно отметит и стратегическую направленность укрепления военной обороны страны, мобилизационной готовности Вооруженных сил Российской Федерации, экономики страны, готовности гражданской обороны по подготовке защиты населения.

Такие термины как «государственная безопасность» и «общественная безопасность» намного шире термина «оборона страны», поскольку стратегической целью указанных терминов, является защита конституционного строя от посягательств деятельности иностранных специальных служб и организаций, а также отдельных лиц, суверенитета, территориальной целостности страны, основных прав и свобод человека и гражданина, политической и социальной стабильности, борьбу с внутренними конфликтами (угрозами): коррупция, преступные посягательства против личности, собственности, общественной и экономической безопасности, возникновение экстремизма, фашисткой идеологии, сепаратизма и терроризма [5]. Под внутренними конфликтами (угрозами) подразумевается опасное явление, которое возникает в пределах территории Российской Федерации, ведущие к деградации развития и распаду государства.

Необходимо соотнести понятия «общественная безопасность» и «общественный порядок». В широком «общественный порядок» — это совокупность нарастающих взаимно-социальных связей и отношений, складывающихся под влиянием правовых и социальных норм, норм морали и обычаев [6]. В узком смысле «общественный порядок» — это определенная совокупность общественные отношений, урегулированных нормами права, складывающихся в различных областях социально-политической жизни [7]. Несмотря на динамично развивающиеся отношения, невозможно не участие в них государственных органов исполнительной власти, в компетенцию которых отнесена охрана общественного порядка, обеспечивающих реализацию общественного порядка в узком

смысле, поскольку полномочия закреплены в нормативно правовых актах.

Сам по себе общественный порядок тесно связан с правом порядком, закрепленным нормами права, поскольку имеют общие цели объекта, подлежащие регулированию и нормами права, их регулируемыми.

Справедливо возникает вопрос понимания определения «общественной безопасности». Для раскрытия вопроса необходимо обратиться к Федеральному закону от 28 декабря 2010 года № 390 «О безопасности», но при детальном рассмотрении нормативного акта не было выявлено сформулированного законодателем определения слову «безопасность» и «общественная безопасность». Однако в ранее действующем нормативном акте в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-I «О безопасности» отражен понятийный аппарат [1]. Под «безопасность» понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Ученые подмечали противоречивость и выражали не согласие со сформулированным определением, о невозможности понимать «безопасность» как состояние нахождения/быть в защищенности.

Стоит отметить, что в национальную безопасность действующее законодательство выделяет следующие виды безопасности в зависимости от объекта правовой охраны: пожарная безопасность; транспортная безопасность; государственная безопасность; экологическая безопасность; общественная (социальная) безопасность и т. д. Однако законодатель не конкретизирует понятие «общественной безопасности»

Поскольку нарастающий рост внешних угроз и рост чрезвычайных ситуаций внутри страны, то «общественная безопасность» приобретает особую актуальность. На основе анализа действующих нормативно правовых актов и мнений ученых, рассматривающих указанную проблему, необходимо самостоятельно сформировать определение термину «безопасность» — это правовой институт, состоящий из норм различных отраслей права и представляющий собой комплексную систему, обеспечивающий жизненно важные интересы личности, общества и государства от влияния внешних угроз и формирующихся внутри государства [9].

Следует отметить, поскольку общественная безопасность создает условия для обеспечения общественного порядка, а соблюдение общественного порядка создает условия для обеспечения безопасности граждан страны, то указанные понятия тесно взаимосвязаны и не разрывны друг с другом [10].

Особую роль в обеспечении государственной, общественной безопасности и охраны порядка в общественно-массовых мероприятиях, осуществляет Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Росгвардия).

Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, основанной на базе Внутренних войск

Министерства внутренних дел Российской Федерации и других силовых структур для совершенствования деятельности органов правопорядка, а именно для эффективной координации деятельности по противодействию террористических угроз, что непосредственно влияет на государственную и общественную безопасность.

Как любой другой исполнительный орган в Российской Федерации Росгвардия была образована Указом Президента Российской Федерации от 05 апреля 2016 года № 157, что свидетельствует о её прямой подчиненности президенту страны [2].

В современных условиях Росгвардия сталкивается со следующими не мало важными вызовами, требующими разрешения:

- террористическая активность и совместный контроль с другими исполнительными органами запрещенных организаций на территории страны;

- мониторинг и своевременное реагирование на проявление экстремизма и провокаций;

- стабилизация и координирование порядка в условиях чрезвычайных ситуаций на массовых мероприятиях.

Как указывалось выше, Росгвардия активно взаимодействует с органами государственной власти, местного самоуправления, но также с общественными организациями и волонтерскими движениями. Данные взаимодействия стабилизируют общество и сплочённость общества, а цельно государство [11]. Росгвардия активно совершенствует и внедряет технологии позволяющие своевременно выявлять и купировать всплески проявлений, направленных на подрыв целостности государства, внедряет автоматизированные комплексные системы видеонаблюдения на базе искусственного интеллекта для анализа обстановки.

Однако необходимо подчеркнуть проблематику и пути ее решения, вытекающую из представленной темы научной статьи:

1. Отсутствие компетентного должностного и резервного кадрового состава, что приводит к недостаточной эффективности рассматриваемых правоохранительных структур.

Нехватка кадров является масштабной проблемой поскольку сотрудники обеспечивают должный контроль и безопасность общества. Указанная проблема требует решения путем не только заинтересованности в работе студентов, но и достойных выплат и поощрений при трудоустройстве, а именно социального обеспечения. Не мало важно снизить рабочее давление на сотрудников и внедрить комплекс мер по повышению эффективности процессов для результативности работ. Указанный комплекс позволяет устранить рутину, ознакомить сотрудников выполнением работы непосредственно связанных с компетенцией сотрудника и распределить равномерно нагрузку на все отделы.

Стоит отметить, молодые кадры требуют больше затрат, поскольку они остаются социально уязвимой единицей общества, поскольку еще не могут иметь стабильный заработок после обучения в образовательных организациях.

Повышение зарплат и стабилизация трудовой нагрузки обеспечит не только увеличение заинтересованных потенциальных кадров, но и повышение создаваемых семей и прироста населения;

2. Отсутствие четкого взаимодействия между различными ведомствами.

Отсутствие системы межведомственного электронного взаимодействия затрудняет оперативный обмен данными. Указанная проблема требует создания единых межведомственных цифровых платформ по обмену информацией для преодоления барьеров и уменьшению временных затрат на получение информации;

3. Отсутствие информационного фильтра в сети-интернет и контроля за информационным пространством.

Указанная проблема носит широкое воздействие на «цифровую» аудиторию различных возрастов, чаще на подростковое.

Так по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации на 1 апреля 2026 года, в России 30,4 % преступлений совершено подростками, использующими информационно-телекоммуникационные технологии в свободное от обучения время [8]. Как отмечалось, преступность возрастает на фоне незнания правовых последствий (ответственности) за совершенное преступление, в силу недостаточного заработка, либо под руководством злоумышленников.

Пути решения сложившейся проблемы однозначно сводятся к:

- увеличению заинтересованности школьников и студентов к трудовой деятельности при образовательных организациях на ранней стадии. Это поможет подрастающему поколению адаптироваться к условиям труда и сформировать свои интересы в различных направлениях, сформироваться как начинающие специалисты;

- привлечению профилактических кампаний, которые нацелены на формирование правильного вектора развития молодежи, устранения факторов риска их девиантного поведения, важности разъяснения не только правовых последствий совершения преступных действий, но и как эти действия могут повлиять на общество, государство и на жизнь несовершеннолетнего преступника;

- мониторинг и блокировка экстремистских материалов в сети интернет, создание систем «барьеров» для ликвидации взлома систем населения.

4. Отсутствие профилактических работ и информационного ознакомления с населением.

Важно подчеркнуть, что указанная проблема решается путем завлечения населения в волонтерские объединения и программы по ознакомлению населения с вражескими последствиями, обучение правилам как личной безопасности так помощи окружающим.

Несмотря на роль исполнительных органов в порядке и общественной безопасности, ключевая роль отводится населению. Общественная безопасность — зависит от самого гражданина путем соблюдения законов, бдительности, участия в инициативных общественных группах,

ответственности как за себя, так и за государство, доверие и взаимопомощи.

Активность населения в участии в обеспечении общественной безопасности способствует к снижению влияния возможностей злоумышленников. Подобная сплоченность формирует благоприятную атмосферу внутри общества к государству и взаимной поддержке, что способствует укреплению устойчивости общества.

Таким образом, подводя итог вышенаписанному тексту научной статьи, необходимо сформировать еще одно определение термину как «Общественная безопасность» — это комплекс мер, сформированный органами власти и общества для достижения устойчивой стабильной связи общества и государства от внешних и внутренних угроз, покушающихся на национальные интересы, жизнь и здоровье граждан.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 05.03.1992 года № 2446-I «О безопасности» // «Ведомости СНД и ВС РФ» от 09.04.1992, № 15, ст. 769 (дата обращения: 14.04.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 11.04.2016, № 15, ст. 2072 (дата обращения: 20.04.2026).
3. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 01.12.2025, № 48 (часть IV), ст. 7312 (дата обращения: 02.04.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212 (дата обращения: 02.04.2026).
5. Забелин А. Г., Сацкевич Т. К. Противодействие коррупции — основа экономической безопасности российской федерации / В сборнике: Экономика и управление. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Москва, 2025. С. 74.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. Москва, 2010 (дата обращения: 02.04.2026).
7. Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях: автореф. дис. Д-ра юрид. наук. Москва, 1996 (дата обращения: 08.04.2026).
8. Новости Парламентской газеты. Официальное электронное периодическое издание. «МВД: Почти треть преступлений подростков совершены с использованием IT-технологий». 2026. URL: <https://www.pnp.ru/social/mvd-pochti-tret-prestupleniy-podrostkov-soversheny-s-ispolzovaniem-it-tekhnologiy.html> (дата обращения: 28.04.2026).
9. Рябченко И. В. Система общественной безопасности Российской Федерации. — М.: Юрайт, 2018 (дата обращения: 20.04.2026).
10. Сацкевич Т. К. Правообеспечительные обязанности государства как критерии формирования и разграничения компетенции государственной власти // Правовая политика и права человека в современной России: материалы Международного круглого стола, 03 июня 2015 г., г. Волгоград. — Волгоград: ВолГУ, 2015. С. 183.
11. Сацкевич Т. К., Засименко А. Д. Понятие и формы осуществления правозащитной деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы, технологии и инновации в образовании и науке. Сб. научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации. 2018. С. 155.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 21 (624) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 03.06.2026. Дата выхода в свет: 10.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.